

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 25 МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

ТОМ 14 • № 4 • 2022 • ОКТЯБРЬ–ДЕКАБРЬ

DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-4

<https://fmp.msu.ru/nauka/vestnik-moskovskogo-universiteta>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) РФ
Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-35059 от 23 января 2009 г.

Учредитель: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Главный редактор

Кокошин А.А. — академик РАН, доктор исторических наук, профессор, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Заместитель главного редактора

Юдин Н.В. — кандидат исторических наук, доцент кафедры международных организаций и мировых политических процессов, заместитель директора Центра проблем безопасности и развития при факультете мировой политики МГУ по исследованиям и разработкам, Москва, Россия

Члены редколлегии

Бабынина Л.О. — кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, руководитель Центра политической интеграции Института Европы РАН, Москва, Россия

Барсенков А.С. — доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник кафедры международных организаций и мировых политических процессов факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Бартенев В.И. — кандидат исторических наук, доцент кафедры международных организаций и мировых политических процессов, директор Центра проблем безопасности и развития при факультете мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Белокреницкий В.Я. — доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока, заместитель председателя ученого совета Института востоковедения РАН, Москва, Россия

Глазунова Е.Н. — кандидат исторических наук, лектор, Университет Калифорнии, Ирвайн, США

Звягельская И.Д. — доктор исторических наук, профессор, заведующая сектором ближневосточных исследований ИМЭМО РАН, главный научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН, профессор кафедры востоковедения МГИМО МИД РФ, Москва, Россия

Кузнецов В.А. — кандидат исторических наук, руководитель Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН, Москва, Россия

Панов А.Н. — Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой дипломатии МГИМО МИД РФ, главный научный сотрудник Института США и Канады РАН, Москва, Россия

Потёмкина О.Ю. — доктор политических наук, заведующая отделом исследований европейской интеграции Института Европы РАН, Москва, Россия

Прохоренко И.Л. — доктор политических наук, заведующая сектором международных организаций и глобального политического регулирования ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Рыхтик М.И. — доктор политических наук, директор Института международных отношений и мировой истории ННГУ имени Н.И. Лобачевского, профессор РАН, Нижний Новгород, Россия

Серунин А.А. — доктор политических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений факультета международных отношений СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия; профессор кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД РФ, Москва, Россия

Сидоров А.А. — кандидат исторических наук, декан факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, заведующий кафедрой международных организаций и мировых политических процессов ФМП МГУ, доцент кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ, Москва, Россия

Степанова Е.А. — доктор политических наук, руководитель Группы по исследованию проблем мира и конфликтов ИМЭМО РАН, профессор РАН, Москва, Россия

Фененко А.В. — доктор политических наук, профессор, доцент кафедры международной безопасности факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Хахалкина Е.В. — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры новой и новейшей истории и международных отношений факультета исторических и политических наук Томского государственного университета, Томск, Россия

Яковлев А.И. — доктор исторических наук, профессор кафедры региональных проблем мировой политики факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Редактор

Малеванная Е.А.

Lomonosov World Politics Journal

Vol 14 • No. 4 • FALL • 2022

DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-4

<https://fmp.msu.ru/nauka/vestnik-moskovskogo-universiteta>

Founded in 2009

Founder: LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY

Editor-in-Chief

Andrei A. Kokoshin — Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Deputy Editor-in-Chief

Nikolay V. Yudin — PhD (History), Associate Professor at the Chair of International Organizations and World Political Processes, Deputy Director of the Center for Security and Development Studies at the School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Editorial Board

Lyudmila O. Babynina — PhD (Political Science), Leading Research Fellow, Head of the Center for Political Integration, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Aleksandr S. Barsenkov — Doctor of Sciences (History), Senior Research Fellow at the Chair of International Organizations and World Political Processes, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Vladimir I. Bartenev — PhD (History), Associate Professor at the Chair of International Organizations and World Political Processes; Director of the Center for Security and Development Studies at the School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Vyacheslav Y. Belokrenitsky — Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Center for Middle East Studies, Deputy Head of the Academic Council, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Elena N. Glazunova — PhD (History), Lecturer at the University of California, Irvine, United States

Irina D. Zvyagelskaya — Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Middle East Research Center, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences; Chief Research Fellow at the Center for Arab and Islamic Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Vasilii A. Kuznetsov — PhD (History), Head of the Center for Arab and Islamic Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Aleksandr N. Panov — Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Russian Federation, Doctor of Sciences (Political Science), Professor, Head of the School of Diplomacy, MGIMO University; Leading Research Fellow, Institute for US and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Olga Yu. Potemkina — Doctor of Sciences (Political Science), Head of the Department of European Integration Studies, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Irina L. Prokhorenko — Doctor of Sciences (Political Science), Head of the Sector of International Organizations and Global Political Governance, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Mikhail I. Rykhtik — Doctor of Sciences (Political Science), Director of the Institute of International Studies and World History, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Professor of the Russian Academy of Sciences, Nizhny Novgorod, Russia

Aleksandr A. Sergunin — Doctor of Sciences (Political Science), Professor at the Chair of International Relations Theory and History, School of International Relations, St. Petersburg State University; Professor at the Chair of World Politics, School of Governance and Politics, MGIMO University, Moscow, Russia

Andrei A. Sidorov — PhD (History), Dean of the School of World Politics, Associate Professor at the Chair of Modern and Contemporary History, School of History, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Ekaterina A. Stepanova — Doctor of Sciences (Political Science), Head of the Group on Peace and Conflict Studies at the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Professor of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Aleksei V. Fenenko — Doctor of Sciences (Political Science), Associate Professor at the Chair of International Security, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Elena V. Khakhalkina — Doctor of Sciences (History), Professor, Associate Professor at the Chair of Modern and Contemporary History and International Relations, School of History and Political Studies, National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia

Aleksandr I. Yakovlev — Doctor of Sciences (History), Professor at the Chair of Regional Issues of World Politics, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Editor

Ekaterina A. Malevannaya

«ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. СЕРИЯ XXV. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА»

ISSN 2076-7404

Периодичность — четыре выпуска в год

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК Министерства образования и науки РФ (по научным специальностям: 5.6.7 — История международных отношений и внешней политики (исторические науки); 5.5.2 — Политические институты, процессы, технологии (политические науки); 5.5.4 — Международные отношения, глобальные и региональные исследования (политические науки)) и Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Цель и тематика

XXV серия «Вестника Московского университета» была учреждена на базе факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова в 2009 г. для содействия профессиональному обмену идеями между специалистами из МГУ и других отечественных и зарубежных центров международно-политической науки. В последующие 10 лет благодаря непрерывному интенсивному научному диалогу с авторами и рецензентами удалось не только сформировать узнаваемый стиль серии, но и конкретизировать миссию и нишу журнала в системе периодических изданий по проблемам международных отношений. Журнал «Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика» преследует двоякую цель. С одной стороны, он призван стать интеллектуальной площадкой для последовательного, системного представления взглядов российских ученых-международников по широкому кругу проблем современной мировой политики и истории международных отношений. В связи с этим редакция особенно заинтересована в комплексном освещении результатов научной работы ведущих российских исследовательских центров, школ и лабораторий, для чего предусмотрены как специальная рубрика «Тема в фокусе», так и возможность подготовки отдельных тематических выпусков журнала. С другой стороны, журнал приглашает к публикации зарубежных экспертов, специализирующихся на изучении истории и современной роли России в системе международных отношений.

Целевой аудиторией журнала являются ученые-международники, политологи и преподаватели высших учебных заведений, а также студенты и аспиранты профильных вузов.

В журнале публикуются оригинальные научные статьи, экспертные комментарии непосредственных участников мирополитического процесса и рецензии на новейшие исследования в области международных отношений и мировой политики. Тематика журнала представлена следующими ключевыми направлениями: теория международных отношений; международная безопасность; политэкономика международных отношений; мировые интеграционные процессы; проблемы комплексного регионоведения; история международных отношений; внешняя политика России и стран СНГ; содействие международному развитию.

Адрес редакции

119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, 1-й учеб. корпус гуманитарных факультетов, факультет мировой политики, к. 601.

Тел. 8 (495) 939-52-71. E-mail: vestnik.fmp@fmp.msu.ru

Подписано в печать 15.03.2023. Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 11,0

Уч.-изд. л. 10,7. Тираж экз. Цена свободная. Изд. № 12091. Заказ № .

Издательство Московского университета

119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15 (ул. Академика Хохлова, 11)

Тел.: 8 (495) 939-32-91. E-mail: secretary@msupress.com

Отдел реализации: тел. 8 (495) 939-33-23, e-mail: zakaz@msupress.com

Сайт Издательства МГУ: <http://msupress.com>

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «Амирит». 410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88. Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33.

E-mail: zakaz@amirit.ru Сайт: amirit.ru

© Издательство Московского университета.
«Вестник Московского университета», 2023

LOMONOSOV WORLD POLITICS JOURNAL

ISSN 2076-7404

QUARTERLY

A peer-reviewed scholarly journal on international relations and world politics

Aims and Scope

Lomonosov World Politics Journal was established at the School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, in 2009. It was aimed at promoting professional and open exchange of views among international relations experts from Lomonosov Moscow State University and other leading Russian centers for IR studies. Through the constant and intensive dialogue with our authors and reviewers during the following 10 years the editorial board has managed not only to develop a unique and recognizable journal identity but also to specify its aims and niche within the system of peer-reviewed journals on international relations. Lomonosov World Politics Journal pursues a two-folded aim. On the one hand it aims to promote in a systematic and comprehensive manner the views of the Russian IR experts on both the history of international relations and current issues of world politics. To this end the editorial board is primarily focused on highlighting the research findings of the leading Russian think-tanks, research centers and laboratories under the rubric 'Focal Point' or within special thematic issues of the Journal. On the other hand, the Journal welcomes the submissions from foreign scholars specializing in the study of history and contemporary role of Russia in the system of international relations.

The target audience of the Journal includes international researchers, political scientists, teachers, post-graduate students and students of higher education institutions.

The Journal publishes original researches, but also expert commentaries from Russian foreign policy-makers, educational materials as well as review essays and reviews of the latest works in international relations. The Journal covers the following thematic areas: theory of international relations, international security, international political economy, international integration, regional issues of world politics, history of international relations, foreign policy of the Russian Federation and the Post-Soviet states, international development cooperation, and public diplomacy.

Address of the Editorial Board

1/51 Leninskie gory, Moscow, Russia, 119991, School of World Politics

Phone: +7 495 939 52 71

E-mail: vestnik.fmp@fmp.msu.ru

Printing run ... copies. Open price

Publisher

Moscow University Press

119991 Russia, Moscow, Akademika Khokhlova street, 11

E-mail: secretary@msupress.com

Web: <https://msupress.com/>

Printed at

OOO 'Amirit'

88, Chernyshevskogo st., Saratov, Russia, 410004

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Международная безопасность

Б о г д а н о в К.В. Стратегическая стабильность: динамика и факторы трансформации	7
К а л и н и н Р.Р. Корейский полуостров как очаг напряженности «холодной войны 2.0»	48

Региональные проблемы мировой политики

П р о х о р е н к о И.Л. Нарративы энергетического перехода в Европейском союзе	77
Б л а г о в е щ е н с к и й Р.И. Возможно ли повторение Брекзита во Франции?	98

«Мягкая сила» в мировой политике

М а р ч у к о в А.Н. Публичная дипломатия ЕС в США при администрации Д. Трампа: вызовы, ключевые проекты и результаты. . .	125
В а н Ю й ф э й . Практика публичной дипломатии КНР в Центральной Азии: современное состояние, вызовы и перспективы развития	145
<i>Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале «Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика» в 2022 г.</i>	<i>173</i>

CONTENTS

International Security

Bogdanov K.V. Strategic Stability: Dynamics and Factors of Transformation	7
Kalinin R.R. The Korean Peninsula as a Hotbed of Cold War 2.0 ...	48

Regional Issues of World Politics

Prokhorenko I.L. Energy Transition Narratives in the European Union	77
Blagoveshchenskii R.I. Brexit: Could France Follow the Lead? ..	98

‘Soft Power’ in World Politics

Marchukov A.N. The EU Public Diplomacy in the United States under the D. Trump Administration: Challenges, Key Projects and Outcomes	125
Wang Yufei. PRC’s Public Diplomacy Practice in Central Asia: Current Situation, Challenges and Prospects	145

<i>Complete List of Papers Published in Lomonosov World Politics Journal in 2022</i>	173
--	-----

МЕЖДУНАРОДНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

INTERNATIONAL SECURITY

DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-4-7-47

Научная статья / Research paper

К.В. Богданов*

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ: ДИНАМИКА И ФАКТОРЫ ТРАНСФОРМАЦИИ

*Федеральное государственное бюджетное научное учреждение
«Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений
имени Е.М. Примакова» Российской академии наук
117997, Москва, ул. Профсоюзная, 23*

Статья посвящена сравнительному исследованию динамики и механизмов трансформации стратегической стабильности в исторической ретроспективе холодной войны и в настоящий момент. На основании анализа факторов, влияющих на стратегическую стабильность в разные периоды времени, делаются выводы о приоритетах этой трансформации. При анализе стратегической стабильности следует отличать ее базовые принципы, сводящиеся к устойчивости ядерного сдерживания в любых реалистичных сценариях развития событий и не предоставляющие конструктивных оснований для практических действий, от прикладных репрезентаций для нужд расчета военно-стратегических балансов и формулирования соглашений о контроле над вооружениями. Последние зависят от текущего состояния стратегического ландшафта, который подвержен постоянным изменениям, иногда скоростным и драматичным, как показывают и история холодной войны, и современное положение дел. Прикладное воплощение стратегической стабильности выбирается для конкретных задач, соотносится с наиболее опасными текущими тенденциями и опирается на набор трех базовых групп факторов (военно-политических, военно-технических и военно-стратегических), действующих в определенный момент времени. Это приводит к необходимости постоянного пересмотра релевантного набора этих факторов и разработке всё новых практических мер укрепления ядерного сдерживания.

* Богданов Константин Вадимович — кандидат технических наук, старший научный сотрудник сектора военно-политического анализа и исследовательских проектов ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН (e-mail: cbogdanov@gmail.com).

В статье выполнена оценка текущего набора релевантных факторов, влияющих на стабильность ядерного сдерживания. Данная оценка была соотнесена с широко применяемой сегодня моделью стратегической стабильности, уходящей в логику переговоров о контроле над вооружениями конца 1980-х годов. Показаны пределы применимости этой модели в нынешнем стратегическом ландшафте, сделан акцент на приоритетных факторах, которые подрывают текущую репрезентацию стратегической стабильности (определенную в Совместном советско-американском заявлении 1990 г.). Продемонстрирована возросшая комплексность проблемы в сравнении с опытом холодной войны: возникновение новых неучтенных факторов отмечается во всех трех упомянутых группах. Проанализированы возможные характер и последовательность дальнейшего движения в сфере контроля над вооружениями, способного снизить остроту проблемы и повысить стратегическую стабильность.

Ключевые слова: военно-стратегический баланс, контроль над вооружениями, международная безопасность, ограниченное применение ядерного оружия, ответный удар, первый удар, противоракетная оборона, стратегический паритет, стратегическая стабильность, стратегические ядерные силы, ядерное сдерживание

Для цитирования: Богданов К.В. Стратегическая стабильность: динамика и факторы трансформации // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2022. Т. 14. № 4. С. 7–47. DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-4-7-47.

Konstantin V. Bogdanov

STRATEGIC STABILITY: DYNAMICS AND FACTORS OF TRANSFORMATION

*Primakov National Research Institute of World Economy
and International Relations, Russian Academy of Sciences
23, Profsoyuznaya str., Moscow, 117997*

The paper provides a comparative analysis study of the dynamics and mechanisms of the strategic stability transformation both during the Cold War and at present. Drawing on the analysis of the factors affecting strategic stability in different time periods, the author outlines the priorities of this transformation. Its basic principles are confined to the stability of nuclear deterrence in any realistic scenarios and do not provide for practical action. Hence, one should distinguish them from applied solutions for calculating military-strategic

balances and elaboration of arms control agreements. The latter depend on the current strategic landscape subject to constant, sometimes drastic change, as both the Cold War history and the recent developments testify. The choice of particular type of representation of strategic stability is determined by the nature of the most dangerous ongoing trends, and relies on a set of three basic groups of factors (political-military, military-technical, and military-strategic) existing at a given time. This necessitates constant revaluation of these factors and development of new practical measures to build up nuclear deterrence.

The paper assesses the current set of relevant factors affecting stability of nuclear deterrence, and then compares it with the commonly used model of strategic stability based on the logic of arms control negotiations of the late 1980s. The author highlights the limitations of the latter model applicability to the present strategic landscape, and outlines the key factors that erode the current understanding of strategic stability (as it was stipulated in the 1990 U.S.–Soviet Joint Statement). In particular the author emphasizes the increasing complexity of international landscape as compared to the Cold War period: new and unanticipated challenges have affected all three above-mentioned groups of factors. The paper ends up with the analysis of the possible developments in the field of arms control that could alleviate tensions and increase strategic stability.

Keywords: military-strategic balance, arms control, international security, limited nuclear options, retaliatory strike, first strike, missile defense, strategic parity, strategic stability, strategic nuclear forces, nuclear deterrence

About the author: Konstantin V. Bogdanov — PhD (Engineering), Senior Research Fellow at the Center for International Security, the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (e-mail: cbogdanov@imemo.ru).

For citation: Bogdanov K.V. 2022. Strategic stability: Dynamics and factors of transformation. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 14, no. 4, pp. 7–47. DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-4-7-47. (In Russ.)

Зарождение принципов стратегической стабильности прослеживается сразу после 1945 г. — еще в дискуссиях первого поколения стратегических аналитиков, когда устоявшегося теоретического корпуса ядерной стратегии попросту не существовало. В спорах Б. Броуди и У. Бордена [Borden, 1946; *The absolute weapon...*, 1946], заложивших целый ряд базовых концепций теории ядерной стратегии (в частности, дилеммы контрсилового и контрценностного нацеливания), впервые был показан механизм ядерного сдержи-

вания: уверенность своей в способности нанести на любой стадии конфликта удар, сокрушающий противника.

На втором этапе этих дискуссий возникли проблема уязвимости ядерных потенциалов и вытекавшая из нее идея стратегии разоружающих ударов. Все 1950-е годы в США прошли под знаком жарких споров на этот счет (подробнее см., например: [Kaplan, 1991: 85–110]). Результатом теоретического осмысления данной проблемы стала ключевая работа А. Уолстеттера «Хрупкое равновесие страха», где автор, до того вовлеченный в прикладные исследования уязвимости ядерных сил США, порученные RAND Corporation, прямо указал на двойственную динамику ситуации [Wohlstetter, 1959]. Страх перед разоружающим ударом равного противника толкает игрока к тому, чтобы этого противника упредить, а возможность сокрушительного возмездия удерживает его от такого хода.

Развивая и одновременно критикуя эту мысль, Т. Шеллинг писал: «Основу взаимного сдерживания формирует не баланс, т.е. очевидное равенство (симметрия) ситуации, а *стабильность* этого баланса» [Schelling, 1959: 414]. (Согласно обобщающему замечанию А.А. Кокошина на этот счет «[т]ермин *равновесие* скорее отражает количественные параметры существующей ядерной “суперсистемы”, тогда как понятие *стабильность* характеризует ее качественное содержание» [Кокошин, 2013: 163].)

Таким образом, уже к 1960 г. сложилось предельно обобщенное теоретическое понимание стратегической стабильности как устойчивого состояния взаимной возможности нанести неприемлемый ущерб, что позже, с ростом арсеналов, создало ситуацию взаимного гарантированного уничтожения, а по итогам глубоких сокращений ядерного оружия трансформировалось в концепцию сдерживающего ущерба.

Определение это, как сказали бы математики, неконструктивно: оно описывает некоторое состояние, но ничего не говорит о том, как его достичь на практике. Математика упомянута здесь не в качестве метафоры: принцип стратегической стабильности имеет слишком много прямых аналогий с устойчивостью технических систем (на что, к слову, обращали внимание российские исследователи [Веселов, 2015: 27]), а если быть совсем точным, то с их робастностью (способностью удерживать выходные параметры в заданном диапазоне при воздействии возмущений). Связь стратегической стабильности с понятийным аппаратом теории систем (в том числе с проблемой

гомеостаза в сложных системах) отмечали и другие специалисты (обзор см.: [Влияние технологических факторов..., 2017: 79–80]). Однако математизированное описание стратегической стабильности не пошло дальше динамических моделей военно-стратегического баланса и количественного стохастического анализа сценариев обмена массированными ударами при различных допущениях. Причиной были сложность всей совокупности моделируемых процессов и необходимость учета разнородных факторов, оказывающих серьезное (и порой нетривиальное) влияние на развитие событий [Yarynich, 2003: 63–134; Арбатов, Дворкин, 2011: 3–4].

Исторически сложившиеся американские воззрения на стратегическую стабильность подразумевают две укрупненные категории проблем. К *кризисной стабильности* относятся все аспекты, влияющие на принятие решения об упреждающем применении ядерного оружия в обстановке военно-политического кризиса. Специфический подвид данной категории — стабильность в первом ударе, имеющая дело с узкими военно-техническими особенностями конкретных систем вооружений, включая их живучесть, точность и контрсилловой потенциал, т.е. как раз с теми параметрами, которые входят в традиционную сферу методологии контроля над вооружениями. Выступая, по замечанию Дж. Эктона [Strategic stability..., 2013: 122], необходимым условием кризисной стабильности, стабильность в первом ударе не является достаточным условием. В этом, в частности, крылся будущий механизм развития расширительных трактовок стратегической стабильности, распространяющихся на сферу политических отношений.

Вторая категория — *стабильность гонки вооружений*, общий смысл которой сводится к тому, чтобы ни одна из сторон не могла заполучить решающее военное преимущество за счет количественного наращивания (а по возможности и качественного совершенствования) запасов оружия. Высокая стабильность гонки вооружений обесмысливает значительные вложения в стратегические системы и склоняет к политике оборонной достаточности (вплоть до связанного с ней минимального сдерживания).

Отечественные военно-научные школы мысли понимают стратегическую стабильность с практической точки зрения — как примерное равенство потенциалов стратегических ядерных сил (СЯС) оппонентов во всех трех формах боевого применения: первом, ответно-встречном и ответном ударах (из последних соображений на

этот счет см., например, мнение В.З. Дворкина [Контроль над вооружениями..., 2020: 25]). Это, в частности, подразумевает намеренное развитие сил, средств и методов ведения ядерной войны (сдерживание через демонстрацию потенциала применения)¹. Такое определение удобно, но всё же не может считаться исчерпывающим, так как содержит элемент неопределенности, обусловленный вопросом о выживаемости сил ответного удара и ее связи с уровнем обеспечиваемого сдерживающего ущерба. Более того, данное определение в одиночку слабо применимо к ситуации ядерной многополярности.

С точки зрения сферы охватываемых вопросов трактовки стратегической стабильности принято делить ее на узкую (сводящуюся к описанию состояния группировок стратегических вооружений, снижающих стимулы к применению ядерного оружия и гонке ядерных вооружений) и широкую (характеристика системы военно-политических мер разнородного характера, снижающей вероятность военной агрессии) [Арбатов, Дворкин, 2011: 4]. Расширительная трактовка стратегической стабильности, возникшая после окончания холодной войны, характеризовала такое состояние военно-политических отношений, при котором отсутствуют основания для серьезных конфликтов между ведущими ядерными державами.

Этот взгляд на стратегическую стабильность характерен как для представителей стратегического сообщества России, так и для их коллег из США². При анализе перечня предлагаемых там интерпретаций стратегической стабильности бросается в глаза особенность современных американских школ. Даже там, где слово дают представителям, как выразились бы в советское время, «ястребиных кругов», прямо призывающих к развитию и совершенствованию ядерных потенциалов вместо их ограничения и сокращения, они пишут о высокой роли международно-политических и политико-психологических факторов стратегической стабильности.

Российские точки зрения на расширение определения стратегической стабильности за пределы узкой сферы ядерной стратегии

¹ Подробное обсуждение вопроса о соотношении соображений ведения боевых действий с применением ядерного оружия (*warfighting*) и ядерного сдерживания (*deterrence*) в советской стратегии, выполненное с опорой на опросы компетентных советских политических, военных и промышленных деятелей, см.: [Hines, 1996].

² Отличный обзор всего спектра современных взглядов американских исследователей на стратегическую стабильность можно найти в работе [Strategic stability..., 2013].

сводились к «военно-политической стабильности» [Веселов, 2015: 25], «взаимной гарантированной стабильности», «ядерной стабильности» (способности системы военно-политических отношений «сохранять свое качество, то есть военно-политическую обстановку») [Влияние технологических факторов..., 2017: 77–78] или «стратегической безопасности», под которой понимают «конвергенцию двух концепций (стратегической стабильности и безопасности во всех аспектах)» [Петровский, 2004: 39]. Небезынтересно, что последний термин возник в России, но в 2010-е годы переключался в риторику администрации Д. Трампа. Впрочем, некоторые американские специалисты, в том числе работавшие в официальных структурах американской администрации, и до того рассматривали широкие определения стратегической стабильности как состояния глобальной и региональных сред безопасности, обеспечивающего «мир и стабильность».

Недостаток этого направления мысли — его неконкретность: если мы и можем говорить о столь широком военно-политическом контексте как новом фундаменте стратегической стабильности, то чаще всего это набор пожеланий к конечному состоянию системы международных отношений и военно-стратегических балансов, а не перечень конкретных мер, доказуемо поддерживающих стабильность ядерного сдерживания. Это приводит к критике со стороны специалистов, приверженных идее приоритета военно-технических и доктринальных факторов и, следовательно, склонных интерпретировать стратегическую стабильность более узко. Например, у А.Г. Арбатова мы читаем: «...планы диктуются техническими характеристиками вооружений и их информационно-управляющих систем. Применительно к нашему времени классический постулат Клаузевица можно переформулировать так: большая (т.е. ядерная) война есть продолжение доктрины (ядерного сдерживания) и технических характеристик систем оружия, определяющих планы и способы их применения, — а не внешней политики сверхдержав»³.

В рамках этой концепции предлагается рассматривать трансформацию модели стратегической стабильности за счет точечного взвешенного учета новых релевантных факторов, как политических,

³ Арбатов А.Г. Роль ядерного сдерживания в стратегической стабильности. Гарантия или угроза // Московский центр Карнеги. 28.01.2019. Доступ: <https://carnegiemoscow.org/2019/03/22/nuclear-deterrence-guarantee-or-threat-to-strategic-stability-pub-78663> (дата обращения: 27.05.2022).

так и технологических, но без смены базовой идеи стабильности ядерного сдерживания, адресующейся к ядерным потенциалам и доктринам, на международно-политические меры, и при этом непрерывно укладывать эти факторы в новые соглашения о контроле над вооружениями, не изолируя теоретические выкладки от практической военно-технической репрезентации.

Параллельно в России возникли и укрепились воззрения, отрицающие жесткие формы контроля над вооружениями в пользу многосторонних политико-диалоговых форматов поддержания стратегической стабильности [Караганов, Суслов, 2019] и совместимые с предельно широкой ее трактовкой, но при этом сосредоточенные на доказательстве вредоносности самого принципа стратегического паритета [Суслов, 2021]. Последнее объяснимо с учетом динамики действующих военно-политических и военно-технических факторов, но, вообще говоря, не связано с контролем над вооружениями и стратегической стабильностью, что будет показано далее.

Чем обоснован подобный дрейф после 1991 г. в сторону от основы стратегической стабильности — ядерного сдерживания и его потенциалов? Во-первых, глубокие сокращения ядерного оружия на центральном сдерживании снизили опасность начала глобальной ядерной войны и перенесли фокус на периферийные проблемы стратегической стабильности (эскалация региональных конфликтов до ядерного уровня, катастрофический терроризм, ядерное нераспространение). Это в числе прочего потребовало соответствующего исследовательского инструментария — хотя бы для своего понятийного описания. Во-вторых, характер военно-политического взаимодействия между бывшими соперниками по холодной войне претерпел существенные изменения, и восприятие его дальнейшей динамики на какой-то момент поставило под вопрос сам факт нахождения России и США в отношениях ядерного сдерживания. Воспринимать ли «ту сторону» как противника или нет? И если нет, то тогда определение стратегической стабильности нужно серьезно редактировать.

Этот парадокс неоднократно отмечали как политики, так и академические исследователи. Например, Дж. Буш-мл., объявляя о выходе США из Договора по противоракетной обороне (ПРО) в декабре 2001 г., аргументировал это тем, что ядерное сдерживание — это «мрачная теория», а Россия и США «заместили взаимное гаранти-

рованное уничтожение взаимным сотрудничеством»⁴. Не оценивая искренность и конструктивность этой позиции, особенно с учетом исторического послезнания, отметим, что в ее аргументации явно подразумевалось исчезновение того особого состояния отношений, которое могло бы характеризоваться в терминах стратегической стабильности. А.Г. Савельев, полагающий, что узкая интерпретация стратегической стабильности после окончания холодной войны малоубедительна, приводит в качестве довода именно это соображение: взаимное гарантированное уничтожение есть контролируемое состояние отношений *врагов*, и что делать в том случае, когда они больше не считаются врагами или не хотят ими быть [Савельев и др., 2013; Савельев, 2015]?

Столкновение двух этих направлений мысли в определенной степени размыло фокус дискуссий вокруг стратегической стабильности, создав определенный парадокс. Перемещение в широкий военно-политический контекст выглядит естественным шагом, но уводит обсуждение от практических соображений, лежащих в основе стабильности ядерного сдерживания. В результате возникает ситуация, когда деградация системы практических мер военно-технического характера, размонтирующая сложившуюся архитектуру контроля над вооружениями, не сопровождается компенсирующим строительством системы глобальной коллективной безопасности за счет углубления конструктивного международно-политического взаимодействия. Конечный результат этого процесса прекрасно иллюстрируют события 2022 г. во взаимоотношениях Запада и России.

Можно задаться вопросом, прямо следующим из текущей динамики военно-политической обстановки. В условиях резкого роста международной конфронтации последнего времени стороны явно возвращаются к опыту холодной войны. Следует ли ожидать заодно и ренессанса узкой интерпретации стратегической стабильности с утратой привлекательности аморфных концепций вроде «стратегической безопасности»? Или история не повторяется и широкая трактовка вполне может уживаться с узкой в мире, перешедшем на новый уровень взаимного противостояния основных игроков?

⁴ Bush G.W. Remarks by the President on National Missile Defense // White House. 13.12.2001. Available at: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2001/12/text/20011213-4.html> (accessed: 27.05.2022).

Цель автора статьи — проследить в исторической ретроспективе динамику взаимодействия разнородных (военно-политических, военно-стратегических и военно-технических) факторов, влияющих на стратегическую стабильность, и определить с этой точки зрения сущностное наполнение ситуации, в которой находится ядерная «суперсистема» в настоящий момент. По результатам этого анализа будет сделан вывод о характере перспективных шагов, которые можно было бы предпринять для разрешения кризисного положения в сфере контроля над вооружениями в контексте поддержания стратегической стабильности в сложившихся условиях.

Стратегическая стабильность: зарождение и динамика

Принципы стратегической стабильности, красиво выглядящие в чистых мысленных экспериментах ядерной схоластики, приходится спускать на грешную землю, воплощая в концепции оперативного применения, программы перевооружения и особенно в методологию соглашений о контроле над вооружениями. Воспользуемся исторической ретроспективой, чтобы исследовать трансформацию факторов стратегической стабильности.

Укрепление «интуитивно очевидной»⁵ стратегической стабильности пошло сразу по нескольким направлениям. Выводы исследований 1950-х годов о высокой уязвимости ядерных сил к первому удару привели к переводу стратегических бомбардировщиков ВВС США на повышенные степени готовности к старту по короткому тактическому предупреждению, что подразумевало дежурство машин в заправленном состоянии и с подвешенным ядерным оружием на борту на взлетных полосах (эта практика была прекращена только в начале 1990-х годов), а в период с 1960 по 1968 г. — и в форме постоянного нахождения части бомбардировщиков с ядерным оружием на борту в воздухе (операция Chrome Dome). Другим направлением было сокращение времени предстартовой подготовки межконтинентальных баллистических ракет (МБР). Например, программа легких твердотопливных ракет Minuteman была запущена в попытке заполучить ударное средство, всё время находящееся в повышенной боеготовности и способное «выскочить» из-под вовремя обнару-

⁵ Так, Т. Шеллинг писал в ретроспективе: «Всё, что делалось, делалось просто, ощутимо и эффективно. Мы все понимали, что подразумеваем под стабильностью» [Strategic stability..., 2013: VII].

женного налета противника. Тем же путем, хотя и с отставанием по времени развивал свою ракетную технику и СССР: сперва сокращая время предстартовой подготовки жидкостных МБР, а потом и в ходе разработки новых твердотопливных.

Ракетно-ядерные технологии конца 1960-х годов сформировали уникально сочетающийся пакет; глядя на этот период, иной раз хочется подумать о «золотом веке» стратегической стабильности, быстро, однако, прошедшем. Моноблочные МБР с довольно-таки невысокой точностью позволяли почти идеально балансировать арсеналы межконтинентальных средств доставки между СССР и США, исключая сколь бы то ни было успешное выполнение разоружающего удара. Активное развитие баллистических ракет подводных лодок (БРПЛ), еще менее точных, гарантировало нанесение неприемлемого ущерба в ответном ударе «промышленно-административным районам» (городским агломерациям) противника. Симметричная количественная гонка стратегических вооружений теряла смысл. Системы ПРО были несовершенными, а их наращивание давало «расходящееся решение»: парировать развитие оборонительных систем противника совершенствованием своих наступательных выходило втрое дешевле⁶.

В этот период центральным элементом концепции стратегической стабильности и ее практической репрезентацией в военно-стратегических расчетах и соглашениях о контроле над вооружениями стал *принцип стратегического паритета*. Это произошло сразу по нескольким причинам.

Во-первых, паритетный принцип стабильности прост, интуитивно понятен и в особенности подходит для анализа и регулирования военно-стратегического баланса в системе международных отношений с двумя крупными игроками.

Во-вторых, указанные ранее военно-технические особенности стратегических наступательных вооружений того периода позволяли участникам, с одной стороны, достаточно комфортно воспринимать стабильность взаимной уязвимости, с другой — ограничивать масштабы военного строительства из-за отсутствия явно выраженных преимуществ в гонке ядерных вооружений и ее дороговизны,

⁶ По данным исследования “Damage Limiting: A Rationale for the Allocation of Resources by the U.S. and the U.S.S.R.”, выполненного в Министерстве обороны США в 1964 г. Приводится по: [Kaplan, 1991: 321–322].

а с третьей — корректно рассчитывать балансы потенциалов для нужд соглашений о контроле над вооружениями, опираясь только на национальные технические средства. Последнее было особенно важно на заре развития методологии контроля над вооружениями, когда стороны не доверяли друг другу, не были готовы к интрузивной верификации через взаимные инспекции и не имели опыта совместной работы в этой области.

В-третьих, стратегический паритет удобен и с политико-психологической точки зрения, поскольку зримо уравнивает статусы вовлеченных в соглашения о контроле над вооружениями держав. Принять и обосновать правила балансирования потенциалов, основанные на едином количественном потолке, гораздо легче, особенно если дело касается процедур парламентской ратификации и убеждения профессионально неподготовленной части политических элит в пользу соглашений для укрепления национальной безопасности. Отказ от этих принципов в свою очередь может привести к ущербу для статуса державы и потому политически вряд ли приемлем без серьезных на то оснований.

Таким образом, с конца 1960-х до середины 1970-х годов сложилась уникальная комбинация разнородных факторов военно-политического и военно-технического характера, приведшая к формированию достаточного с практической точки зрения представления стратегической стабильности через стратегический паритет (определение А. Уолстеттера без явного требования условия Т. Шеллинга, выполнявшегося в тот момент автоматически за счет особенностей стратегического ландшафта). Это не свидетельствует об имманентной связи стратегического паритета со стратегической стабильностью и методологией контроля над наступательными вооружениями. Это было разовое явление, сложившееся за счет сочетания характера международной обстановки с особенностями находящихся в эксплуатации систем ядерного оружия. Неудивительно, что следствием стал беспрецедентный на тот момент переговорный процесс об ограничении развертывания отдельных видов стратегических вооружений, параллельно разблокировавший движение по политическим трекам, сформировавшим международно-правовой базис «мирного сосуществования», который увенчался Хельсинкским заключительным актом 1975 г. Дополнительное ускорение процессу придали кризисные явления, одинаково подтолкнувшие обе стороны к разрядке. СССР в 1968 г. продемонстрировал миру

неустойчивость управления «социалистическим лагерем», вынужденно применив силу для подавления «пражской весны», а годом спустя утратил позиции признанного лидера космической гонки, уступив США приоритет высадки на Луне. США в этот же период находились в полосе перманентного кризиса, связанного с войной во Вьетнаме и нараставшими внутривнутриполитическими противоречиями, что отражалось и на их отношениях с союзниками.

Однако именно в этот момент динамика действовавших факторов «взломала» стратегическую стабильность с военно-технической стороны. Появление разделяющихся головных частей индивидуального наведения (РГЧ ИН) и рост точности баллистических ракет существенно повысили контрсиловые потенциалы в условиях стратегического паритета. Так, в случае выделения двух боевых блоков на поражение одной шахтной пусковой установки (ШПУ) МБР в равных группировках ракет, оснащенных тремя блоками каждая, теоретически возможен разоружающий первый удар с использованием всего 2/3 наличного потенциала атакующей стороны. При условии увеличения среднего числа блоков, приходящегося на одну ракету, доля своего ядерного оружия, необходимого для уничтожения ядерного оружия противника в первом ударе, падала еще больше⁷.

Эта ситуация возникала даже при наличии строгого паритета по носителям и боезарядам. Более того, она только множила проблемы, так как ракета с несколькими боевыми блоками (с большим их количеством, чем нужно для ее упреждающего уничтожения в ШПУ) является привлекательной целью и тем самым провоцирует контрсиловой удар по себе. Таким образом, сценарий разоружающего удара становился (хотя бы в теории) одновременно реализуемым оперативно-технически и выгодным с точки зрения затрат собственного потенциала на уничтожение вражеского. Уязвимость ШПУ к более точным системам с РГЧ ИН создавала в кризисных условиях воронку дестабилизации («запускай или потеряешь»), про-

⁷ Реализация такого умозрительного сценария на практике сталкивается с массой сложностей [Кокошин, 2018: 18], включая техническую надежность ракет; координацию массированного удара по времени; девиацию точностей при применении по боевым, а не испытательным траекториям; а также проблему «фратрицида» (влияния поражающих факторов ядерного взрыва на свои же боеголовки при множественном применении по одной и той же цели). Тем не менее дестабилизирующий эффект РГЧ ИН в стратегических отношениях сторон с середины 1970-х годов наблюдался отчетливо [Арбатов, Дворкин, 2011: 4].

воируя нанесение упреждающего ядерного удара из соображений сохранения потенциалов от неминуемо успешного первого удара противника. Это приводило к попыткам ввести в оборот доктрину ответно-встречного удара, несущую в себе риски технических сбоев и человеческих ошибок в условиях цейтнота, а также обеспечить себе стратегическое раннее предупреждение, основанное на поисках сочетаний признаков подготовки ракетно-ядерного нападения противника, что в свою очередь подрывало кризисную стабильность за счет возможных неверных интерпретаций действий оппонента⁸.

При этом РГЧ ИН в сравнении с ракетными системами, выполненными по моноблочной технологии, существенно удешевили гонку вооружений, снизив затраты на строительство новых носителей (и в первую очередь их дорогостоящих стартовых комплексов), а также расход оружейных материалов на боезаряды, мощность которых могла быть уменьшена за счет повышения точности наведения без потери поражающей способности (а в ряде случаев и с ее ростом)⁹. Результатом стало существенное наращивание объемов развернутого стратегического ядерного оружия в 1970-е годы без значимых изменений в количестве его носителей. Эффект от экономии на гонке вооружений частично «сгладился» из-за вложений в более совершенные системы наведения на новых образцах ракетного оружия, что привело к удорожанию ядерных программ уже в 1980-е годы.

Дополнительную проблему создавал прогресс в точности наведения иных систем вооружений, приведший к появлению нового поколения ядерных крылатых ракет воздушного и морского базирования, а также ядерных баллистических ракет средней дальности (БРСД) с РГЧ ИН (как у советской системы «Пионер») или оснащенных боеголовками с корректировкой на терминальном участке траектории (как у БРСД Pershing II).

Таким образом, стратегический паритет уже к концу 1970-х годов перестал быть достаточным условием стабильности ядерного сдерживания, хотя, по-видимому, в биполярной системе он по-прежнему оставался необходимым. Начался постепенный закат стратеги-

⁸ Наблюдение за подобным рода кризисом осени 1983 г. вокруг ядерных учений НАТО Able Archer 83 см.: [Fischer, 1997].

⁹ В стандартную формулу оценки поражающей способности боезаряда входят его мощность в степени 2/3 (прямая зависимость) и точность в степени 2 (обратная зависимость), что с очевидностью позволяет судить о куда большем влиянии точности на итоговый результат [Tsipis, 1975: 20].

ческого паритета как прикладной репрезентации стратегической стабильности с постепенным смещением его значимости в область политической психологии и международно-статусных соображений. Именно в такой роли он сохранился и в составе соглашений о контроле над вооружениями.

На примере воздействия РГЧ ИН на стратегическую стабильность видно, что чем сложнее становились военно-технические решения и порождаемые ими сценарии боевого применения, тем больше проблем возникало и при попытке просчитать логику поведения оппонента и его цели, что в свою очередь также начало отражаться на устойчивости ядерного сдерживания.

Так, хорошо известны тревожные размышления в экспертном сообществе США, вызванные проблемой «окна уязвимости». Завысив (как теперь понятно, намеренно) оперативно-технические возможности группировки советских МБР, коллектив американских стратегических аналитиков («группа В» под руководством Р. Пайпса, проводившая параллельный анализ разведывательных данных ЦРУ) предположил в 1976 г., что СССР развивает потенциалы ведения ядерной войны, имеет стратегию победы в ней и в рамках нее готовится нанести по США разоружающий ядерный удар. В публичном пространстве эту позицию активно отстаивал советник «группы В» П. Нитце [Nitze, 1976; 1976/1977]. Используя около 300 тяжелых МБР с 10 боеголовками каждая, Советский Союз якобы надежно поразил бы 1054 шахты ракет Minuteman и Titan на территории США, а заодно и базы бомбардировщиков и подводных лодок. По итогам этого первого удара, как считали авторы сценария, СССР сохранил бы около 1000 легких МБР, чья точность позволяла продолжать контрсилловые операции (в том числе против группировок сил общего назначения), в то время как у США остались бы в основном дежурившие в море подводные лодки. Низкая точность морских ракетных систем того времени поставила бы перед американским руководством тяжелую дилемму: наносить ответные ядерные удары по площадным целям, т.е. советским городам, получая в ответ удар по своим (уже попавшим под шлейф радиоактивного загрязнения, но пока не разрушенным) с ростом потерь населения на порядок, или сдаваться [Lambeth, 1975: 18]?

Этот макабрический сценарий надолго овладел воображением изрядной части американского стратегического сообщества на рубеже 1970–1980-х годов, влияя на позицию США в переговорах

о контроле над вооружениями (в частности, на одержимость Вашингтона проблемой забрасываемого веса). С академической точки зрения вопрос был закрыт только во второй половине 2000-х годов в работе П.Л. Подвига, выполненной с опорой на сведения из личного архива заместителя руководителя Оборонного отдела ЦК КПСС В.Л. Катаева [Podvig, 2008]. Данные о советских ракетах с РГЧ ИН позволили сказать, что американцы существенно завысили их точность, а значит, и контрсиловой потенциал. Следовательно, если в Союзе рассматривали сценарии первого удара (а их рассматривали¹⁰, несмотря на то что основой советской ядерной стратегии с рубежа 1960–1970-х годов была всё же ориентация на ответное применение), то совершенно не в изложенной логике «окна уязвимости».

В дальнейшем эти соображения привели П.Л. Подвига к попытке инициировать новую волну дискуссии о реальном оперативном назначении многоблочных шахтных МБР в советской ядерной стратегии и их влиянии на стратегическую стабильность¹¹. Подробное обсуждение этого вопроса выходит за рамки настоящей статьи, но здесь следует отметить, что аргументированная и подтвержденная документально ревизия оперативной роли отдельных видов вооружений, признаваемых ранее «стабилизирующими» или «дестабилизирующими», имеет непосредственное отношение к изучению динамики факторов стратегической стабильности.

Особенно интересен в этой связи политико-психологический вопрос о неверном прочтении поведения оппонента. При «отзеркаливании» (*mirror-imaging*) действия противника изучаются и трактуются на основании собственной стратегической логики и собственных стремлений. Этот результат вытекал в том числе из широкого применения аппарата теории игр при расчете сценариев ядерных конфликтов, поскольку в них неявно подразумевалась презумпция равно рационального поведения игроков. Однако уже

¹⁰ Подробнее обсуждение советских взглядов на упреждающее применение ядерного оружия см.: [Hines, 1996: 41–49; История военной стратегии России, 2000: 442–443]. Позиция советского военного руководства по этому вопросу менялась в течение холодной войны от упреждающих концепций до всё большей ориентации на ответный удар, однако с сохранением подобной формы боевого применения до 1980-х годов [Кокошин, 1995: 147–148, 222].

¹¹ Podvig P. In defense of silo-based MIRVed ICBMs // Russian Strategic Nuclear Forces. 02.06.2021. Available at: https://russianforces.org/blog/2021/06/in_defense_of_silo_based_icbms.shtml (accessed: 27.05.2022).

к концу 1970-х годов стало очевидно, что это создает огромную проблему. Дело не в том, что другой игрок может повести себя иррационально¹², а в том, что его вполне внутренне рациональное поведение может имплицитно оцениваться оппонентом на основании его собственных, оппонента, императивов, а то и просто в вульгарной форме переноса своих намерений на противника. Иными словами, «когда двое делают одно и то же, это не обязательно одно и то же».

Впервые, насколько можно судить, на эту проблему в рассматриваемой нами предметной области натолкнулся Дж. Снайдер, анализирувавший в 1977 г. советские воззрения на ограниченное применение ядерного оружия в «сигнальных» сценариях и впервые введший в оборот понятие стратегической культуры как важного фактора, формирующего ядерную стратегию. Так, он писал: «Опасно предполагать, будто в момент кризиса советские лица, принимающие решения, будут вести себя в соответствии с американскими представлениями о стратегической рациональности» [Snyder, 1977: V]. Но нетрудно заметить, что американская группировка СЯС десятилетиями формировалась в рамках концепции «ограничения ущерба», и непрерывающиеся попытки американских аналитиков отыскать следы параллельного поведения СССР были естественными, но, возможно, ошибочными.

Советский Союз тоже испытал на себе обратное действие концепции «окна уязвимости». Долгая дискуссия об экзотических и дорогостоящих защищенных способах базирования для МБР МХ закончилась тем, что в 1983 г. комиссия Б. Скоукрофта рекомендовала отказаться от них и разместить ракеты в обычных ШПУ МБР Minuteman III, а эти шахты рассматривались в США как уязвимые перед советским первым ударом. Бывший замдиректора ЦРУ Г. Сквилл писал еще в октябре 1981 г.: «Единственное, к чему приведет размещение контрсилловых МБР МХ в уязвимых ШПУ, — это сигнал русским о том, что мы планируем нанести по ним первый удар еще до того, как их собственная атака уничтожит эти ракеты»¹³. Анализ тональности советских источников начала 1980-х годов показывает, что такая трактовка восприятия советской стороной вполне соответствовала действительности, тем более что за 10–15 лет до этого в

¹² Рассуждения о собственно иррациональном поведении игроков в ядерном сдерживании см., например: [Фененко, 2021].

¹³ Scoville H. First strike // The New York Times. 08.10.1981. Section A. P. 27. Available at: <https://www.nytimes.com/1981/10/08/opinion/first-strike.html> (accessed: 27.05.2022).

СССР прошла масштабная дискуссия о ядерной стратегии, известная как «спор века» или «малая гражданская война», суть которой вращалась как раз вокруг вопроса о достаточной защищенности ШПУ МБР в различных сценариях их боевого применения [Мозжорин, 2001: 144–188; Оружие ракетно-ядерного удара, 2009: 331–342].

Многомерность проблемы стратегической стабильности в век РГЧ ИН задала особую логику советско-американских переговоров о контроле над стратегическими вооружениями в 1980-е годы. Оставаясь в рамках политически значимой идеи симметричного паритета по потенциалам, стороны предприняли шаги в направлении снижения ядерных рисков. Это, во-первых, подразумевало сокращение развернутого стратегического ядерного оружия вдвое (базовая идея переговоров по будущему Договору СНВ-1). Во-вторых, что важнее для целей нашего исследования, стороны приложили дополнительные усилия по укреплению ядерного сдерживания, пытаясь устранить эффект дестабилизации, привнесенный РГЧ ИН в систему стратегического паритета.

Именно в этот момент стратегическая стабильность, «интуитивно очевидная» до того на уровне принимаемых решений, была переведена в плоскость согласованных определений международно-правовой базы. Совместное советско-американское заявление, выпущенное в июне 1990 г. по итогам государственного визита М.С. Горбачёва в США, определяло ее как такое состояние стратегических отношений сторон, при котором устраняются стимулы для нанесения первого ядерного удара¹⁴. В той или иной степени оно до сих пор остается единственным определением стратегической стабильности с претензией на универсальный характер, вышедшим за пределы академических работ.

Конкретная репрезентация стратегической стабильности через систему практических мер, предложенная в этом заявлении, носила троякий характер и сводилась к учету влияния стратегических оборонительных вооружений (систем ПРО); предпочтительному развитию стратегических наступательных вооружений с повышенной выживаемостью; деконцентрации ядерных боезарядов на

¹⁴ Soviet — United States Joint Statement on Future Negotiations on Nuclear and Space Arms and Further Enhancing Strategic Stability. 1 June, 1990 // The American Presidency Project. Available at: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/soviet-united-states-joint-statement-future-negotiations-nuclear-and-space-arms-and> (accessed: 27.05.2022).

стратегических носителях, т.е. снижению среднего числа боевых блоков, приходящихся на один носитель.

Уже на этом уровне была видна неоднородность проработки определяющих принципов. Скажем, деконцентрация боезарядов напрямую адресовалась к проблеме дестабилизирующего эффекта РГЧ ИН и могла даже считаться измеримым количественным показателем стратегической стабильности, если бы кто-то ставил себе задачу измерять ее таким образом¹⁵. Развитие потенциалов с высокой выживаемостью переносило акцент на системы, подходящие для гарантированного нанесения ответного удара, — вместо уязвимых к первому удару, провоцирующих воронку дестабилизации в условиях кризиса. Конкретные рекомендации на этот счет не приводились, но сам принцип построения живучих группировок стратегических вооружений (а также систем связи и боевого управления ими) не требует дополнительных пояснений.

Однако первый из трех принципов стратегической стабильности образца 1990 г. — учет влияния систем ПРО — практически значимого наполнения не получил, оставшись, по сути, политической декларацией. Неучтенным оказался и рост контрсилowych возможностей БРПЛ с РГЧ ИН, которые как раз к рубежу 1980–1990-х годов впервые получили возможность успешного поражения ШПУ и других защищенных объектов.

Вместе с тем с военно-технической точки зрения эффект укрепления стратегической стабильности по итогам холодной войны был налицо. Масштабные сокращения ядерного оружия изменили и соотношения носителей в группировках сторон, увеличив удельный вес живучих средств. Особенно это было заметно в России: если в 1991 г. доля мобильных средств в группировке Ракетных войск стратегического назначения составляла 23% по носителям и всего 9,3% по боезарядам, то к 2021 г. она выросла до 58% и приблизительно 40–45% соответственно (оценка по: [Kristensen, Korda, 2021: 91–92]).

Период холодной войны характеризовался относительной неизменностью военно-политической обстановки (биполярная структура), институциональной фиксацией мирового порядка, особенно в финальных двух десятилетиях («мирное сосуществование»), а так-

¹⁵ Так, согласно Меморандуму об установлении исходных данных для нужд Договора СНВ-1 на 1991 г. для советских МБР средний показатель составлял 4,73 боевых блока, для американских — 2,45. На 2021 г. для российских МБР показатель снизился до 2,58, американский достиг 1 [Kristensen, Korda, 2021].

же сравнительной стабильностью военно-стратегического баланса сторон. При оценке динамики стратегической стабильности это выводило на первый план проблемы военно-технического свойства: прогресс вооружений, создававший «возмущающие воздействия» в ядерной «суперсистеме».

Стратегическая стабильность: после холодной войны

Новые факторы, возникшие из-за кардинальной смены стратегического ландшафта после окончания холодной войны, существенно размыли привычные представления о стратегической стабильности и поставили под сомнение ее практические репрезентации. Проблема в деталях изучалась как отечественными [Кокошин, 2018; Контроль над вооружениями..., 2020], так и западными исследователями [Strategic stability..., 2013; Meeting the challenges of a new nuclear age, 2020]. В результате появляется всё больше оснований для того, чтобы подвергнуть проблематизации определение стратегической стабильности образца 1990 г. Влияющие факторы можно грубо разделить на три группы:

1) военно-политические — распад биполярной структуры международной системы и последующая эрозия «однополярного момента» с постепенно формирующейся многополярностью, обретающей в том числе и ядерное измерение;

2) военно-технические — появление новых вооружений и общий прогресс в военных технологиях;

3) военно-стратегические (доктринальные) — распространение концепций ограниченного применения ядерного оружия на фоне существенных сокращений мировых ядерных арсеналов после 1991 г.

Военно-политические факторы характеризуются продолжением процесса горизонтального распространения ядерного оружия (единственным незначимым исключением выступила ЮАР) на фоне остановившегося и даже повернувшегося вспять его вертикального распространения в военных машинах стран НАТО и России. Обретение Индией и Пакистаном ядерных боезарядов для всё более совершенных ракетных средств доставки, отказ КНДР от принятого было на себя безъядерного статуса и подозрения в намерениях Ирана сделать то же самое — всё это сформировало новую реальность мира после холодной войны, который подразумевался более безопасным и предсказуемым по дороге к разоружению, но по факту внес дополнительные переменные в «ядерное уравнение».

Ядерная многополярность окончательно похоронила саму идею ракетно-ядерного паритета как репрезентации стратегической стабильности (и в этом мы должны согласиться с ранее цитированными исследователями [Караганов, Суслов, 2019: 13, 42]). Отныне паритет не просто перестал быть достаточным условием стратегической стабильности (это наблюдалось уже с конца 1970-х годов), а попросту был невозможен математически в системах с более чем двумя примерно равными игроками. Это всё еще позволяет применять его при управлении региональными двусторонними системами сдерживания (например, индо-пакистанской), однако при работе с глобальным ядерным порядком количественные паритетные схемы в одиночку уже неприменимы.

Это важный сдвиг: отказ от столь привычного элемента действительности может иметь существенные внутривнутриполитические последствия. Вероятно, потребуются кардинальный пересмотр взглядов на роль и перспективы РФ в новой глобальной военно-политической реальности: Россия может утратить статус ядерной сверхдержавы или как минимум пасть жертвой размывания этого понятия в процессе формирования «большого треугольника» с США и КНР.

В ходе этого размывания неизбежна и трансформация самого понятия стратегической стабильности, поскольку появление третьего крупного бенефициара будет сопровождаться привнесением им своей стратегической культуры и попытками перестроить уже имеющееся здание в соответствии с собственными целями и интересами. Доминирующее китайское воззрение на стратегическую стабильность всё еще тесно связано с понятиями симметрий и баланса, что явно подразумевает стратегический паритет. Китайские эксперты много писали о том, что понятие стратегической стабильности не приложимо к нынешним американо-китайским отношениям в силу ярко выраженной асимметричности потенциалов сторон (подробнее обсуждение этого вопроса см.: [Saalman, 2011: 4–6]). Из этого помимо предположительной ориентации Китая на достижение военно-стратегического паритета с США следует в том числе и потенциальная сложность подключения Пекина к обсуждению вариантов поддержания стратегической стабильности, не включающих паритет в качестве необходимого условия. В этом разрезе интересен также и выходящий за рамки настоящей работы вопрос о реальной (а не пропагандистско-декларативной при стремлении к новой биполярной системе) приверженности Китая идее многополярного мира.

Трансформация биполярной ядерной «суперсистемы» в триполярную, сопровождающаяся эрозией принципа стратегического паритета и асимметричными отношениями сдерживания в «большом треугольнике»¹⁶, резко ослабляет стабильность гонки вооружений. Этому способствуют восприятие угроз в США, вынужденных балансировать Россию и Китай по отдельности как стратегических соперников (при условии формально зафиксированного равенства между Москвой и Вашингтоном по СНВ), а также действия Китая, который, по-видимому, решил-таки добиться к началу 2030-х годов паритета по межконтинентальным средствам доставки с США по аналогии с СССР конца 1960-х годов.

Горизонтальное распространение ядерного оружия меняет также восприятие ПРО в логике стратегической стабильности. Из откровенно дестабилизирующей идеи в составе стратегии «ограничения ущерба» она на наших глазах превращается в куда более сложный, многомерный феномен, который характеризуется как стабилизирующим действием в отношении угроз с «ядерной периферии», так и прежними проблемами, связанными с логикой стабильности ядерного сдерживания сверхдержав. Это соображение многократно воспроизводилось США в качестве объяснения своих односторонних действий по выходу из Договора по ПРО 1972 г. Однако буквально в последнее время мы увидели и мнение российских военных специалистов, оценивающих роль и назначение американской глобальной системы ПРО именно в этих категориях: противодействие периферийным ракетно-ядерным угрозам при практически полной бесполезности при отражении ответного ядерного удара России [Сухорутченко, Крейдин, 2022: 114].

Военно-технические факторы многократно описаны в литературе [из последних комплексных работ см., например: Влияние технологических факторов..., 2017; Контроль над вооружениями..., 2020]. Общий результат военно-технического прогресса сводится к возникновению новых типов вооружений, которые способны влиять на стабильность ядерного сдерживания. К ним следует отнести:

¹⁶ Так, по мнению А.Г. Арбатова, в «большом треугольнике» нельзя говорить о том, что Россия и КНР находятся в отношениях ядерного сдерживания (несмотря на наличие релевантных потенциалов), следовательно, у них отсутствуют и стимулы к ведению двусторонних переговоров о контроле над вооружениями, «сшиваемых» заинтересованностью во взаимных разменах [Арбатов, 2022: 14–15].

- развитие высокоточного оружия большой дальности (в том числе стратегических неядерных вооружений с дальностью, характерной для ядерных СНВ);
- развитие средств доставки в двойном оснащении;
- развитие космических вооружений;
- развитие автономных и необитаемых систем, в первую очередь беспилотных летательных и подводных аппаратов, а также их комплексирование по информационным средствам в «стаи»;
- развитие и интеграция информационных средств (в первую очередь орбитальных), что снижает скрытность мобильных комплексов сил ядерного сдерживания;
- совершенствование систем ПРО после роспуска Договора по ПРО 1972 г.;
- развитие прорывных военных технологий, не имеющих отношения к ядерному оружию, но потенциально способных повлиять на стратегическую стабильность (методы и средства ведения кибервойны, военное применение искусственного интеллекта, технологии обработки больших данных, квантовые технологии и пр.).

Непосредственное влияние новых факторов на стратегическую стабильность хорошо видно на примере неядерного высокоточного оружия большой дальности. Российские исследователи неоднократно показывали, что разоружающий удар по ядерным потенциалам с использованием только обычных вооружений невозможен¹⁷. Однако если говорить именно о стратегической стабильности, то куда больший интерес представляет влияние неядерного высокоточного оружия в комбинированных (ядерно-конвенциональных) контрсиловых операциях. Иными словами, вопрос не в том, могут ли неядерные высокоточные вооружения большой дальности в одиночку опрокинуть стабильность ядерного сдерживания (на данный момент не могут), а в том, в какой степени они способны повлиять на живучесть сил ответного удара при совместном применении с ядерными. А значит, в какой степени их учет важен для поддержания стабильности ядерного сдерживания и как они должны быть в силу этого представлены в режимах контроля над вооружениями,

¹⁷ См., например: Ахмеров Д., Ахмеров Е., Валеев М. По-быстрому не получится // Военно-промышленный курьер. 19.10.2015. Доступ: <https://vpk-news.ru/articles/27617> (дата обращения: 27.05.2022).

в особенности в решениях по дальнейшим сокращениям ядерного оружия.

Исследования этого феномена велись уже много лет; он, как и соответствующие ему системы вооружений, довольно подробно описан как в США [Lieber, Press, 2017], так и в России [Кокошин, 2018: 17; Контроль над вооружениями..., 2020: 13–17, 36–58]. Опасения неядерного или комбинированного разоружающего удара прослеживаются и в работах китайских исследователей [Zhao, 2020]. Американская экспертиза уже несколько лет призывает к реализации в вооруженных силах принципа ядерно-конвенциональной интеграции [Manzo, Miles, 2016], подразумевающего, во-первых, создание применимых на поле боя маломощных и высокоточных ядерных вооружений и, во-вторых, всестороннюю подготовку сил общего назначения к ведению боевых действий с применением ядерного оружия. Эта идея находит отклик и в среде американских военных¹⁸.

Другой крупной проблемой остаются вепонизация и дальнейшая милитаризация космоса: совершенствование противоспутниковых потенциалов и развитие орбитальных группировок с соответствующим ростом возможностей по разведке и целеуказанию. Интеграция космического эшелона систем связи и боевого управления ядерными силами и силами общего назначения дополнительно приводит к формированию опасного «переплетения» [Arbatov et al., 2017], при котором применение противоспутниковых систем по этим орбитальным средствам может привести к ядерной эскалации.

Военно-стратегические факторы тесно связаны с двумя предыдущими группами и, вообще говоря, довольно разнообразны, включая в том числе радикальное сокращение сил общего назначения и изменение стратегических балансов в Европе и Азии после холодной войны. Однако нас будет интересовать центральный фактор этой природы — концепции ограниченной ядерной войны.

Теоретически предложенные в конце 1950-х годов, доктринально обоснованные в начале 1970-х и включенные наконец в реальные

¹⁸ О необходимости «интеграции потенциалов» в США и НАТО публично заговорили минимум с 2015 г. Ядерно-конвенциональная интеграция широко упоминается и в закрытом наставлении по операциям ядерных сил США JP 3-72, на короткое время опубликованном в интернете в 2019 г. См.: Aftergood S. DoD Doctrine on Nuclear Operations published, taken offline // Federation of American Scientists. 19.06.2019. Available at: <https://fas.org/blogs/secrecy/2019/06/nuclear-operations/> (accessed: 27.05.2022).

оперативные планы в конце 1980-х (все даты приведены для США), сценарии ограниченного применения ядерного оружия представляют собой отдельный вызов для стратегической стабильности. Прежде находясь в тени крупных арсеналов конца холодной войны, они вышли на поверхность сейчас, по итогам глубоких сокращений ядерного оружия, и получают всё большую популярность как потенциальный военно-политический инструмент «деэскалации» конфликтов крупных держав путем сигнального нанесения одиночных или крайне маломасштабных групповых ядерных ударов по тщательно подобранному перечню целей.

В ракурсе этой проблемы неплохо становятся видны недостатки определения стратегической стабильности 1990 г. Например, оно крайне удобно тем, что в нем не упомянут масштаб предотвращаемого первого применения ядерного оружия, и в этом смысле может начать казаться, что ограниченные сценарии учтены им. Но это лишь семантика умолчания. Если посмотреть на три опорных принципа 1990 г., становится очевидно, что речь идет о предотвращении первого *массированного* ядерного удара, причем разоружающего (в рамках стратегии «ограничения ущерба» [Арбатов, Дворкин, 2011: 3]).

Это логично: в конце 1980-х годов стороны имплицитно адресовались к актуальным на тот момент сценариям боевого применения, потенциалы для которых формировались с середины 1970-х годов. Однако способны ли три принципа 1990 г. предотвратить и ограниченное применение ядерного оружия? Оставаясь отдельным упражнением в ядерной схоластике, эти сценарии чрезвычайно чувствительны к воздействию на объекты сил ядерного сдерживания. Так, у Э. Колби, одного из наиболее активных современных проponentов подхода к «укреплению реалистичности» ядерного сдерживания через сценарии ограниченного применения ядерного оружия, мы читаем: «Логичным способом контроля сопутствующего ущерба были бы ограничение любых ядерных ударов, по крайней мере на начальном этапе, географическими границами исходного конфликта, и сосредоточение исключительно на военных целях. Чтобы не спровоцировать применение противником его живучих ядерных сил, удары — опять же, по крайней мере на начальном этапе — с очевидностью нельзя наносить по его наиболее ценным объектам, таким как пункты размещения высшего руководства, стратегические силы и системы связи и боевого управления» [Colby, 2014: 155].

Здесь мы видим, по сути, попытку создания принципиально новой модели ядерного конфликта, который должен вестись, само собой, по ту сторону ядерного порога, но заведомо ниже «красных линий», запускающих привычные механизмы гарантированного возмездия. Если во времена холодной войны концепция «заповедника» (*sanctuary*), подразумевавшая намеренное воздержание от нанесения ядерных ударов по определенным типам целей, включала в основном объекты размещения высшего руководства и, в ряде контрсиловых сценариев, городские агломерации, то здесь мы уже видим включение в этот перечень и всей инфраструктуры ядерных сил. Логика стратегической стабильности образца 1990 г. выворачивается наизнанку: живучесть сил ответного удара обеспечена полностью, но от первого применения ядерного оружия это совершенно не спасает, как и от опасности ползучей эскалации с поэтапным ростом масштаба обменов ударами и расширения списка целей.

Интересный ракурс также задает сравнение американской и отечественной школ мысли. В работах А.А. Кокошина еще с 1990-х годов развивалась концепция «предъядерного сдерживания» [Кокошин, 2003: 87–91], основанная на дозированном применении неядерного высокоточного оружия со стратегическими целями и легшая в основу принципа неядерного сдерживания, вошедшего в военную доктрину России в 2014 г. Вместе с тем у того же Э. Колби, одного из авторов «Обзора ядерной политики» США 2018 г., мы видим обратный ход мысли — попытку отклонить возможность раннего применения неядерных высокоточных средств по стратегическим целям как излишне эскалирующую, что сопровождается предпочтительным выбором ограниченных ядерных сценариев, строго локализованных театром военных действий [Colby, 2014: 150–151].

Иными словами, российская школа управления эскалацией ставит во главу угла тип применяемых вооружений (ядерные либо обычные), четко разграничивая ядерный порог, однако при этом создавая новые ступени в лестнице эскалации и тем самым позволяя повышать ставки в конфликте, предполагая, что опасность «коротких замыканий», приводящих к его спонтанному перерастанию в ядерный, невысока. Американская же скорее склоняется к тому, чтобы отдать приоритет ограничению масштаба возможного конфликта и перечня целей, что как раз размывает ядерный порог и даже понижает его в силу рассмотренных ранее соображений тщательной локализации конфликта. Последнее является заодно и

ощутимым стимулом к созданию более применимых маломощных и высокоточных образцов ядерного оружия (что мы и видим на примере БРПЛ Trident II с боевыми блоками W76-2 мощностью 8 кт, а также корректируемых тактических авиабомб B61-12) и к принятию комбинированных концепций ведения боевых действий наподобие ядерно-конвенциональной интеграции, причем, как это было в случае с «окном уязвимости», в качестве ответа США на якобы аналогичное поведение Китая, России и КНДР [Anderson, McCue, 2021].

Многие новые решения в этой сфере лишь усугубляют старые проблемы. Например, развитие технологий ядерных боезарядов и их средств доставки позволяет говорить о появлении нового класса вооружений — высокоточного ядерного оружия. Оно может иметь существенно более низкую мощность и меньший выход радиоактивности при сохранении поражающей способности. Это уменьшает «побочный ущерб» и одновременно снижает ядерный порог за счет большей применимости.

Тем не менее и здесь можно найти свои плюсы, зафиксировав связь с базовой проблематикой стабильности ядерного сдерживания. Подробное рассмотрение сценариев ограниченного применения ядерного оружия — современных и в ретроспективе конца холодной войны — показывает, что акцент на подобного рода формах боевого использования тем больше, чем выше уверенность сторон в живучести собственных стратегических сил ответного удара и устойчивости систем связи и боевого управления в протяженном конфликте, ведущемся с применением ядерного оружия (это, по-видимому, является критерием допустимости подобных сценариев, хотя и не влечет их неизбежности).

Другим аспектом является новая роль систем ПРО. «Тонкие» системы ПРО, не способные отразить масштабный ответный удар возмездия, при этом вполне могут остановить ограниченное (в первую очередь единичное) применение ядерного оружия в сценариях контроля ядерной эскалации. Наряд ядерных средств, необходимый для гарантированного преодоления обороны противника, увеличивается и, хотя и не достигает «массированного», может уже рассматриваться как чрезмерно эскалирующий при принятии решения о первом применении. Тем самым «тонкая» ПРО в явном виде выполняет стабилизирующую функцию повышения порога применения ядерного оружия. Заметим, что гиперзвуковая ракетная гонка, развернувшаяся в последние годы, возможно, имеет под

собой и мотивацию создать носитель, способный гарантированно преодолевать и «тонкую» ПРО даже при однократном применении, т.е. восстановить баланс между доктринальными воззрениями на ограниченную ядерную войну и оперативно-техническими возможностями располагаемых средств доставки ядерного оружия. Например, ровно ту же задачу в отношении многоэшелонной системы противовоздушной обороны (преодоление которой затруднительно для тактической авиации с ядерными авиабомбами) решают и уже упомянутые ракеты Trident II с боеголовками W76-2.

Мы видим ситуацию, которую очень легко охарактеризовать как момент системного кризиса стратегической стабильности. Сильные возмущающие воздействия заметны по всем трем группам факторов, что размывает предмет: неопределенным становится уже не только «чем» (каким оружием?) и «как» (по каким доктринам?), но и «где» (в каком миропорядке?). Понятна и причина увлечения широкими международно-политическими трактовками стратегической стабильности. Однако следует подчеркнуть, что характер и масштаб военно-технических вызовов сами по себе представляются достаточным основанием для деградации стратегической стабильности и требуют внимания для предотвращения возникновения войн, а также снижения затрат на подготовку к ним и ограничения масштабов побочных потерь, если война всё же состоится (что и является классической целью контроля над вооружениями [Schelling, Halperin, 1961: 2]). Последнее особенно важно в условиях резкого нарастания конфронтации в треугольнике «Запад — Китай — Россия» — с потерей оснований для рассуждений об уходе в прошлое сценариев взаимоотношений врагов, что меняет нарратив обсуждения стратегической стабильности.

* * *

Гипотетическая институционализация новой формы мирового порядка, создав международно-политический контекст поддержания стратегической стабильности, сама по себе не дает ничего нового для сокращения дестабилизирующего воздействия рассмотренных нами военно-технических и военно-стратегических факторов. Это вновь возвращает нас к актуальной расстановке приоритетов на данный момент в пользу узкой трактовки стратегической стабильности и примата чисто военного ее измерения. Для того чтобы адресоваться к ним, необходимо восстановить рамки контроля над

вооружениями, понимаемого предельно прагматично — как всей совокупности военных методов снижения риска начала войны великих держав в условиях международно-политической нестабильности.

Стратегическая стабильность подразумевает конфигурацию и динамический баланс потенциалов, которые одновременно надежно обеспечивали бы поражение территории противника установленным количеством ядерного оружия и вместе с тем гарантировали бы и выживаемость сил ответного удара всех участников. А.А. Кокошин описывал это противоречие так: «ситуация ядерного сдерживания представляет собой сложную комбинацию уязвимости — неуязвимости» [Кокошин, 2013: 195].

Рост числа новых вызовов для стратегической стабильности требует интенсификации диалога по ним, для начала хотя бы для утверждения понятийно-категориального аппарата и согласования взаимного видения поля угроз. Не имеющая аналогов в истории контроля над вооружениями пауза, взятая после заключения Пражского договора (СНВ-3) в 2010 г., не просто заблокировала любой прогресс в этой области, а, как показал плачевный опыт американской делегации на двусторонних консультациях с Россией в 2019–2020 гг., может вести к серьезной деградации компетенций переговорных команд и в традиционных областях проблематики СНВ¹⁹. Фактор Китая дополнительно осложняет проведение диалога необходимостью синхронизации языка обсуждения проблем даже в сферах, уже давно и прочно согласованных российской и американской сторонами.

Однако уже на данной стадии следует верно позиционировать такой диалог. Он не является и не может выступать заменой классическому контролю над вооружениями в силу того, что не ведет к принятию даже простейших политических обязательств и реализации добровольных мер доверия. Аморфные, в том числе многосторонние, форумы, где обсуждаются проблемы безопасности, могут функционировать десятилетиями без малейшего влияния на стратегический

¹⁹ Предельно красноречивой иллюстрацией были американские требования о включении Китая в механизмы продлеваемого Договора СНВ, а также о дополнительных обязательствах по замораживанию всего арсенала ядерных боезарядов. Это вскрывало содержательную логику соглашения и потребовало бы его повторной ратификации как нового, уже трехстороннего, договора с новыми принципами баланса и верификации.

ландшафт — пример ранних попыток создания системы контроля над вооружениями на рубеже XIX–XX вв. здесь очень показателен.

Тем не менее и подобные обсуждения могут принести пользу, если использовать их как поставщиков идей и решений для укрепления контроля над вооружениями: инициатив, мер доверия, политических обязательств и в качестве центрального элемента — юридически обязывающих соглашений с интрузивной верификацией. Гибридная схема работы подразумевает выделение жесткого опорного «ядра», сформированного соглашениями и официальными переговорами с конкретным политическим мандатом высокого уровня (отталкиваться придется от Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) и процесса по СНВ), и постепенно разрыхляющейся диалоговой периферии процесса. Последняя должна заниматься концептуальным освоением новых областей как горизонтально, в военно-политическом измерении (придаванием процессу многосторонних форм), так и вертикально — в военно-техническом и военно-стратегическом, развивая прежде не затронутые группы факторов стратегической стабильности.

С учетом рассмотренной в работе военно-политической асимметрии и существенной разницы во взаимных озабоченностях потенциалами друг друга с практической точки зрения стратегическую стабильность было бы довольно трудно обеспечивать в форме трехсторонних содержательных соглашений КНР, США и России. Как замечают некоторые исследователи [Арбатов, 2022: 19], в таких условиях несколько проще было бы реализовать архитектуру контроля над вооружениями, выполненную в форме «разомкнутого треугольника»: два параллельных, но несинхронных трека, связанные через США, каждый со своей повесткой и внутренней динамикой.

Окончательное отмирание паритета по СЯС как репрезентации стабильных стратегических отношений в многополярном ядерном мире выводит на первый план исходную трактовку стратегической стабильности: гарантия ядерного удара возмездия во всех реалистичных сценариях развития обстановки. К сожалению, отражение минимального сдерживания в соглашениях о контроле над вооружениями, столь же прозрачное и интуитивно очевидное, как стратегический паритет по носителям и боезарядам, на данном этапе выглядит сомнительно.

Сторона, первая взявшая на себя ответственность за подобную форму купирования «многоугольной» гонки вооружений, будет

вынуждена вести сложные переговоры как на внешнем контуре, так и внутри страны, согласовывая единое видение и приоритеты с партнерами по процессу ограничения вооружений, разъясняя смысл согласия на неравные их группировки и обосновывая внутри элит достаточность принятого решения для обеспечения национальной безопасности («сколько сдерживания достаточно?»). Противоречивый опыт Китая, несколько десятилетий игравшего в эту игру в одиночку, показывает, что без интегрированности в общую архитектуру контроля над вооружениями (с транспарентностью и встречным балансированием взаимных озабоченностей) подобный путь особых преимуществ не дает. Восстановление биполярной ядерной «суперсистемы» само по себе могло бы оказать стабилизирующий эффект, но в текущих военно-политических условиях этот сценарий возможен лишь при целенаправленном или вынужденном принятии Россией роли второстепенной ядерной державы, опирающейся на минимальное сдерживание (т.е. при занятии ею военно-стратегического места Китая 1990-х годов), а также при намерении КНР интенсивно включиться в процесс двустороннего контроля над вооружениями с США после достижения паритета к началу 2030-х годов.

Как ни странно, на этом пути куда более перспективными, по крайней мере на данном этапе, выглядят односторонние меры самоограничения. Такие меры, исключая самые элементарные, чувствительны к общей международно-политической атмосфере, что потребует сохранения или восстановления некоторого стабильного каркаса системы контроля над вооружениями, опирающегося как минимум на ДНЯО (а потенциально и на возможно сохранившиеся после 2026 г. договоренности по СНВ²⁰) и способствующего ведению перманентного диалога по стратегически острым темам для согла-

²⁰ Полезно было бы добиваться юридически обязывающего соглашения с механизмом взаимных инспекций на период после 2026 г., тем более что американская сторона выражала заинтересованность в этом как до февраля 2022 г., так и после. Однако в зависимости от политической конъюнктуры в минималистической форме это может быть и непроверяемое параллельное политическое обязательство «не превышать первым» потолки Договора СНВ 2010 г., дополненное иными мерами доверия. История холодной войны знала аналогичный период (1979–1986) в отношении юридически не действовавшего Договора ОСВ-2. Заметим, что фактическое исполнение того договора воспринималось обеими сторонами как промежуточное решение на период подготовки новых соглашений (переговоры по ограничению ядерных вооружений в Европе (1980–1983) и ограничению и

сования видения актуальных угроз и поиска возможных решений. В противном случае меры придется основывать не на строго очерченной в договорно-правовой форме и проверяемой инспекциями информации о структуре аналогичных группировок сил и средств вероятного противника, а на данных разведки, оценках, прогнозах роста и сценарных моделях, что неизбежно приводит к накоплению ошибок интерпретации, причем, как показывает практика холодной войны, почти всегда в сторону преувеличения возможностей противоположной стороны.

Стабильность минимального сдерживания в текущих условиях всё больше зависит от неядерных военно-технических факторов, «имеющих стратегический эффект» (в первую очередь от космических вооружений, ПРО и высокоточного оружия большой дальности). Это дает интересный вариант дальнейшего движения по треку контроля над вооружениями. Привычная проблематика СНВ уходит с первых строчек приоритетов, хотя и сохраняет значимость в виде юридически обязывающего обеспечения транспарентности группировок и предсказуемости траекторий их развития. Дальнейшее сокращение СНВ может и не стоять на повестке дня: акцент возможен на совокупности ограничений побочных и не охваченных соглашениями систем вооружений, что снижает угрозы живучести группировки ответного удара в условиях ядерно-конвенциональной интеграции, устраняет наиболее эскалационно опасные системы и сценарии из рассмотрения и сдерживает стимулы к гонке наступательных вооружений.

Следующим шагом, снизив угрозы для системы ядерного сдерживания, можно переходить и к собственно ядерным вооружениям, фиксируя новое положение дел в виде соглашений о контроле над ними: например, расширяя сферу охвата через дихотомию «развернутое/неразвернутое» оружие. Это куда более соответствует современной логике ядерного сдерживания, задачам поддержания стратегической стабильности и исключения ядерных рисков, чем популярная в последние годы дихотомия «стратегическое/тактическое»²¹. На этом этапе можно искать подходы к будущему

сокращению стратегических вооружений (1982–1983), рестарт переговоров по ядерным и космическим вооружениям с 1985 г.).

²¹ Можно процитировать лаконичную формулу бывшего министра обороны США Дж. Мэттиса: «Тактического ядерного оружия не бывает; всё ядерное оружие “переворачивает доску” стратегически».

раскрытию «ящика Пандоры»: контролю над объектами централизованного хранения ядерного оружия. Для начала корректно было бы определить статус развернутого ядерного оружия (в том числе такого, которое находится на передовых базах в готовности к выдаче на носитель) и разработать первичные меры верификации, начав с процедур и инженерно-технического обеспечения инспекций пустых объектов хранения. Однако следует понимать, что глубокое продвижение по этой линии потребует вновь вернуться к неядерным факторам, а именно к дисбалансам сил общего назначения и накопленным обычным вооружениям, которые и призвано компенсировать тактическое ядерное оружие, как показывает практика ядерного планирования и холодной войны (в случае НАТО), а также периода после нее (в случае с Россией).

Подобные решения, подкрепляя стратегическую стабильность с военно-технической стороны, слабо влияют на военно-стратегическую сферу: ограниченные сценарии по-прежнему ими не охватываются. Проблема последних (как, к слову, и предъядерного сдерживания) — это содержательное наполнение вопроса об управляемости эскалации, не решенного до сих пор. При этом, как мы отмечали ранее, согласованное определение стратегической стабильности 1990 г. слабо сдерживает предельно ограниченное применение ядерного оружия, в отличие от массированных обменов.

Так, А.Г. Арбатов призывал в связи с этим искать формулы, снижающие стимулы не просто к «первому удару» (массированной контрсиловой атаке), а к любому первому применению ядерного оружия [Арбатов, 2020: 19]. В этой идее потенциально кроется противоречие, связанное с самой сущностью ядерного сдерживания, основанного на гарантиях применимости ядерного оружия в любых условиях. Но поиск облегчается тем, что ограниченные сценарии в том виде, как они описываются сегодня, исключают воздействие на критически значимые элементы СЯС. Следовательно, можно искать решения, снижающие стимулы к любому первому применению ядерного оружия, но главным образом преграждающие путь быстрой эскалации через ядерный порог и при этом не затрагивающие сферу взаимного гарантированного уничтожения.

Для начала можно предложить диалог на тему предотвращения эскалации из-за ошибок или неверного прочтения намерений оппонента. В этом помог бы регулярный обмен мнениями о доктринах и группировках сил и средств. По меньшей мере это способствовало бы

некоторой интеллектуально-исторической преемственности нарратива переговорных команд, не вызывая к жизни публицистические химеры наподобие стратегии «эскалации для деэскалации», якобы возникшей только в России и только в последние годы и будто бы не имеющей отношения к упражнениям в эскалационном доминировании времен конца холодной войны²².

Имеет смысл также серьезно ограничить районы и потолки развертывания платформ двойного оснащения, а также запретить некоторые типы вооружений большой дальности в двойном оснащении (с сохранением отдельно ядерных и конвенциональных вооружений соответствующей досягаемости, имеющих выраженные различия). Подобный запрет может идти поперек сложившихся национальных традиций военного строительства, но одновременно соответствует целевой рамке снижения рисков и способствует постепенному переносу акцента на неядерное высокоточное оружие (что так или иначе провозглашено всеми крупными военными державами). Финансовые траты, связанные с такими ограничениями, послужат дополнительным сдерживающим фактором гонки ударных вооружений в условиях кризисного состояния глобальной экономики.

Интересно было бы и возобновление диалога по ПРО, но не центрированное исключительно на сохранности потенциала ответного удара и попытках восстановить краеугольные камни. Требуется рассмотреть также роль ПРО в повышении ядерного порога при ограниченных сценариях в сочетании с купированием угроз, происходящих с «ядерной периферии». Это будет уже «третье издание» философии ПРО: от восприятия ее как строго дестабилизирующей в 1970–1980-х годах через попытки отделить дестабилизирующую часть от стабилизирующей в конце 1990-х — к вопросу о том, ка-

²² Доктрина «эскалации для деэскалации» (правильнее, с учетом интерпретаций: «эскалация для победы») — это вульгаризованное и политизированное описание хорошо известных со времен холодной войны принципов дозированного применения ядерного оружия в условиях дисбалансов сил общего назначения (ср., например, с доктриной «гибкого реагирования» НАТО). Подробнее обсуждение вопроса о нюансах российской ядерной стратегии и их соотношении с логикой «эскалации для деэскалации» см.: [Oliker, 2016; Ven Bruusgaard, 2021], а также: Ross J. Time to terminate escalate to de-escalate — It's escalation control // War on the Rocks. 24.04.2018. Available at: <https://warontherocks.com/2018/04/time-to-terminate-escalate-to-de-escalateits-escalation-control/> (accessed: 27.05.2022); Ryan K. Is 'escalate to deescalate' part of Russia's nuclear toolbox? // Russia Matters. 08.01.2020. Available at: <https://www.russiamatters.org/analysis/escalate-deescalate-part-russias-nuclear-toolbox> (accessed: 27.05.2022).

кие количественные и качественные параметры конфигурации группировок оборонительных вооружений отвечают базовой идее стратегической стабильности.

В целом состояние стратегического ландшафта после холодной войны и в условиях нарастающей конфронтации крупных держав подсказывает горизонтальную логику трансформации стратегической стабильности. Сохранение центрального юридически обязывающего ядра контроля над вооружениями на базе следующего Договора СНВ выглядит необходимой задачей, но совершенно недостаточно для стабилизации стратегических отношений даже в случае заметного расширения сферы охвата. Требуется «гроздь» параллельных процессов контроля над различными классами вооружений разной степени обязательности и интрузивности, которая позволит остановить эрозию стратегической стабильности и снизит риски начала ядерной войны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арбатов А.Г. Вооружения и дипломатия // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 6. С. 9–23. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-6-9-23.
2. Арбатов А.Г. Стратегическая стабильность и китайский гамбит // Мировая экономика и международные отношения. 2022. Т. 66. № 3. С. 5–22. DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-3-5-22.
3. Арбатов А.Г., Дворкин В.З. Стратегическая стабильность до и после холодной войны // Мировая экономика и международные отношения. 2011. № 3. С. 3–11.
4. Веселов В.А. Трансформация параметров стратегической стабильности: роль технологического фактора // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2015. № 3. С. 23–56.
5. Влияние технологических факторов на параметры угроз национальной и международной безопасности, военные конфликты и стратегическую стабильность / Под ред. А.А. Кокошина. М.: Издательство Московского университета, 2017.
6. История военной стратегии России / Под ред. В.А. Золотарёва. М.: Кучково поле; Полиграфресурсы, 2000.
7. Караганов С.А., Суслов Д.В. Новое понимание и пути укрепления многосторонней стратегической стабильности. М.: Высшая школа экономики, 2019.

8. Кокошин А.А. Армия и политика. Советская военно-политическая и военно-стратегическая мысль, 1918–1991 гг. М.: Международные отношения, 1995.

9. Кокошин А.А. Политико-военные и военно-стратегические проблемы национальной безопасности России и международной безопасности. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2013.

10. Кокошин А.А. Стратегическая стабильность в условиях критического обострения международной обстановки // Полис. Политические исследования. 2018. № 4. С. 7–21. DOI: 10.17976/jpps/2018.04.02.

11. Кокошин А.А. Ядерные конфликты в XXI веке (типы, формы, возможные участники). М.: Медиа-Пресс, 2003.

12. Контроль над вооружениями в новых военно-политических и технологических условиях / Под ред. А.Г. Арбатова. М.: ИМЭМО РАН, 2020.

13. Мозжорин Ю.А. Так это было. М.: Международная программа образования, 2001.

14. Оружие ракетно-ядерного удара / Под ред. Ю.А. Яшина и др. М.: Издательство МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2009.

15. Петровский В.Ф. Стратегическая безопасность — требование XXI века // Современная Европа. 2004. № 1. С. 37–46.

16. Савельев А.Г. Стратегическая стабильность и ядерное сдерживание: уроки истории // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2015. № 3. С. 57–84.

17. Савельев А.Г., Дворкин В.З., Есин В.И., Детинов Н.Н. О многостороннем подходе к проблеме ядерного разоружения. Рабочая тетрадь РСМД IX/2013. М.: Спецкнига, 2013.

18. Суслов Д.В. Заложить основу будущего // Россия в глобальной политике. 2021. Т. 19. № 5. С. 114–121. DOI: 10.31278/1810-6439-2021-19-5-114-121.

19. Сухорутченко В.В., Крейдин С.В. Ядерное сдерживание в условиях развития глобальной системы противоракетной обороны США // Военная мысль. 2022. № 5. С. 112–117.

20. Фененко А.В. Асимметричная модель ядерного сдерживания // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2021. № 3. С. 13–29. DOI: 10.20542/afij-2021-3-13-29.

21. The absolute weapon: Atomic power and world order. / Ed. by B. Brodie. San-Diego, CA: Harcourt, 1946.

22. Anderson J., McCue J. Deterring, countering, and defeating conventional-nuclear integration // Strategic Studies Quarterly. 2021. Vol. 15. No. 1. P. 28–60.

23. Arbatov A., Dvorkin V., Topychkanov P. Entanglement as a new security threat // Entanglement. Russian and Chinese perspectives on non-nuclear weapons and nuclear risks / Ed. by J. Acton. Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace, 2017. P. 11–46.

24. Borden W. *There will be no time: The revolution in strategy*. New York: Macmillan, 1946.

25. Colby E. *The need for limited nuclear options // Challenges in U.S. national security policy* / Ed. by D. Ochmanek, M. Sulmeyer. Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2014. P. 141–168.

26. Fischer B. *A Cold War conundrum: The 1983 Soviet war scare*. Washington, D.C.: Center for the Study of Intelligence, 1997.

27. Hines J. *Soviet strategic intentions 1965–1985; an analytical comparison of U.S. Cold War interpretations and Soviet Post-Cold War testimonial evidence*. PhD Thesis. University of Edinburgh, 1996.

28. Kaplan F. *The wizards of Armageddon*. Stanford, CA: Stanford University Press, 1991.

29. Kristensen H., Korda M. *Russian nuclear weapons, 2021 // Bulletin of the Atomic Scientists*. 2021. Vol. 77. No. 2. P. 90–108.

30. Lambeth B. *Selective nuclear operations and Soviet strategy*. Santa-Monica, CA: RAND Corporation, 1975.

31. Lieber K., Press D. *The new era of counterforce: Technological change and the future of nuclear deterrence // International Security*. 2017. Vol. 41. No. 4. P. 9–49. DOI: 10.1162/ISEC_a_00273.

32. Manzo V., Miles A. *The logic of integrating conventional and nuclear planning // Arms Control Today*. 2016. Vol. 46. No. 9. P. 8–14.

33. *Meeting the challenges of a new nuclear age* / Ed. by R. Legvold, F. Chyba // *Daedalus*. 2020. Vol. 149. No. 2.

34. Nitze P. *Assuring strategic stability in an era of détente // Foreign Affairs*. 1976. Vol. 54. No. 2. P. 207–232.

35. Nitze P. *Deterring our deterrent // Foreign Policy*. 1976/1977. No. 25. P. 195–210.

36. Oliker O. *Russia's nuclear doctrine: What we know, what we don't know, and what that means*. Washington, D.C.: Center for Strategic and International Studies, 2016.

37. Podvig P. *The window of vulnerability that wasn't: Soviet military buildup in the 1970s — A research note // International Security*. 2008. Vol. 33. No. 1. P. 118–138.

38. Saalman L. *China and the U.S. nuclear posture review*. Beijing: Carnegie–Tsinghua Center, 2011.

39. Schelling T. *Surprise attack and disarmament // Bulletin of the Atomic Scientists*. 1959. Vol. 15. No. 10. P. 413–418.

40. Schelling T., Halperin M. *Strategy and arms control*. New York: The Twentieth Century Fund, 1961.

41. Snyder J. *The soviet strategic culture: Implications for limited nuclear operation*. Santa Monica, CA: RAND Corporation, 1977.

42. Strategic stability: Contending interpretations / Ed. by E. Colby, M. Gerson. Carlisle Barracks, PA: U.S. Army War College, 2013.

43. Tsipis K. The accuracy of strategic missiles // *Scientific American*. 1975. Vol. 233. No. 1. P. 14–23.

44. Ven Bruusgaard K. Russian nuclear strategy and conventional inferiority // *Journal of Strategic Studies*. 2021. Vol. 44. No. 1. P. 3–35. DOI: 10.1080/01402390.2020.1818070.

45. Wohlstetter A. The delicate balance of terror // *Foreign Affairs*. 1959. Vol. 37. No. 2. P. 211–234.

46. Yarynich V. C3: Nuclear command, control, and cooperation. Washington, D.C.: Center for Defense Information, 2003.

47. Zhao T. Conventional long-range strike weapons of U.S. Allies and China's concerns of strategic instability // *The Nonproliferation Review*. 2020. Vol. 27. No. 1–3. P. 109–122. DOI: 10.1080/10736700.2020.1795368.

REFERENCES

1. Arbatov A.G. 2020. Vooruzheniya i diplomatiya [Arms and diplomacy]. *World Economy and International Relations*, vol. 64, no. 6, pp. 9–23. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-6-9-23. (In Russ.)

2. Arbatov A.G. 2022. Strategicheskaya stabilnost' i kitaiskii gambit [Strategic stability and Chinese gambit]. *World Economy and International Relations*, vol. 66, no. 3, pp. 5–22. DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-3-5-22. (In Russ.)

3. Arbatov A.G., Dvorkin V.Z. 2011. Strategicheskaya stabilnost' do i posle holodnoi voyny [Strategic stability before and after Cold War]. *World Economy and International Relations*, no. 3, pp. 3–11. (In Russ.)

4. Veselov V.A. 2015. Transformatsiya parametrov strategicheskoi stabilnosti: rol' tekhnologicheskogo faktora [The role of technological factor in transforming parameters of strategic stability]. *Lomonosov World Politics Journal*, no. 3, pp. 23–56. (In Russ.)

5. Kokoshin A.A. (ed.). 2017. Vliyanie tekhnologicheskikh faktorov na parametry ugroz natsionalnoi i mezhdunarodnoi bezopasnosti, voennye konflikty i strategicheskuyu stabilnost' [The impact of technological factors on threats to national and international security, military conflicts and strategic stability]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta Publ. (In Russ.)

6. Zolotarev V.A. (ed.). 2000. *Istoriya voennoi strategii Rossii* [History of Russian military strategy]. Moscow, Kuchkovo pole; Poligrafresursy Publ. (In Russ.)

7. Karaganov S.A., Suslov D.V. 2019. *Novoe ponimanie i puti ukrepleniya mnogostoronnei strategicheskoi stabilnosti* [New understanding and ways to strengthen multilateral strategic stability]. Moscow, Vysshaya shkola ekonomiki Publ. (In Russ.)

8. Kokoshin A.A. 1995. *Armiya i politika. Sovetskaya voenno-politicheskaya i voenno-strategicheskaya mysl', 1918–1991 gg.* [Army and politics. Soviet military-political and military-strategic thinking in 1918–1991]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ. (In Russ.)

9. Kokoshin A.A. 2013. *Politiko-voennye i voenno-strategicheskie problemy natsionalnoi bezopasnosti Rossii i mezhdunarodnoi bezopasnosti* [Politico-military and military-strategic issues of Russia's national security and international security]. Moscow, Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki Publ. (In Russ.)

10. Kokoshin A.A. 2018. Strategicheskaya stabilnost' v usloviyakh kriticheskogo obostreniya mezhdunarodnoi obstanovki [Strategic stability in deteriorating international environment]. *Polis. Political Studies*, no. 4, pp. 7–21. DOI: 10.17976/jpps/2018.04.02. (In Russ.)

11. Kokoshin A.A. 2003. *Yadernye konflikty v 21 veke (tipy, formy, vozmozhnye uchastniki)* [Nuclear conflicts in the 21st century: Types, forms, and potential participants]. Moscow, Media-Press Publ. (In Russ.)

12. Arbatov A.G. (ed.). 2020. *Kontrol nad vooruzheniyami v novykh voenno-politicheskikh i tekhnologicheskikh usloviyakh* [Arms control in the new military-political and technological conditions]. Moscow, IMEMO RAN Publ. (In Russ.)

13. Mozhzhorin Yu.A. 2001. *Tak eto bylo* [That's how it was]. Moscow, Mezhdunarodnaya programma obrazovaniya Publ. (In Russ.)

14. Yashin et al. (eds.). 2009. *Oruzhie raketno-yadernogo udara* [The weapons of nuclear missile attack]. Moscow, Izdatel'stvo MGTU im. N.E. Bauman Publ. (In Russ.)

15. Petrovskiy V.F. 2004. Strategicheskaya bezopasnost' — trebovanie XXI veka [Strategic security as the 21st century imperative]. *Contemporary Europe*, no. 1, pp. 37–46. (In Russ.)

16. Savelyev A.G. 2015. Strategicheskaya stabilnost' i yadernoe sderzhivanie: uroki istorii [Strategic stability and nuclear deterrence: Lessons from history]. *Lomonosov World Politics Journal*, no. 3, pp. 57–84. (In Russ.)

17. Savelyev A.G., Dvorkin V.Z., Esin V.I., Detinov N.N. 2013. *O mnogostoronnem podkhode k probleme yadernogo razoruzhenia. Rabochaya tetrad' RSMD IX/2013* [On multilateral approach to the nuclear disarmament. RSMD Working Paper IX/2013]. Moscow, Spetskniga Publ. (In Russ.)

18. Suslov D.V. 2021. Zalozhit' osnovy buduschego [Lay the foundation for the future]. *Rossiya v globalnoi politike*, vol. 19, no. 5, pp. 114–121. DOI: 10.31278/1810-6439-2021-19-5-114-121. (In Russ.)

19. Sukhorutchenko V.V., Kreidin S.V. 2022. Yadernoe sderzhivanie v usloviyakh razvitiya globalnoi sistemy protivoraketnoi oborony SShA [Nuclear deterrence under conditions of expanding U.S. global system of missile defense]. *Voennaya mysl'*, no. 5, pp. 112–117. (In Russ.)

20. Fenenko A.V. 2021. Asimmetrichnaya model' yadernogo sderzhivaniya [An asymmetric model of nuclear deterrence]. *Analiz i prognoz. Zhurnal IMEMO RAN*, no. 3, pp. 13–29. DOI: 10.20542/afij-2021-3-13-29. (In Russ.)
21. Brodie B. (ed.). 1946. *The absolute weapon: Atomic power and world order*. San-Diego, CA, Harcourt.
22. Anderson J., McCue J. 2021. Deterring, countering, and defeating conventional-nuclear integration. *Strategic Studies Quarterly*, vol. 15, no. 1, pp. 28–60.
23. Arbatov A., Dvorkin V., Topychkanov P. 2017. Entanglement as a new security threat. In: Acton J. (ed.). *Entanglement. Russian and Chinese perspectives on non-nuclear weapons and nuclear risks*. Washington, D.C., Carnegie Endowment for International Peace, pp. 11–46.
24. Borden W. 1946. *There will be no time: The revolution in strategy*. New York, Macmillan.
25. Colby E. 2014. The need for limited nuclear options. In: Ochmanek D., Sulmeyer M. (eds.). *Challenges in U.S. national security policy*. Santa Monica, CA, RAND Corporation, pp. 141–168.
26. Fischer B. 1997. *A Cold War conundrum: The 1983 Soviet war scare*. Washington, D.C., Center for the Study of Intelligence, 1997.
27. Hines J. 1996. *Soviet strategic intentions 1965–1985; an analytical comparison of U.S. Cold War interpretations and Soviet Post-Cold War testimonial evidence*. PhD Thesis. University of Edinburgh.
28. Kaplan F. 1991. *The wizards of Armageddon*. Stanford, CA, Stanford University Press.
29. Kristensen H., Korda M. 2021. Russian nuclear weapons, 2021. *Bulletin of the Atomic Scientists*, vol. 77, no. 2, pp. 90–108. DOI: 10.1162/ISEC_a_00273.
30. Lambeth B. 1975. *Selective nuclear operations and Soviet strategy*. Santa-Monica, CA, RAND Corporation.
31. Lieber K., Press D. 2017. The new era of counterforce: Technological change and the future of nuclear deterrence. *International Security*, vol. 41, no. 4, pp. 9–49.
32. Manzo V., Miles A. 2016. The logic of integrating conventional and nuclear planning. *Arms Control Today*, vol. 46, no. 9, pp. 8–14.
33. Legvold R., Chyba F. (eds.). 2020. Meeting the challenges of a new nuclear age. *Daedalus*, vol. 149, no. 2.
34. Nitze P. 1976. Assuring strategic stability in an era of détente. *Foreign Affairs*, vol. 54, no. 2, pp. 207–232.
35. Nitze P. 1976/1977. Deterring our deterrent. *Foreign Policy*, no. 25, pp. 195–210.
36. Olikar O. 2016. *Russia's nuclear doctrine: What we know, what we don't know, and what that means*. Washington, D.C., Center for Strategic and International Studies.

37. Podvig P. 2008. The window of vulnerability that wasn't: Soviet military buildup in the 1970s — A research note. *International Security*, vol. 33, no. 1, pp. 118–138.
38. Saalman L. 2011. *China and the U.S. nuclear posture review*. Beijing, Carnegie–Tsinghua Center.
39. Schelling T. 1959. Surprise attack and disarmament. *Bulletin of the Atomic Scientists*, vol. 15, no. 10, pp. 413–418.
40. Schelling T., Halperin M. 1961. *Strategy and arms control*. New York, The Twentieth Century Fund.
41. Snyder J. 1977. *The Soviet strategic culture: Implications for limited nuclear operation*. Santa Monica, CA, RAND Corporation.
42. Colby E., Gerson M. (eds.). 2013. *Strategic stability: Contending interpretations*. Carlisle Barracks, PA, U.S. Army War College.
43. Tsipis K. 1975. The accuracy of strategic missiles. *Scientific American*, vol. 233, no. 1, pp. 14–23.
44. Ven Bruusgaard K. 2021. Russian nuclear strategy and conventional inferiority. *Journal of Strategic Studies*, vol. 44, no. 1, pp. 3–35. DOI: 10.1080/01402390.2020.1818070.
45. Wohlstetter A. 1959. The delicate balance of terror. *Foreign Affairs*, vol. 37, no. 2, pp. 211–234.
46. Yarynich V. 2003. *C3: Nuclear command, control, and cooperation*. Washington, D.C., Center for Defense Information.
47. Zhao T. 2020. Conventional long-range strike weapons of U.S. Allies and China's concerns of strategic instability. *The Nonproliferation Review*, vol. 27, no. 1–3, pp. 109–122. DOI: 10.1080/10736700.2020.1795368.

Статья поступила в редакцию 29.05.2022;
одобрена после рецензирования 15.08.2022;
принята к публикации 25.02.2023

The paper was submitted 29.05.2022;
approved after reviewing 15.08.2022;
accepted for publication 25.02.2023

DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-4-48-76

Научная статья / Research paper

Р.Р. Калинин*

КОРЕЙСКИЙ ПОЛУОСТРОВ КАК ОЧАГ НАПРЯЖЕННОСТИ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ 2.0»

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Нынешний этап развития международных отношений характеризуется неуклонным ростом напряженности между США и КНР. В академическом сообществе для описания усиливающихся американо-китайских трений всё чаще используется словосочетание «холодная война 2.0» (или новая холодная война). Несмотря на крайнюю дискуссионность этого образа, он может оказаться полезным при анализе ряда современных мирополитических тенденций. В частности, он позволяет по-новому взглянуть на содержание ядерной проблемы Корейского полуострова, вписав ее в логику нарождающегося американо-китайского глобального противостояния. В первом разделе статьи представлен обзор современных дискуссий вокруг концепта «холодной войны 2.0» в российской и зарубежной академической литературе, выявлены особенности подходов к его интерпретации в США, РФ и КНР. Во втором разделе показано, что, несмотря на разночтения, образ «холодной войны 2.0» может оказаться полезным с точки зрения понимания конкретных шагов глобальных и региональных игроков, которые направлены на модернизацию их вооруженных сил и грозят превратить Корейский полуостров в арену нового биполярного противостояния. В третьем разделе с опорой на Гарвардскую модель переговоров и опыт подготовки Соглашения 2005 г. предпринята попытка обозначить зону потенциальных договоренностей по ядерной проблеме Корейского полуострова в новых условиях. Автор приходит к выводу, что риторика в духе «холодной войны 2.0» оказывается востребованной как у крупных игроков, так и у стран Корейского полуострова, позволяя им с ее помощью извлекать дополнительные внутри- и внешнеполитические дивиденды. При этом если КНДР делает ставку на ядерный фактор, то Республика Корея, опираясь на концепцию «средней силы», пытается балансировать

* Калинин Роман Ренатович — аспирант факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: kalininrr95@gmail.com).

между великими державами и тем самым увеличивать свое влияние и вес на международной арене. Подобная политика в долгосрочной перспективе несет серьезные риски, чревата неконтролируемой эскалацией международной напряженности на Корейском полуострове и превращением его уже не просто в арену нового биполярного соперничества, а в полноценный очаг военной опасности.

Ключевые слова: «холодная война 2.0», ядерная проблема Корейского полуострова, международная безопасность, ядерное оружие, денуклеаризация, ядерное нераспространение, США, КНДР, КНР

Для цитирования: Калинин Р.Р. Корейский полуостров как очаг напряженности «холодной войны 2.0» // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2022. Т. 14. № 4. С. 48–76. DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-4-48-76.

Roman R. Kalinin

THE KOREAN PENINSULA AS A HOTBED OF COLD WAR 2.0

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

Contemporary international relations witness an ever-increasing tension between the United States and China. In an attempt to capture and conceptualize this trend, a new term was introduced in the IR academic discourse — a ‘Cold War 2.0’ (or new Cold War). Ambiguous and vague as it is, it may nevertheless be instrumental for the study of certain aspects of contemporary world politics. In particular, it allows one to consider the developments of the Korean Peninsula nuclear issue (KPNI) within the broader framework of emerging US-China confrontation. The first section examines current debates over the ‘Cold War 2.0’ concept both in Russian and foreign academic literature, and identifies its country-specific interpretations in the United States, Russia and the PRC. The second section shows that, despite its contested and controversial nature, the ‘Cold War 2.0’ concept provides useful insights on how concrete steps of global and regional actors aimed at enhancing their military capabilities are threatening to turn the Korean Peninsula into the arena of a new bipolar confrontation. In the third section, drawing on the Harvard negotiation model and the experience of 2005 Agreement, the author attempts to identify the zone of potential agreement on the KPNI under new conditions. The author concludes that both the leading powers and the countries of the Korean Peninsula utilize the ‘Cold War 2.0’

rhetoric to get additional domestic and foreign policy dividends. Thus, the DPRK relies upon the nuclear factor, while the Republic of Korea tries to balance between the great powers and to gain more weight in the international arena by building on the 'medium power' concept. In the long term, such policies are fraught with uncontrolled escalation that could lead to a new full-scale war on the Korean Peninsula.

Keywords: 'Cold War 2.0', Korean Peninsula nuclear issue, international security, nuclear weapons, denuclearization, nuclear non-proliferation, USA, DPRK, PRC

About the author: Roman R. Kalinin — PhD Candidate, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University (e-mail: kalininrr95@gmail.com).

For citation: Kalinin R.R. 2022. The Korean peninsula as a hotbed of Cold War 2.0. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 14, no. 4, pp. 48–76. DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-4-48-76. (In Russ.)

«Холодная война 2.0»: проблемы осмысления и концептуализации

Термин «холодная война 2.0» рассматривается в научном сообществе как минимум с трех разных точек зрения. Так, одни ученые склонны определять данный феномен как специфическую разновидность конфликта. В 1997 г. российский исследователь В.П. Гулин рассматривал холодную войну в рамках концепции «бескровных войн» с преобладанием информационного противоборства и использованием других «несмертельных» видов оружия [Гулин, 1997]. Исследователи Т. Рид и М. Хекер в 2009 г. рассуждали о «холодной войне 2.0» в целом, указывая, что новые типы конфликтов характеризуются ростом влияния негосударственных акторов, информационных технологий, СМИ, средств радиоэлектронной борьбы [Rid, Hecker, 2009]. В свою очередь российский эксперт из ИМЭМО РАН А.В. Куприянов предложил следующее определение холодной войны: это особый тип межгосударственного конфликта, разворачивающийся между двумя акторами на довоенном уровне и требующий особой стратегии и тактики [Куприянов, 2021]. Вторая группа исследователей полагают, что термин «холодная война 2.0» характеризует новое состояние международных отношений в целом. Академик РАН А.А. Кокошин считает отличительным признаком войны вооруженную борьбу, а холодную войну, по его мнению, сле-

дует рассматривать как определенное состояние системы мировой политики [Кокошин, 2019]. В этом контексте как отечественные, так и зарубежные исследователи говорят о формировании новой биполярности между США и КНР по аналогии с противостоянием СССР и США¹ [Xuetong, 2013; Kupchan, 2021]. Третью группу ученых условно можно охарактеризовать как конструктивистскую. Как правило, авторы используют термин «холодная война 2.0», опираясь на концептуальное осмысление биполярного порядка, существовавшего во второй половине XX в., но конструируют из уроков прошлого новые смыслы. Как отмечал член-корреспондент РАН А.А. Громыко, сюжет о возникновении новой «биполярной конфронтации» Вашингтона и Пекина активнее разгоняют страны либеральной демократии. Автор выделил три фактора популярности этой идеи в западной повестке: простота и интуитивная понятность такой формы мироустройства; определенные позитивные коннотации (первая холодная война закончилась победой США, значит, и вторая завершится так же); наконец, возможность четко разграничить страны по признаку либеральная демократия / авторитарные режимы [Громыко, 2020]. В целом ситуация новой холодной войны рассматривается исследователями как более сложная и неустойчивая по сравнению с биполярным периодом XX в.: высказываются опасения, что она является лишь подготовительным этапом на пути к крупномасштабному конфликту, в котором главной динамической силой выступают страны Запада.

Более полное понимание сути феномена «холодной войны 2.0» может дать анализ особенностей его трактовки в отдельных странах. Изначально термин «холодная война» был введен в широкий оборот американским публицистом У. Липпманом в работе «The Cold War. A study in U.S. foreign policy», в которой он обосновывал необходимость сдерживания СССР [Lippman, 1947]. Неудивительно поэтому, что именно в США термин «холодная война 2.0» используется особенно активно. Как и в период первой холодной войны, неологизм пришел из публицистики: в 2008 г. журналист Э. Лукас издал книгу под названием «Новая холодная война», под которой он понимал новое противостояние «Запада и Кремля» вследствие

¹ Кортунов А.В. О мудрой обезьяне, спускающейся с горы // РСМД. 04.05.2020. Доступ: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/o-mudroy-obezyane-spuskayushcheysya-s-gory/> (дата обращения: 10.01.2023).

непринятия Россией западных норм и попыток ее руководства возродить СССР [Lucas, 2008]. Примечательно, что в период администрации Б. Обамы, когда США пытались продвигать концепцию G2 — вовлечения КНР в американоцентричную систему², многие авторы описывали новую холодную войну как локальный феномен российско-американских отношений. К примеру, в начале «украинского кризиса» в 2014 г. политолог Р. Легволд считал, что, в отличие от глобального противостояния СССР и США, новая холодная война будет сосредоточена вокруг США и РФ и не затронет Индию, КНР и другие регионы [Legvold, 2014].

Одними из первых о «холодной войне 2.0» как о геополитическом противостоянии США и КНР также заговорили публицисты. В 2014 г. репортер Financial Times Г. Дайер писал, что отправной точкой новой холодной войны следует считать разработку интегрированной боевой доктрины AirSea Battle — по аналогии с концепцией AirLand Battle конца первой холодной войны, которая была направлена на подавление численного превосходства войск СССР в Европе. Доктрина AirSea Battle в свою очередь призвана дать ответ на растущую мощь Народно-освободительной армии Китая (НОАК)³.

После окончания военных кампаний в Ираке и Афганистане Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) действительно стал играть ключевую роль во внешнеполитической стратегии США. В условиях роста экономического и военного потенциала КНР был провозглашен «разворот» Соединенных Штатов к Азии (Pivot to Asia)⁴. В «Стратегии национальной безопасности» (СНБ) 2015 г., подчеркивая особую роль Индии в архитектуре безопасности АТР, США стали использовать термин «Индо-Тихоокеанский регион» (ИТР)⁵. Адми-

² Bergsten F.C. Two's company // Foreign Affairs. September/October 2009. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/americas/2009-09-01/twos-company> (accessed: 10.01.2023).

³ Dyer G. US v China: Is this the new Cold War? // Financial Times. 21.02.2014. Available at: <https://www.ft.com/content/78920b2e-99ba-11e3-91cd-00144feab7de> (accessed: 10.01.2023).

⁴ Clinton H. America's Pacific century // Foreign Policy. 11.10.2011. Available at: <https://foreignpolicy.com/2011/10/11/americas-pacific-century/> (accessed: 10.01.2023).

⁵ National Security Strategy. February 2015 // The White House (archives). Available at: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy_2.pdf (accessed: 10.01.2023).

нистрация Д. Трампа, следуя логике «принципиального реализма»⁶, объявила курс на обеспечение стратегического превосходства США в ИТР, что было закреплено в «Стратегии Индо-Тихоокеанского региона»⁷. В ходе развернутой Д. Трампом «торговой войны» с КНР в 2019 г. Г. Киссинджер отметил, что Вашингтон и Пекин находятся на пороге холодной войны⁸. Если в СНБ 2010 г., принятой при Б. Обаме, подчеркивалось стремление к построению «позитивных, конструктивных и всеобъемлющих» отношений с Китаем⁹, а в ее обновленной редакции от 2015 г. говорилось о сотрудничестве в определенных областях и соперничестве с позиции силы¹⁰, то доктринальные документы администрации Д. Трампа опираются на признание главенствующей роли военной силы в международной политике¹¹. Китай и Россия названы главными вызовами лидерству США наравне с региональными диктаторскими режимами, к которым причислена и КНДР¹².

С приходом к власти Дж. Байдена в официальных американских документах Китай стали называть «практически равным соперником» (*near-peer, global competitor of the United States*), подчеркивая возрастающую угрозу с его стороны национальной безопасности США

⁶ 25 сентября 2018 г., выступая на сессии Генеральной Ассамблеи ООН, Д. Трамп озвучил стратегию американского «принципиального реализма», основанную на важности суверенитета, национализма и главенстве роли «жесткой силы» в международных отношениях. Подробнее см.: Brumberg D. Trump's unprincipled 'principled realism' benefits Trump, not the world // Arab Center. Washington, D.C. 05.10.2018. Available at: <https://arabcenterdc.org/resource/trumps-unprincipled-principled-realism-benefits-trump-not-the-world/> (accessed: 10.01.2023).

⁷ U.S. Strategic Framework for the Indo-Pacific // The White House (archives). P. 1. Available at: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2021/01/IPS-Final-Declass.pdf> (accessed: 10.01.2023).

⁸ Kissinger says U.S. and China in 'foothills of a Cold War' // Bloomberg. 21.11.2019. Available at: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-11-21/kissinger-says-u-s-and-china-in-foothills-of-a-cold-war> (accessed: 10.01.2023).

⁹ National Security Strategy 2010 // National Security Strategy Archive. Available at: <http://nssarchive.us/national-security-strategy-2010/5/> (accessed: 10.01.2023).

¹⁰ National Security Strategy. February 2015 // The White House (archives). Available at: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy_2.pdf (accessed: 10.01.2023).

¹¹ National Security Strategy of the United States of America. December 2017 // National Security Strategy Archive. Available at: <http://nssarchive.us/wp-content/uploads/2020/04/2017.pdf> (accessed: 10.01.2023).

¹² Ibidem.

во всех сферах¹³. В обновленной «Стратегии Индо-Тихоокеанского региона» Белый дом заявил о необходимости развития военных возможностей в новых пространствах: космосе, киберсреде, других критических сферах, связанных с технологиями¹⁴, где у КНР могут быть преимущества. СНБ США 2022 г. по духу соответствует эпохе холодной войны: в ней говорится о возможности управляемой конфронтации, попытках Москвы и Пекина построить нелиберальный мировой порядок и использовании ресурсного и технологического потенциала для подрыва демократии¹⁵.

Что касается КНДР, то США в период президентства Дж. Байдена приостановили прямой диалог с северокорейским режимом и выступают с позиции CVID (*complete verifiable and irreversible dismantlement*) — полного, верифицируемого и необратимого ядерного разоружения Пхеньяна¹⁶. Затишье дипломатии на Корейском полуострове сопровождается возобновлением крупномасштабных учений¹⁷, направленных на укрепление сдерживания КНДР, и переориентацией союзников США на решение задач по сдерживанию Китая. Так, на фоне обострения угроз международной безопасности к антикитайской позиции всё сильнее склоняется Южная Корея¹⁸.

¹³ S. 1169 — Strategic Competition Act of 2021. 117th Congress (2021–2022) // Library of Congress. 10.05.2021. Available at: <https://www.congress.gov/bill/117th-congress/senate-bill/1169/> (accessed: 10.01.2023).

¹⁴ Indo-Pacific Strategy of the United States. February 2022 // The White House. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/02/U.S.-Indo-Pacific-Strategy.pdf> (accessed: 10.01.2023).

¹⁵ National Security Strategy. October 2022 // The White House. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (accessed: 10.01.2023).

¹⁶ Mattis J., Tillerson R. We're holding Pyongyang to account: The U.S., its allies and the world are united in our pursuit of a denuclearized Korean peninsula // The Wall Street Journal. 13.08.2017. Available at: <https://www.wsj.com/articles/were-holding-pyongyang-to-account-1502660253> (accessed: 10.01.2023).

¹⁷ Smith J. U.S. and South Korean warplanes begin largest ever air drills // Reuters. 31.10.2022. Available at: <https://www.reuters.com/world/us-south-korean-warplanes-begin-largest-ever-air-drills-2022-10-31/> (accessed: 10.01.2023).

¹⁸ Lee J.J., Shidore S. The folly of pushing South Korea toward a China containment strategy // Quincy Institute for Responsible Statecraft. 05.05.2022. Available at: <https://quincyinst.org/report/the-folly-of-pushing-south-korea-toward-a-china-containment-strategy/> (accessed: 23.07.2022); Lee R.M. The real significance of North Korea's recent military activities // Stimson Center. 02.11.2022. Available at: <https://www.38north.org/2022/11/the-real-significance-of-north-koreas-recent-military-activities/> (accessed: 10.01.2023).

Избранный в 2022 г. президент от правых сил Юн Сок Ёль уже выступил за усиление альянса с США¹⁹ и возрождение «трех столпов» обороны: Kill Chain (стратегия превентивного удара), KAMD (Korea Air and Missile Defense — ПВО и ПРО Кореи), KMPR (Korea Massive Punishment and Retaliation — Корейская стратегия широкомасштабного ответного карательного удара)²⁰.

Активизировавшиеся военно-политические приготовления создают угрозу превращения Корейского полуострова в полноценный фронт «холодной войны 2.0», причем некоторые американские политики и эксперты приветствуют подобную перспективу. Например, член Совета по международным делам Э. Абрамс полагает, что вызов, который представляет для Вашингтона блок авторитарных стран во главе с КНР и РФ, открывает возможность для наращивания военных расходов, возрождения глобального присутствия США и, как следствие, их возвращения к статусу единственной сверхдержавы²¹.

Образ новой холодной войны вызывает симпатии и у американских союзников в Европе. Независимая европейская негосударственная организация Geopolitical Intelligence Services AG считает, что стержнем этого конфликта является противостояние между демократичными и недемократичными странами, где по одну сторону находится западнцентричная капиталистическая система, а по другую — китаеццентричная сеть государств, включая Россию. Авторы полагают, что отличительной чертой новой холодной войны становится невозможность ее мирного завершения [Ferguson, Schularick, 2007]. Таким образом, страны либеральной демократии во главе с США рассматривают «холодную войну 2.0» как переходный период в развитии международных отношений, в конце которого авторитарные режимы потерпят крах. КНДР согласно СНБ 2022 г. воспринимается как малое авторитарное государство, стремящееся

¹⁹ Cho J. What conservative Yoon Seok-yeol's win as South Korea's president means for US-North Korea relations // ABC News. 09.03.2022. Available at: <https://abcnews.go.com/International/conservative-yoon-wins-south-koreas-presidential-election/story?id=83345740> (accessed: 10.01.2023).

²⁰ Воронцов А. Период военно-политической стабильности на Корейском полуострове приближается к завершению // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 20.05.2022. Доступ: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/period-stabilnosti-na-koreyskom-poluostrove/> (дата обращения: 10.01.2023).

²¹ Abrams E. The new Cold War // Council on Foreign Relations. 04.03.2022. Available at: <https://www.cfr.org/blog/new-cold-war-0> (дата обращения: 10.01.2023).

подорвать позиции США²², а значит, выступает как потенциальная мишень.

В России и КНР также используют термин «холодная война 2.0», однако трактуют его иначе. Российские ученые преимущественно рассматривают этот феномен в контексте ухудшения российско-американских отношений²³ [Ильинский, 2015]. При этом они склонны различать новую холодную войну и предыдущую конфронтацию. К примеру, исследователь из Института США и Канады РАН П. Подлесный считает современный мировой порядок эпохой борьбы западной и восточной моделей мира [Подлесный, 2018]. Профессор С.А. Караганов полагает, что новая холодная война является политическим проектом США и их союзников, которые ведут ее по лекалам предыдущей конфронтации²⁴. Российский историк И.М. Ильинский утверждает, что цель США в политике холодной войны — не допустить появления равного по силе конкурента [Ильинский, 2015]. Академик РАН С.М. Рогов выделяет в качестве характерных маркеров новой холодной войны резкое обострение пропаганды, экономическую войну и полное отсутствие дипломатических контактов между США и Россией, а также возобновление гонки вооружений [Рогов, 2020]. По мнению академика РАН Г.А. Арбатова, новая холодная война протекает в многополярном и полицентричном ядерном мире, что затрудняет выработку механизмов контроля и делает ее более опасной, чем в предыдущий период²⁵. Феномен полицентризма, который нередко игнорируют западные исследователи, согласно члену-корреспонденту РАН В.Н. Гарбузову, порождает большие и малые конфронтационные оси. Большая ось складывается вокруг вызова КНР американскому доминированию, а малая — вокруг

²² National Security Strategy. October 2022 // The White House. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (accessed: 10.01.2023).

²³ Арбатов А. Грядет ли холодная война? // Россия в глобальной политике. 22.04.2007. Доступ: <https://globalaffairs.ru/articles/gryadet-li-holodnaya-vojna/> (дата обращения: 10.01.2023).

²⁴ Караганов С. Как победить в холодной войне // Россия в глобальной политике. 18.07.2018. Доступ: <https://globalaffairs.ru/articles/kak-pobedit-v-holodnoj-vojne/> (дата обращения: 10.01.2023).

²⁵ Арбатов Г., Пауэр Дж. «Нам грозит более опасный период, чем холодная война» // Россия в глобальной политике. 16.02.2008. Доступ: <https://globalaffairs.ru/articles/nam-grozit-bolee-opasnyj-period-chem-holodnaya-vojna/> (дата обращения: 10.01.2023).

борьбы РФ за советское наследство [Гарбузов, 2020]. При этом официально Россия не считает себя участником/инициатором нового геополитического противостояния, подчеркивая курс на равноправное многостороннее сотрудничество²⁶.

Отдельное внимание в этом контексте отечественные специалисты уделяют проблеме превращения Корейского полуострова во фронт «холодной войны 2.0». Российские корееведы А. Воронцов, А. Жебин, К. Асмолов подчеркивают, что США и их союзники годами игнорируют интересы национальной безопасности КНДР, подталкивая тем самым ее руководство к поиску силовых вариантов сдерживания угрозы и отдаляя мирное разрешение ядерной проблемы Корейского полуострова (ЯПКП)²⁷ [Асмолов, 2020; 2021; 2022; Жебин, 2019; КНДР и РК — 70 лет, 2018: 101–115].

КНР также не торопится признавать себя одним из главных акторов глобального противостояния, а ее представители стараются избегать использования термина «холодная война 2.0» для описания отношений с США. Научный сотрудник Академии социальных наук КНР Я. Юань отмечает важность недопущения перехода к состоянию «ловушки Черчилля» — холодной войны — и противопоставляет ей выстраивание системы соуправления (*co-ruling*), основанной на правилах и взаимоуважении [Yang, 2018]. Политолог Ян Сюэтуン полагает, что в нынешнюю эпоху идеологический компонент противостояния великих держав сменился технологическим, который не может быть адекватно описан в терминах геополитики [Xuetong, 2020]. Исследователь Денверского университета С. Жао также выступает против того, чтобы называть обострение американо-китайских противоречий холодной войной ввиду наличия множества сильных государств, способных влиять на глобальный баланс сил, отсутствия в КНР идеологии «на экспорт», а также неизменности позиции Пекина по незаключению союзов наподобие «Варшавского блока» [Zhao, 2022].

²⁶ Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Президент России. 02.07.2021. Доступ: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 10.01.2023).

²⁷ Воронцов А. Северная Корея на острие американской политики «двойного сдерживания» Китая и России // Фонд стратегической культуры. 06.06.2017. Доступ: <https://www.fondsk.ru/news/2017/06/06/severnaya-korea-na-ostrie-amerikanskoj-politiki-sderzhivania-kitaya-i-rossii-44110.html> (дата обращения: 10.01.2023).

Рост военной напряженности на Корейском полуострове через призму концепции «холодной войны 2.0»

Несмотря на различные трактовки понятия «холодная война 2.0», и США, и КНР активно проводят военную модернизацию. Наблюдается ускоренная милитаризация и в странах Корейского полуострова. В XXI в. НОАК подверглась серьезной перестройке. Как отмечается в докладе Белферовского центра, посвященном военному противостоянию США и КНР, к 2025 г. возможности НОАК по сдерживанию противника путем воспреещения доступа и маневра (A2/AD) достигнут второй цепочки островов²⁸, что станет прямой угрозой американской базе на о. Гуам²⁹. Военная реформа в Китае, стартовавшая в 2015 г., предполагает полную модернизацию армии к 2035 г. и доведение ее до высших мировых стандартов к 2049 г.³⁰ За 2021 г. в состав флота КНР вошли 8 эсминцев с управляемыми ракетами на борту. С учетом морской мощи США, роста военных флотов Японии и Южной Кореи эксперты предрекают гонку морских вооружений в АТР³¹. Как отмечает академик РАН А.А. Кокошин, господство на морях является необходимым условием для решения проблемы Тайваня и обеспечения суверенитета Южно-Китайского моря [Кокошин, 2016]. Российский исследователь В.Б. Кашин утверждает, что военная реформа стала ответом КНР на «третью стратегию компенсации» США и предполагает существенный прогресс в сфере

²⁸ Простирается от Японских островов до о. Гуам и островов Микронезии. Подробнее см.: Espena J., Bompig Ch. The Taiwan frontier and the Chinese dominance for Second Island Chain // Australian Institute of International Affairs. 13.08.2020. Available at: <https://www.internationalaffairs.org.au/australianoutlook/taiwan-frontier-chinese-dominance-for-second-island-chain/> (accessed: 10.01.2023).

²⁹ Allison G., Glick-Unterman J. The great military rivalry: China vs the U.S. // Belfer Center for Science and International Affairs. Harvard Kennedy School. December 2021. Available at: https://www.belfercenter.org/sites/default/files/GreatMilitaryRivalry_China-vs-US_211215.pdf (accessed: 10.01.2023).

³⁰ Fravel M.T. Hearing on “A ‘world-class’ military: Assessing China’s global military ambitions”. Testimony before the U.S.-China Economic and Security Review Commission // The U.S.-China Economic and Security Review Commission. 20.06.2019. Available at: https://www.uscc.gov/sites/default/files/Fravel_USCC%20Testimony_FINAL.pdf (accessed: 10.01.2023).

³¹ Wong L., Vavasseur X. PLAN in motion: Chinese navy’s massive ship commissionings in 2021 // Naval News. 06.01.2022. Available at: <https://www.navalnews.com/naval-news/2022/01/plan-in-motion-chinese-navys-massive-ship-commissionings-in-2021> (accessed: 10.01.2023).

НИОКР с акцентом на развитие гиперзвуковых технологий и искусственного интеллекта [Кашин, 2017].

Рост напряженности в Европе, на Корейском полуострове, Тайване и в Южно-Китайском море стимулирует дискуссии и о дальнейшей модернизации облика ВС США. Речь идет о развитии концепции операций полного спектра (*multi-domain operations*, MDO), согласно которой армия должна иметь единую структуру ответа на вызовы с земли, воздуха, моря, в киберпространстве и космосе³². В ВМФ США разрабатывается концепция операций с использованием высокоомобильных оперативных групп на передовых опорных пунктах США (*expeditionary advanced base operations*, EABO) и резервных сил (*stand-in forces*, SIFs)³³. КНР и РФ обозначены в документах как страны, стремящиеся к формированию авторитарной модели мира посредством разрушения связей Вашингтона с союзниками. Используя операции полного спектра, США надеются выиграть крупномасштабные кампании против хорошо вооруженных армий РФ и КНР за счет быстроты маневра и технологий³⁴.

Разгорающаяся напряженность в американо-китайских отношениях отражается и на политике малых держав. Их роль в новой холодной войне нуждается в дополнительном концептуальном осмыслении. Как отмечают исследователи Л. Крамп и С. Эрландссон, для малых держав в период первой холодной войны характерным способом выживания были маневрирование, мультилатерализм, выраженный в участии в международных институтах, избрании нейтрального статуса, создании региональных группировок [Margins for manoeuvre in Cold War Europe..., 2019]. Маневрирование как попытка не попасть в ловушку новой холодной войны происходит и сейчас. Ситуация на Корейском полуострове является тому примером. КНДР стала первой де-факто ядерной державой, использующей ядерный фактор против США: Китай, который в период холодной

³² Feickert A. Defense primer: Army multi-domain operations (MDO) // Congressional Research Service. 21.11.2022. Available at: <https://sgp.fas.org/crs/natsec/IF11409.pdf> (accessed: 10.01.2023).

³³ Feickert A. US Ground Forces in the Indo-Pacific: Background and issues for Congress // Congressional Research Service. 30.08.2022. Available at: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/R/R47096> (accessed: 10.01.2023).

³⁴ Feickert A. Defense primer: Army multi-domain operations (MDO) // Congressional Research Service. 21.11.2022. Available at: <https://sgp.fas.org/crs/natsec/IF11409.pdf> (accessed: 10.01.2023).

войны был догоняющим по отношению к Советскому Союзу и Соединенным Штатам, нельзя сравнить по совокупной мощи с Северной Кореей; Израиль никогда открыто не заявлял о функции сдерживания Москвы или Вашингтона с помощью ядерного оружия (ЯО); Великобритания всегда находилась в союзе с США; французская политика обороны по всем азимутам скорее была направлена на повышение роли страны в НАТО [Малашенко, 2011]. КНДР же в 2022 г. объявила о том, что может использовать ЯО для борьбы как с США, так и с Южной Кореей, и продемонстрировала новую межконтинентальную баллистическую ракету (МБР) «Хвасон-17», способную достичь территории Штатов³⁵.

Как отмечает российский эксперт О.В. Давыдов, агрессивная внешняя политика КНДР делает непредсказуемым и малопонятным развитие ситуации на Корейском полуострове [Давыдов, 2018]. Однако наличие у Пхеньяна ЯО препятствует созданию условий для управляемой конфронтации, декларируемой США в качестве основы противоборства с северокорейским режимом. Используя ядерный фактор в качестве щита от возможной интервенции, КНДР играет на противоречиях между Вашингтоном и Пекином и проводит независимую политику. Наиболее ярко это проявилось в ходе «украинского кризиса». Пхеньян открыто выразил поддержку РФ в проведении специальной военной операции на Украине и назвал ее причиной стремление США к мировой гегемонии³⁶. Дальнейший курс КНДР и возможный выбор стороны в американо-китайском противостоянии будут иметь серьезное значение для «холодной войны 2.0», в частности для сценариев кризисного реагирования.

Для США Корейский полуостров, где расквартировано порядка 28,5 тыс. американских военнослужащих³⁷, по-прежнему является важным плацдармом для быстрого реагирования на военную угрозу со стороны КНДР. В отличие от эпохи холодной войны, в текущих

³⁵ Ланьков А. Почему в уходящем году отношения Пхеньяна и Сеула становились все хуже // Профиль. 25.12.2022. Доступ: <https://profile.ru/abroad/pochemu-v-uhodyashhem-godu-otnosheniya-phenyana-i-seula-stanovilis-vse-huzhe-1223308/> (дата обращения: 10.01.2023).

³⁶ МИД КНДР заявил, что произвол США привел к конфликту на Украине // ТАСС. 26.02.2022. Доступ: (дата обращения: 10.01.2023).

³⁷ Chanlett-Avery E., Campbell C. U.S.-South Korea alliance: Issues for Congress // Congressional Research Service. 14.03.2022. Available at: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/IF/IF11388> (accessed: 10.01.2023).

условиях Пхеньян имеет возможность в случае кризиса выдвинуть собственный «ультиматум Макартура» либо прибегнуть к помощи Пекина в рамках положений Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между КНР и КНДР. Как полагает эксперт Р.М. Ли, Северная Корея постепенно отходит от тридцатилетней политики неприсоединения к КНР и РФ и стремится к стратегическому и тактическому сотрудничеству с этими странами, что в дальнейшем может привести к откату отношений с США до этапа Рамочного соглашения 1994 г.³⁸ Если «украинский кризис» разворачивается далеко от американских и китайских границ вокруг малой оси конфронтации, то Корейский полуостров является точкой соприкосновения этих стран. Переход противостояния в военную плоскость не кажется чем-то сверхъестественным в условиях модернизации военных доктрин ключевых игроков АТР.

Разлад между членами Совета Безопасности (СБ) ООН уже позволил КНДР в 2022 г. провести ряд испытаний ракет различной дальности, включая тяжелую МБР «Хвасон-17»³⁹. Анализ спутниковых снимков ядерного полигона Пхунгери демонстрирует подготовку Пхеньяна к ядерному испытанию⁴⁰. Объявленное в ответ на северо-корейские провокации возобновление американско-южнокорейских учений вблизи границ КНДР⁴¹ приводит к спирали эскалации и усиливает риск горячего конфликта с возможным вовлечением Китая и России.

Маневрирование КНДР в условиях большой оси конфронтации между Вашингтоном и Пекином является успешным за счет фактора неопределенности, окутывающего ядерную стратегию страны и состояние ее стратегических ядерных сил. Известно, что укрепление

³⁸ Lee R.M. The real significance of North Korea's recent military activities // Stimson Center. 02.11.2022. Available at: <https://www.38north.org/2022/11/the-real-significance-of-north-koreas-recent-military-activities/> (accessed: 10.01.2023).

³⁹ Nowell E. North Korea launches yet another ballistic missile test: Reports // Space.com. 04.05.2022. Available at: <https://www.space.com/north-korea-missile-test-may-2022> (accessed: 10.01.2023).

⁴⁰ Makowsky P. et al. North Korea's Yongbyon Nuclear Research Center: Upgrades around the complex // Stimson Center. 24.05.2022. Available at: <https://www.38north.org/2022/05/north-koreas-yongbyon-nuclear-research-center-site-upgrades-around-the-complex/> (accessed: 10.01.2023).

⁴¹ Smith J. U.S. and South Korean warplanes begin largest ever air drills // Reuters. 31.10.2022. Available at: <https://www.reuters.com/world/us-south-korean-warplanes-begin-largest-ever-air-drills-2022-10-31/> (accessed: 10.01.2023).

ядерного потенциала КНДР происходит в рамках долгосрочной стратегии, озвученной руководством на VIII съезде Трудовой партии Кореи в январе 2021 г. Цели военного строительства заключаются в создании сверхкрупных боеголовок для МБР, атомной подводной лодки, гиперзвуковых ракет, в миниатюризации зарядов для разработки тактического ЯО⁴². Испытания МБР «Хвасон-17» 24 марта 2022 г. и 19 ноября 2022 г.⁴³ стали важной вехой в развитии средств доставки. Исследователь Центра стратегических и международных исследований (CSIS) С.М. Терри считает, что КНДР станет третьей после России и Китая страной, способной нанести ядерный удар по территории США, и будет в дальнейшем использовать «украинский кризис» для провокационной политики⁴⁴. Испытания МБР «Хвасон-17» означали отказ Пхеньяна от моратория на испытания баллистических ракет и ЯО 2018 г.⁴⁵, который был основой «Пханмучжомской декларации о мире, процветании и объединении Корейского полуострова» между Республикой Корея и КНДР⁴⁶. Испытанием новейшей МБР Ким Чен Ын окончательно перечеркнул успехи личной дипломатии Д. Трампа, итогом которой стала «Сингапурская декларация», предусматривавшая гарантии безопасности США в обмен на денуклеаризацию Северной Кореи⁴⁷.

⁴² Великая боевая программа по достижению новых побед в строительстве социализма нашего образца // Корея. 2021. № 778. С. 10–18. Доступ: <https://www.fessl.ru/korea/korea1.pdf> (дата обращения: 10.01.2023).

⁴³ Smith J. Factbox: North Korea's new Hwasong-17 'monster missile' // Reuters. 19.11.2022. Available at: <https://www.reuters.com/world/asia-pacific/north-koreas-new-hwasong-17-monster-missile-2022-11-19/> (accessed: 10.01.2023).

⁴⁴ Terry S.M. North Korea's nuclear opportunism // Foreign Affairs. 24.03.2022. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/north-korea/2022-03-24/north-koreas-nuclear-opportunism> (accessed: 10.01.2023).

⁴⁵ КНДР отказалась от ракетно-ядерных испытаний // ТАСС. 21.04.2018. Доступ: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5147022> (дата обращения: 10.01.2023).

⁴⁶ Panmunjom Declaration for Peace, Prosperity and Unification of the Korean Peninsula // Ministry of Foreign Affairs. Republic of Korea. 11.09.2018. Available at: https://www.mofa.go.kr/eng/brd/m_5478/down.do?brd_id=308&seq=319130&data_tp=A&file_seq=1 (accessed: 10.01.2023).

⁴⁷ Joint Statement of President Donald J. Trump of the United States of America and Chairman Kim Jong Un of the Democratic People's Republic of Korea at the Singapore Summit // The White House (archives). 12.06.2018. Available at: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/briefings-statements/joint-statement-president-donald-j-trump-united-states-america-chairman-kim-jong-un-democratic-peoples-republic-korea-singapore-summit/> (accessed: 10.01.2023).

Перспективы мирного урегулирования на Корейском полуострове в условиях «холодной войны 2.0»

Непрекращающаяся череда кризисов, отбросившая усилия по мирному урегулированию на Корейском полуострове к нулевой фазе, актуализирует необходимость поиска дипломатического решения ЯПКП. Если США рассматривают санкции как один из главных способов принуждения КНДР к переговорам, то позиция Китая долгое время была ситуативной. Помимо коллективных санкций СБ ООН Пекин использовал механизм односторонних санкций для влияния на Северную Корею. В 2006 г. КНР присоединилась к кампании США по заморозке северокорейских активов, введя подобные меры в Bank of China. В 2013 г. под предлогом технических проблем был приостановлен экспорт нефти в КНДР⁴⁸.

Однако политика Китая в условиях «холодной войны 2.0» свидетельствует о том, что Си Цзиньпин, пришедший к власти в 2013 г., и Ким Чен Ын, занявший пост в 2011 г., нашли общий язык и общего противника. 9 сентября 2022 г. китайский лидер по случаю Дня независимости Кореи отметил, что в условиях трансформации международных отношений необходимо усиливать стратегические контакты между странами⁴⁹. В январе 2022 г. Москва и Пекин заблокировали пакет санкций против пяти северокорейцев, поддержанный США⁵⁰. 6 мая 2022 г. Россия и Китай вновь применили право вето в отношении американского проекта резолюции СБ ООН по санкциям против КНДР. Постоянный представитель РФ в ООН В.А. Небензя отметил, что в условиях вспышки COVID-19 в КНДР «усиление санкционного давления на Пхеньян не только бесперспективно, но и крайне опасно с точки зрения гуманитарных последствий таких

⁴⁸ Jiang Y. Sanctions are an important tool in China's North Korea diplomacy // Danish Institute for International Studies. 22.02.2019. Available at: <https://www.diis.dk/en/research/sanctions-are-an-important-tool-in-chinas-north-korea-diplomacy> (accessed: 10.01.2023).

⁴⁹ Xi Jinping sends message of congratulation to DPRK Supreme Leader Kim Jong Un on the 74th anniversary of DPRK national day // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. 09.09.2022. Available at: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/gjhdq_665435/2675_665437/2701_663406/2703_663410/202209/t20220909_10764531.html (accessed: 10.01.2023).

⁵⁰ Lederer E.M. Russia and China block new UN sanctions on 5 North Koreans // AP News. 21.01.2022. Available at: <https://apnews.com/article/business-linda-thomas-greenfield-russia-europe-north-korea-b297eb51abe2bc57c314cab65dda82df> (accessed: 10.01.2023).

мер»⁵¹. Исследователь М. Шин предполагает, что Москва и Пекин будут и дальше блокировать ограничительные меры в отношении северокорейского режима в СБ ООН, даже в случае ядерных или ракетных испытаний КНДР⁵². При этом опора Пхеньяна на собственные силы ядерного сдерживания позволяет сохранять независимость от Китая и России в случае реализации военных угроз со стороны США и их союзников.

В результате тенденции оформления «холодной войны 2.0» негативно сказываются на работе институтов глобального управления. Происходит увязка ЯПКП с глобальным соперничеством США и КНР. Предотвратить риск случайной эскалации возможно, отказавшись от риторики холодной войны. 15 июля 2022 г. на заседании Комитета АТР по поддержке мирного воссоединения Кореи представители КНДР отметили, что для обеспечения мира на Корейском полуострове требуется отбросить холодную войну, «заставить США» отказаться от враждебной политики в отношении Пхеньяна и подписать полноценный мирный договор о завершении Корейской войны 1950–1953 гг.⁵³

Как представляется, в современных условиях ключом к разрешению ЯПКП могло бы стать возобновление формата Шестисторонних переговоров, который имеет ряд уникальных преимуществ в условиях кризиса. Как отмечает профессор Дж.С. Парк, в отличие от обычной дипломатической практики, когда ответственные ведомства готовят позиции каждой из сторон, КНР как организатор предварительно проводила двусторонние переговоры на высоком уровне с каждым участником шестистороннего формата для более точной проработки повестки. Второй и третий этапы включали выработку и обсуждение дорожной карты [Park, 2005]. В результате процесса переговоров, длившегося с 2003 г., в 2005 г. КНДР взяла

⁵¹ Выступление Постоянного Представителя В.А. Небензи по мотивам голосования по проекту резолюции СБ ООН по КНДР // Постоянное Представительство РФ при ООН. 26.05.2022. Доступ: https://russiaun.ru/ru/news/eovdprk_260522 (дата обращения: 10.01.2023).

⁵² Shin M. How will the Ukraine war affect the Korean peninsula? // The Diplomat. 04.03.2022. Available at: <https://thediplomat.com/2022/03/how-will-the-ukraine-war-affect-the-korean-peninsula/> (accessed: 10.01.2023).

⁵³ Прошло расширенное заседание Комитета АТР по поддержке мирного воссоединения Кореи // Корейское радио. 10.06.2021. Доступ: <https://koreanradio.info/an-extended-meeting-of-the-asia-pacific-region-committee-to-support-the-peaceful-reunification-of-korea-was-held/> (дата обращения: 10.01.2023).

обязательства вернуться в Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) и допустить инспекции Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ), а также прекратить все существующие ядерные программы в обмен на возможность развития мирной атомной энергетики под гарантии безопасности других участников переговоров⁵⁴. Соглашение 2005 г. можно считать образцом дипломатии на Корейском полуострове. Опираясь на Гарвардскую модель переговоров и Соглашение 2005 г. как эталон, можно попытаться обозначить зону потенциальных договоренностей (*zone of possible agreement*, ЗОПА) по ЯПКП в текущих условиях⁵⁵.

В 2005 г. Китай как основной инициатор диалога был сосредоточен на укреплении доверия между КНДР и США, учете требований безопасности всех сторон и закреплении гарантий безопасности в юридической форме⁵⁶. Позиция Пхеньяна заключалась в готовности отказаться от военной ядерной программы в обмен на предоставление помощи в экономическом развитии и построении мирной атомной энергетики под гарантии безопасности США⁵⁷. Россия выступала за возвращение КНДР в ДНЯО, возобновление инспекций МАГАТЭ, возможность предоставления Северной Корее гуманитарной помощи и гарантий безопасности [Toloraya, 2008].

Сегодня эти позиции во многом сохраняются. Возобновление многостороннего сотрудничества становится особенно актуальным в связи с ухудшением межкорейских отношений⁵⁸, бывших драйвером мирного процесса на Корейском полуострове.

⁵⁴ Joint Statement of the Fourth Round of the Six-Party Talks Beijing // U.S. Department of State. 19.09.2005. Available at: <https://2001-2009.state.gov/r/pa/prs/ps/2005/53490.htm> (accessed: 10.01.2023).

⁵⁵ Shonk K. How to find the ZOPA in business negotiations // Harvard Law School. Program on Negotiation. 24.10.2022. Available at: <https://www.pon.harvard.edu/daily/business-negotiations/how-to-find-the-zopa-in-business-negotiations/> (accessed: 10.01.2023).

⁵⁶ Ying F. The Korean nuclear issue: Past, present, and future // The Brookings Institution. John L. Thornton China Center. May 2017. Available at: <https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2017/04/north-korean-nuclear-issue-fu-ying.pdf> (accessed: 10.01.2023).

⁵⁷ Глава делегации КНДР: перспективы шестисторонних переговоров в основном зависят от США // Жэньминь жибао. Доступ: <http://russian.people.com.cn/31521/5205531.html> (дата обращения: 10.01.2023).

⁵⁸ Atsuhito I. South and North Korea at risk of new crisis // The Diplomat. 14.11.2022. Available at: <https://thediplomat.com/2022/11/south-and-north-korea-at-risk-of-new-crisis/> (accessed: 10.01.2023).

По случаю признания Пхеньяном независимости Донецкой Народной Республики (ДНР) и Луганской Народной Республики (ЛНР) представитель МИД КНДР выразил готовность сотрудничать «со всеми странами мира, которые уважают суверенитет КНДР и относятся к нам дружелюбно по принципу равенства суверенитета, невмешательства во внутренние дела и взаимоуважения»⁵⁹. Россия, опираясь на Концепцию внешней политики 2016 г.⁶⁰, выступает за безъядерный статус Корейского полуострова и совместно с КНР предлагает отделить гуманитарные проблемы от проблем безопасности. 29 октября 2022 г. Москва и Пекин представили в СБ ООН проект резолюции о частичной отмене санкций в гуманитарной сфере и иных гражданских областях, не связанных с северокорейской ядерной программой⁶¹. Министр иностранных дел КНР Ван И призвал США учесть интересы КНДР в области безопасности и заявил о том, что Пекин будет играть конструктивную роль в этих усилиях⁶². Полномочия Дж. Байдена истекают в 2024 г., и нельзя исключать новую активизацию дипломатической деятельности на Корейском полуострове как часть предвыборной кампании. В связи с этим зону потенциального нового соглашения по ЯПКП можно было бы обрисовать в следующем виде (таблица) [Mnookin et al., 2000].

Сравнение позиций стран показывает, что на данном этапе консенсус осложнен позицией США, требующих полной денуклеаризации КНДР в качестве предварительного условия для начала диалога⁶³. Таким образом, в условиях текущего кризиса вокруг ЯПКП первичными элементами становятся выработка мер сниже-

⁵⁹ Ответ представителя МИД КНДР // ЦТАК. 15.07.2022. Доступ: <http://www.kcna.kp/ru/article/q/17b04a651fc2cd5a3e0a81b1c9c9aa890a09ee4f1a4b9fbca21646c0a503388d4c36782bc967b88a944dc661bb3f8632.kcmsf> (дата обращения: 10.01.2023).

⁶⁰ Указ Президента Российской Федерации от 30.11.2016 г. № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // Президент России. 30.11.2016. Доступ: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41451> (дата обращения: 10.01.2023).

⁶¹ РФ и Китай представили в СБ ООН проект резолюции о частичной отмене санкций против КНДР // Интерфакс. 03.11.2021. Доступ: <https://www.interfax.ru/world/801224> (дата обращения: 10.01.2023).

⁶² State Councilor and Foreign Minister Wang Yi meets the press // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. 07.03.2022. Available at: https://www.fmprc.gov.cn/eng/zxxx_662805/202203/t20220308_10649559.html (accessed: 10.01.2023).

⁶³ Patel V. Department press briefing // U.S. Department of State. 09.12.2022. Available at: <https://www.state.gov/briefings/department-press-briefing-december-9-2022/#post-402752-CHINA2> (accessed: 10.01.2023).

Зона потенциального нового соглашения по ЯПКП на основе опыта Соглашения 2005 г.		
Страна	Позиция	Зона потенциального соглашения
КНДР	Юридически обязывающие гарантии безопасности от США и их союзников; прекращение совместных учений вблизи границ КНДР; смягчение санкций со стороны СБ ООН и односторонних ограничений; признание права КНДР на мирную атомную энергетику; ядерное разоружение по принципу «действие в обмен на действие», «обязательство в обмен на обязательство»	Денуклеаризация Корейского полуострова в обмен на финансовую и энергетическую поддержку КНДР и предоставление гарантий безопасности действующему северокорейскому режиму на основе подхода «действие в обмен на действие», «обязательство в обмен на обязательство»
КНР	Отказ от введения новых санкций и возможность снижения санкционного давления на КНДР в сферах, не относящихся к ракетно-ядерной программе, в обмен на ядерное разоружение Северной Кореи в соответствии с нормами международного права	
РФ	Отказ от введения новых санкций и возможность снижения санкционного давления на КНДР в сферах, не относящихся к ракетно-ядерной программе, в обмен на ядерное разоружение Северной Кореи в соответствии с нормами международного права	
США и их союзники	Предоставление возможности КНДР построить легководный реактор в обмен на обязательство Пхеньяна отказаться от всего ЯО и всех ядерных программ, возвращение КНДР в ДНЯО и подписание Соглашения о гарантиях МАГАТЭ	

ния риска использования ЯО (*nuclear use risk reduction*) и построение двустороннего диалога Вашингтона и Пхеньяна с конечной целью денуклеаризации Корейского полуострова в рамках Шестистороннего формата⁶⁴.

КНДР в опубликованной 8 сентября 2022 г. ядерной доктрине провозгласила ядерные силы средством защиты и отражения агрессии, а ЯО — «последним средством в ответ на внешнюю агрессию»⁶⁵.

⁶⁴ Институт ООН по исследованию проблем разоружения разработал комплекс мер по снижению риска использования ЯО, в основе которого — обеспечение прозрачности ядерной доктрины и стигматизация роли ЯО как политического средства [Nuclear risk reduction..., 2020].

⁶⁵ Опубликование Закона о политике КНДР в отношении ядерных вооруженных сил // ЦТАК. 09.09.2022. Доступ: <http://kcna.kp/ru/article/q/5f0e629e6d35b7e3154b4226597df4b8.kcmsf> (дата обращения: 10.01.2023).

Примечательно, что шаг, направленный на достижение прозрачности, был воспринят США и их союзниками как очередная угроза со стороны КНДР, которая призвана под страхом использования ЯО заставить их отказаться от враждебной политики в отношении руководства страны и добиться от мира признания своего ядерного статуса⁶⁶. Между тем «Обзор ядерной политики» администрации Дж. Байдена подчеркивает ключевую роль расширенного ядерного сдерживания⁶⁷, а СНБ 2022 г.⁶⁸ фактически подтверждает подход CVID, разработанный в период президентства Дж. Буша-мл.

В целом доктрины двух стран носят оборонительный характер, однако недоверчивость и агрессивная позиция в отношении друг друга увеличивают вероятность превращения Корейского полуострова в полноценный фронт «холодной войны 2.0» и создают риск преднамеренного или непреднамеренного использования ЯО. Исследователи RAND Corporation рассматривают сценарий ограниченного/демонстрационного ядерного удара в ходе эскалации как наиболее приемлемый для руководства КНДР [Davis, Bennett, 2022]. Исследователь Дж. Поллак полагает, что обмен стратегическими ядерными ударами приведет к цепочке эскалации и ядерному обмену между РФ и США⁶⁹. Подобный сценарий возможен и при участии КНР.

При этом американские эксперты считают, что риск несанкционированного или случайного использования ЯО прежде всего исходит от Северной Кореи как самой неопытной ядерной державы с достаточно низким уровнем технологий системы командования и

⁶⁶ Воронцов А. Как воспринимать Закон о политике КНДР в отношении ядерных вооруженных сил? // РСМД. 16.09.2022. Доступ: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kak-vosprinimat-zakon-o-politike-kndr-v-otnoshenii-yadernykh-vooruzhennykh-sil/> (дата обращения: 10.01.2023).

⁶⁷ National Defense Strategy of the United States of America including the 2022 Nuclear Posture Review and 2022 Missile Defense Review // U.S. Department of Defense. 27.10.2022. Available at: <https://media.defense.gov/2022/Oct/27/2003103845/-1/-1/1/2022-NATIONAL-DEFENSE-STRATEGY-NPR-MDR.PDF> (accessed: 10.01.2023).

⁶⁸ National Security Strategy. October 2022 // The White House. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (accessed: 20.11.2022).

⁶⁹ Pollack J.H. Nuclear dangers from North Korea: Managing the risks to the US and Russia // Belfer Center for Science and International Affairs. 27.10.2017. Available at: <https://www.russiamatters.org/analysis/nuclear-dangers-north-korea-managing-risks-us-and-russia> (accessed: 10.01.2023).

управления. Анализ системы ядерного командования и контроля КНДР, выполненный Агентством по сокращению военной угрозы США (Defense Threat Reduction Agency), показывает, что Пхеньян избрал модель, основанную на единоличном контроле со стороны Ким Чен Ына, которая является негибкой и привлекательной для нанесения обезглавливающего удара⁷⁰. Особую тревогу в этой связи вызывают новости об обладании КНДР тактическим ЯО⁷¹, которое увеличивает риск непреднамеренного использования ядерного арсенала ввиду особенностей хранения и провоцирует в Южной Корее идеи обретения ядерного статуса или участия в ядерном планировании США⁷².

* * *

Можно заключить, что экстраполяция на ЯПКП логики «холодной войны 2.0» несет серьезные риски неконтролируемой эскалации конфликта, что делает особенно актуальной проработку различных сценариев его недопущения. В условиях новой холодной войны реализация этих сценариев будет неизбежно зависеть как от внутренних, так и от внешних по отношению к Корейскому полуострову долгосрочных трендов. В частности, речь идет о динамике противостояния между Западом и блоком незападных держав, «основанном на сомнении в легитимности и функциональности существующего мирового порядка» [Дуткевич, 2022: 31]. Одностороннего отказа КНДР от ядерного потенциала невозможно достичь в условиях беспрецедентных со времен Второй мировой войны планов Японии по двукратному увеличению военного бюджета в ближайшие 5 лет⁷³ и развития инициированных США форматов AUKUS, QUAD,

⁷⁰ Bernstein P.I., Smith S. Through a glass, a little less darkly: North Korean nuclear command and control in light of recent developments // Stimson Center. 14.11.2022. Available at: <https://www.38north.org/2022/11/through-a-glass-a-little-less-darkly-north-korean-nuclear-command-and-control-in-light-of-recent-developments/> (accessed: 10.01.2023).

⁷¹ Военные КНДР получили 30 РСЗО калибром 600 мм, запускающие тактическое ядерное оружие // ТАСС. 01.01.2023. Доступ: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/16730243> (дата обращения: 10.01.2023).

⁷² Бутырин А. Военные амбиции Южной Кореи // Арсенал Отечества. 05.01.2023. Доступ: <https://arsenal-otechestva.ru/article/1676-voennye-ambitsii-yuzhnoj-korei> (дата обращения: 10.01.2023).

⁷³ Choi S. Outreach key in reminding Japan of pacifism: Experts // The Korea Herald. 27.12.2022. Available at: <https://m.koreaherald.com/view.php?ud=20221227000594> (accessed: 28.12.2022).

в которые может войти и Южная Корея, занимающая 6-е место в рейтинге военной мощи Global Fire Powers⁷⁴. Особое значение имеют, конечно же, перипетии американо-китайского соперничества как главной линии разлома новой холодной войны. После формирования двухпартийного консенсуса в США относительно политики сдерживания КНР особую роль в развитии ситуации на Корейском полуострове будут играть характер, который приобретет геополитическое противостояние этих стран, и их готовность к поиску точек соприкосновения и диалогу [Кашин, 2022]. С учетом тесных связей КНР с КНДР последняя становится важным буфером на пути американского влияния в регионе, способным отвлечь внимание США⁷⁵. Для Вашингтона же ядерная программа Пхеньяна, напротив, служит поводом для наращивания присутствия в АТР и сплочения союзников. В этих условиях особенно острой становится необходимость разработки мер, направленных на установление надежной линии связи между США и КНДР, сокращение масштабов военных учений вблизи северокорейских границ, урегулирование приграничных инцидентов.

В то же время следует признать, что образ и риторика «холодной войны 2.0» оказались в определенном смысле весьма притягательными как для ряда крупных игроков, так и для самих стран Корейского полуострова. Для Северной и Южной Кореи они, в частности, открывают возможности получения дополнительных политических и экономических дивидендов, а также повышения уровня собственной субъектности на международной арене. При этом первая всё чаще делает ставку на ядерный фактор [Асмолов, Захарова, 2022; Жебин, 2014; Лан'ков, 2013], а вторая в рамках концепции «средней силы» пытается путем балансирования между ведущими державами укрепить свое влияние на региональные и глобальные процессы [Воронцов и др., 2020]. Как представляется, подобная политическая линия может выглядеть привлекательной с точки зрения решения текущих конъюнктурных внутри- и внешнеполитических задач, однако в более долгосрочной перспективе она несет серьезные риски,

⁷⁴ 2023 military strength ranking // Global Firepower. Available at: <https://www.globalfirepower.com/countries-listing.php> (accessed: 10.01.2023).

⁷⁵ Ланьков А. Почему в уходящем году отношения Пхеньяна и Сеула становились все хуже // Профиль. 25.12.2022. Доступ: <https://profile.ru/abroad/pochemu-v-uhodyashhem-godu-otnosheniya-phenyana-i-seula-stanovilis-vse-huzhe-1223308/> (дата обращения: 10.01.2023).

поскольку чревата неконтролируемой эскалацией международной напряженности на Корейском полуострове и превращением его уже не просто в арену нового биполярного соперничества, а в полноценный очаг военной опасности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Асмолов К.В. Милитаризация Южной Кореи при Мун Чжэ Ине // Россия и Корея в современном информационном пространстве / Отв. ред. К.В. Иванов, И.В. Олейников. Иркутск: Издательство Иркутского государственного университета, 2022. С. 53–60.

2. Асмолов К.В. Начало нового этапа китайско-северокорейских отношений (2018–2020 гг.) // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2020. Т. 25. № 25. С. 243–261. DOI: 10.24411/2618-6888-2020-10015.

3. Асмолов К.В. Южная Корея между США и КНР // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2021. Т. 26. № 26. С. 227–241. DOI: 10.24412/2618-6888-2021-26-227-241.

4. Асмолов К.В., Захарова Л.В. Современная Северная Корея: первое десятилетие эпохи Ким Чен Ына (2012–2021). М.: ИКСА РАН, 2022.

5. Воронцов А., Понька Т., Варпаховский Э. Концепция «средней силы» (middle power) во внешней политике Республики Корея: теория и практика // Международные процессы. 2020. Т. 18. № 1. С. 89–105. DOI: 10.17994/IT.2020.18.1.60.5.

6. Гарбузов В.Н. Большие конфронтационные оси современного мира // Россия и Америка в XXI веке. 2020. № 4. С. 11. DOI: 10.18254/S207054760013408-5.

7. Громыко А. Об иллюзиях новой биполярности // РСМД. 05.05.2020. Доступ: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ob-illyuziyakh-novoy-bipolyarnosti/> (дата обращения: 26.05.2021).

8. Гулин В.П. О новой концепции войны // Военная мысль. 1997. № 2. С. 13–17.

9. Давыдов О.В. Проблемы Корейского полуострова и возможные пути их решения // Россия и АТР. 2018. № 3 (101). С. 68–83. DOI: 10.24411/1026-8804-2018-10034.

10. Дуткевич П. Грандиозный раскол // Россия в глобальной политике. 2022. Т. 20. № 6. С. 22–34. DOI: 10.31278/1810-6439-2022-20-6-22-34.

11. Жебин А.З. Денуклеаризация Корейского полуострова: забытые аспекты // Восточная Азия: факты и аналитика. 2019. № 2. С. 29–39. DOI: 10.24411/2686-7702-2019-10009.

12. Жебин А.З. КНДР: несменяемый вектор // Проблемы Дальнего Востока. 2014. № 3. С. 46–66.

13. Ильинский И.М. Холодная война: новый этап // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 3. С. 5–17. DOI: <http://dx.doi.org/10.17805/zpu.2015.3.1>.

14. Кашин В.Б. Китайские реформы системы управления военными инновациями: ответ на американскую «третью стратегию компенсации»? // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2017. № 4. С. 42–66.

15. Кашин В.Б. Обострение военно-политической ситуации вокруг Тайваня в 2022 г.: причины и перспективы развития // Пути к миру и безопасности. 2022. № 2 (63). С. 188–203. DOI: 10.20542/2307-1494-2022-2-188-203.

16. КНДР и РК — 70 лет / Отв. ред. А.З. Жебин. М.: ИДВ РАН, 2018.

17. Кокошин А.А. Военная реформа в КНР: военно-стратегические, политические и организационно-управленческие аспекты // Международная жизнь. 2016. № 12. С. 47–67.

18. Кокошин А.А. Вопросы прикладной теории войны. М.: ИД Высшей школы экономики, 2019.

19. Куприянов А.В. Холодная война как особый тип конфликта // Россия в глобальной политике. 2021. Т. 19. № 4. С. 35–49. DOI: 10.31278/1810-6439-2021-19-4-35-49.

20. Малашенко О.А. Военно-политические отношения Франции и НАТО: история и современность // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2011. № 4. С. 42–56.

21. Подлесный П.Т. Холодная война 2.0. и политика сдерживания России // Россия и Америка в XXI веке. 2018. № 3. С. 10. DOI: 10.18254/S0000043-4-1.

22. Рогов С.М. Новая холодная война: последствия для российского общества // Вестник Российской академии наук. 2020. Т. 90. № 3. С. 279–292. DOI: 10.31857/S0869587320030196.

23. Davis P.K., Bennett B.W. Nuclear-use cases for contemplating crisis and conflict on the Korean peninsula // Journal for Peace and Nuclear Disarmament. 2022. Vol. 5. No. 3. P. 1–26. DOI: 10.1080/25751654.2022.2053426.

24. Ferguson N., Schularick M. ‘Chimerica’ and the global asset market boom // International Finance. 2007. Vol. 10. No. 3. P. 215–239. DOI: 10.1111/j.1468-2362.2007.00210.x.

25. Kupchan C. Bipolarity is back: Why it matters // The Washington Quarterly. 2021. Vol. 44. No. 4. P. 123–139. DOI: 10.1080/0163660x.2021.2020457.

26. Lan'kov A.N. The real North Korea: Life and politics in the failed Stalinist utopia. Oxford; New York: Oxford University Press, 2013.

27. Legvold R. Managing the new Cold War: What Moscow and Washington can learn from the last one // Foreign Affairs. 2014. Vol. 93. No. 4. P. 74–84.

28. Lippmann W. The Cold War: A study in US foreign policy. New York: Harper & Row, 1947.

29. Lucas E. *The new Cold War: How the Kremlin menaces both Russia and the West*. London: Bloomsbury, 2008.

30. *Margins for manoeuvre in Cold War Europe: The influence of smaller powers* / Ed. by L. Crump, S. Erlandsson. London: Routledge, 2019.

31. Mnookin R.H., Peppet R.H., Tulumello A.S. *Beyond winning: Negotiating to create value in deals and disputes*. Cambridge, MA: The Belknap Press of Harvard University Press, 2000.

32. *Nuclear risk reduction: Closing pathways to use* / Ed. by W. Wan. Geneva: UNIDIR, 2020.

33. Park J.S. Inside multilateralism: The six-party talks // *Washington Quarterly*. 2005. Vol. 28. No. 4. P. 73–91. DOI: 10.1162/0163660054798726.

34. Rid T., Hecker M. *War 2.0: Irregular warfare in the information age*. Westport, CT: Praeger Security International, 2009.

35. Toloraya G. The six party talks: A Russian perspective // *Asian Perspective*. 2008. Vol. 32. No. 4. P. 45–69. DOI: 10.1353/apr.2008.0004.

36. Xuetong Y. Bipolar rivalry in the early digital age // *The Chinese Journal of International Politics*. 2020. Vol. 13. No. 3. P. 313–341. DOI: 10.1093/cjip/poaa007.

37. Xuetong Y. For a new bipolarity: China and Russia vs. America // *New Perspectives Quarterly*. 2013. Vol. 30. No. 2. P. 12–15. DOI: 10.1111/npqu.11366.

38. Yang Y. Escape both the ‘Thucydides trap’ and the ‘Churchill trap’: Finding a third type of great power relations under the bipolar system // *The Chinese Journal of International Politics*. 2018. Vol. 11. No. 2. P. 193–235. DOI: 10.1093/cjip/poy002.

39. Zhao S. The US–China rivalry in the emerging bipolar world: Hostility, alignment, and power balance // *Journal of Contemporary China*. 2022. Vol. 31. No. 134. P. 169–185. DOI: 10.1080/10670564.2021.1945733.

REFERENCES

1. Asmolov K.V. 2022. Militarizatsiya Yuzhnoi Korei pri Mun Chzhe Ine [Militarization of South Korea under Moon Jae-in]. In: Ivanov K.V., Oleinikov I.V. (eds.). *Rossiya i Koreya v sovremennom informatsionnom prostranstve* [Russia and Korea in the modern information space]. Irkutsk, Izdatel'stvo Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., pp. 53–60. (In Russ.)

2. Asmolov K.V. 2020. Nachalo novogo etapa kitaisko-severokoreiskikh otnoshenii (2018–2020 gg.) [The beginning of a new stage in China — North Korea relations (2018–2020)]. *China in World and Regional Politics. History and Modernity*, vol. 25, no. 25, pp. 243–261. DOI: 10.24411/2618-6888-2020-10015. (In Russ.)

3. Asmolov K.V. 2021. Yuzhnaya Koreya mezhdu SShA i KNR [South Korea between China and the USA]. *China in World and Regional Politics. History and*

Modernity, vol. 26, no. 26, pp. 227–241. DOI: 10.24412/2618-6888-2021-26-227-241. (In Russ.)

4. Asmolov K.V., Zakharova L.V. 2022. *Sovremennaya Severnaya Koreya: pervoe desyatiletie epokhi Kim Chen Yna (2012–2021)* [Modern North Korea: The first decade of Kim Jong-un's era]. Moscow, ICSA RAN Publ. (In Russ.)

5. Vorontsov A., Ponka T., Varpakhovskis E. 2020. Kontseptsiya 'srednei sily' (middle power) vo vneshnei politike Respubliki Koreya: teoriya i praktika [Middle power manship in Korean foreign policy]. *International Trends*, vol. 18, no. 1, pp. 89–105. DOI: 10.17994/IT.2020.18.1.60.5. (In Russ.)

6. Garbuzov V.N. 2020. Bol'shie konfrontatsionnye osi sovremennogo mira [Modern world and the great confrontation axes]. *Russia and America in the XXI Century*, no. 4, pp. 11. DOI: 10.18254/S207054760013408-5. (In Russ.)

7. Gromyko A. 2020. *Ob illyuziyakh novoi bipolyarnosti* [Illusions of a new bipolarity]. RSM. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ob-illyuziyakh-novoy-bipolyarnosti/> (accessed: 10.01.2023). (In Russ.)

8. Gulin V.P. 1997. O novoi kontseptsii voyny [On the new concept of war]. *Military Thought*, no. 2, pp. 13–17. (In Russ.)

9. Davydov O.V. 2018. Problemy Koreiskogo poluostrova i vozmozhnye puti ikh resheniya [The problems of the Korean Peninsula and their prospective solutions]. *Russia and the Pacific*, no. 3 (101), pp. 68–83. DOI: 10.24411/1026-8804-2018-10034. (In Russ.)

10. Dutkevich P. 2022. Grandiozniy raskol [A great split]. *Russia in Global Affairs*, vol. 20, no. 6, pp. 22–34. DOI: 10.31278/1810-6439-2022-20-6-22-34. (In Russ.)

11. Zhebin A.Z. 2019. Denuklearizatsiya Koreiskogo poluostrova: zabytye aspekty [Denuclearization of the Korean Peninsula: Forgotten aspects]. *East Asia: Facts and Analytics*, no. 2, pp. 29–39. DOI: 10.24411/2686-7702-2019-10009. (In Russ.)

12. Zhebin A.Z. 2014. KNDR: nesmenyaemyi vektor [DPRK: Unchanging vector]. *Far Eastern Studies*, no. 3, pp. 46–66. (In Russ.)

13. Ilinskiy I.M. 2015. Kholodnaya voina: novyi etap [Cold War: A new stage]. *Knowledge. Understanding. Skill*, no. 3, pp. 5–17. DOI: <http://dx.doi.org/10.17805/zpu.2015.3.1>. (In Russ.)

14. Kashin V.B. 2017. Kitaiskie reformy sistemy upravleniya voennymi innovatsiyami: otvet na amerikanskuyu 'tret'yu strategiyu kompensatsii'? [Chinese reforms of military innovation management system: A response to the U.S. Third Offset Strategy?]. *Lomonosov World Politics Journal*, no. 4, pp. 42–66. (In Russ.)

15. Kashin V. 2022. Obostrenie voenno-politicheskoi situatsii vokrug Taivanya v 2022 g.: prichiny i perspektivy razvitiya [The 2022 escalation of the military and political situation around Taiwan: Causes and prospects for

further evolution]. *Pathways to Peace and Security*, no. 2 (63), pp. 188–203. DOI: 10.20542/2307-1494-2022-2-188-203. (In Russ.)

16. Zhebin A.Z. (ed.). 2018. *KNDR i RK — 70 let* [The DPRK and the ROK: The 70th anniversary of foundation]. Moscow, IDV RAN Publ. (In Russ.)

17. Kokoshin A.A. 2016. Voennaya reforma v KNR: voenno-strategicheskie, politicheskie i organizatsionno-upravlencheskie aspekty [Military reform in China: Military-strategic, political, organizational and managerial aspects]. *The International Affairs*, no. 12, pp. 47–67. (In Russ.)

18. Kokoshin A.A. 2019. *Voprosy prikladnoi teorii voyny* [The issues of the applied theory of war]. Moscow, Izdatelskii dom Vysshei shkoly ekonomiki Publ. (In Russ.)

19. Kupriyanov A.V. 2021. Kholodnaya voina kak osobyi tip konflikta [Cold War as a special type of conflict]. *Russia in Global Affairs*, vol. 19, no. 4, pp. 35–49. DOI: 10.31278/1810-6439-2021-19-4-35-49. (In Russ.)

20. Malashenko O.A. 2011. Voенно-politicheskie otnosheniya Frantsii i NATO: istoriya i sovremennost' [Political and military relations between France and NATO: Past and present]. *Lomonosov World Politics Journal*, no. 4, pp. 42–56. (In Russ.)

21. Podlesnyi P.T. 2018. Kholodnaya voina 2.0. i politika sderzhivaniya Rossii [Cold War 2.0. and policy of containment]. *Russia and America in the XXI Century*, no. 3, pp. 10. DOI: 10.18254/S0000043-4-1. (In Russ.)

22. Rogov S.M. 2020. Novaya kholodnaya voina: posledstviya dlya rossiiskogo obshchestva [The new Cold War: Consequences for Russian society]. *Herald of the Russian Academy of Sciences*, vol. 90, no. 3, pp. 279–292. DOI: 10.31857/S0869587320030196. (In Russ.)

23. Davis P.K., Bennett B.W. 2022. Nuclear-use cases for contemplating crisis and conflict on the Korean Peninsula. *Journal for Peace and Nuclear Disarmament*, vol. 5, no. 3, pp. 1–26. DOI: 10.1080/25751654.2022.2053426.

24. Ferguson N., Schularick M. 2007. 'Chimerica' and the global asset market boom. *International Finance*, vol. 10, no. 3, pp. 215–239. DOI: 10.1111/j.1468-2362.2007.00210.x.

25. Kupchan C. 2021. Bipolarity is back: Why it matters. *The Washington Quarterly*, vol. 44, no. 4, pp. 123–139. DOI: 10.1080/0163660x.2021.2020457.

26. Lankov A.N. 2013. *The real North Korea: Life and politics in the failed Stalinist utopia*. Oxford, New York, Oxford University Press.

27. Legvold R. 2014. Managing the new Cold War: What Moscow and Washington can learn from the last one. *Foreign Affairs*, vol. 93, no. 4, pp. 74–84.

28. Lippmann W. 1947. *The Cold War: A study in US foreign policy*. New York, Harper & Row.

29. Lucas E. 2008. *The new Cold War: How the Kremlin menaces both Russia and the West*. London, Bloomsbury.

30. Crump L., Erlandsson S. (eds.). 2019. *Margins for manoeuvre in Cold War Europe: The influence of smaller powers*. London, Routledge.
31. Mnookin R.H., Peppet R.H., Tulumello A.S. 2000. *Beyond winning: Negotiating to create value in deals and disputes*. Cambridge, MA, The Belknap Press of Harvard University Press.
32. Wan W. (ed.). 2020. *Nuclear risk reduction: Closing pathways to use*. Geneva, UNIDIR.
33. Park J.S. 2005. Inside multilateralism: The six-party talks. *Washington Quarterly*, vol. 28, no. 4, pp. 73–91. DOI: 10.1162/0163660054798726.
34. Rid T., Hecker M. 2009. *War 2.0: Irregular warfare in the information age*. Westport, CT, Praeger Security International.
35. Toloraya G. 2008. The six party talks: A Russian perspective. *Asian Perspective*, vol. 32, no. 4, pp. 45–69. DOI: 10.1353/apr.2008.0004.
36. Xuetong Y. 2020. Bipolar rivalry in the early digital age. *The Chinese Journal of International Politics*, vol. 13, no. 3, pp. 313–341. DOI: 10.1093/cjip/poaa007.
37. Xuetong Y. 2013. For a new bipolarity: China and Russia vs. America. *New Perspectives Quarterly*, vol. 30, no. 2, pp. 12–15. DOI: 10.1111/npqu.11366.
38. Yang Y. 2018. Escape both the ‘Thucydides trap’ and the ‘Churchill trap’: Finding a third type of great power relations under the bipolar system. *The Chinese Journal of International Politics*, vol. 11, no. 2, pp. 193–235. DOI: 10.1093/cjip/poy002.
39. Zhao S. 2022. The US–China rivalry in the emerging bipolar world: Hostility, alignment, and power balance. *Journal of Contemporary China*, vol. 31, no. 134, pp. 169–185. DOI: 10.1080/10670564.2021.1945733.

Статья поступила в редакцию 07.10.2022;
одобрена после рецензирования 16.01.2023;
принята к публикации 11.03.2023

The paper was submitted 07.10.2022;
approved after reviewing 16.01.2023;
accepted for publication 11.03.2023

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ REGIONAL ISSUES OF WORLD POLITICS

DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-4-77-97

Научная статья / Research paper

И.Л. Прохоренко*

НАРРАТИВЫ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО ПЕРЕХОДА В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ

*Федеральное государственное бюджетное научное учреждение
«Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений
имени Е.М. Примакова Российской академии наук»
117997, Москва, ул. Профсоюзная, 23*

К настоящему времени сложился достаточно широкий международный консенсус относительно необходимости достижения углеродной нейтральности и, шире, решения глобальных экологических проблем. Европейский союз претендует на роль нормативной силы в этой сфере, продвигая всё более жесткие экологические и климатические стандарты в энергетике, последовательно и настойчиво заставляя других следовать своему примеру. В то же время возникает задача консолидации общественного мнения внутри самого ЕС вокруг идеи устойчивого климатоориентированного транзита, парирования негативных эффектов, порождаемых его экономическими и социальными издержками. В решении этой задачи особое значение приобретают создание и продвижение нарратива энергетического перехода как убедительного и непротиворечивого рассказа, призванного легитимировать экологическую и энергетическую политику ЕС. В данной статье предпринята попытка выявить и проанализировать ключевые элементы соответствующего нарратива, продвигаемого в Европейском союзе, а также оценить особенности восприятия его представителями различных групп населения европейских стран. Кроме того, рассмотрен ряд альтернативных нарративов зеленого транзита, возникших в виде реакции как на недостатки и просчеты энергетической политики самого ЕС, так и на вызовы, порожденные событиями на Украине. Автор приходит к выводу,

* Прохоренко Ирина Львовна — доктор политических наук, заведующая сектором международных организаций и глобального политического регулирования Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН) (e-mail: irinapr@imemo.ru).

что руководству Европейского союза и поддерживающим его курс неправительственным и некоммерческим акторам удалось в целом сформировать широкий и устойчивый общественный консенсус вокруг официального нарратива энергетического перехода. В этих условиях одними из главных задач для Евросоюза становятся сохранение и укрепление достигнутого уровня общественной поддержки своей политики перед лицом новых вызовов территориальной и политической сплоченности, которые с неизбежностью возникнут в связи с зеленым транзитом, включая ускорение инфляции, общее удорожание жизни, негативные явления на рынке труда вследствие его структурной перестройки, а также усиление экономической неоднородности государств-членов.

Ключевые слова: энергетический переход, Европейский союз, изменение климата, глобальное потепление, Зеленый курс, нормативная сила, устойчивое развитие, климатическая нейтральность, возобновляемая энергетика, политический нарратив, стратегия нарратива

Для цитирования: Прохоренко И.Л. Нарративы энергетического перехода в Европейском союзе // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2022. Т. 14. № 4. С. 77–97. DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-4-77-97.

Irina L. Prokhorenko

ENERGY TRANSITION NARRATIVES IN THE EUROPEAN UNION

*Primakov National Research Institute of World Economy
and International Relations, Russian Academy of Sciences
23, Profsoyuznaya str., Moscow, 117997*

Today, there is a broad international consensus on the need to ensure carbon neutrality and, more broadly, to address global environmental issues. By promoting increasingly stringent ecological standards and climate regulations in the energy sector and consistently forcing others to emulate its example, the European Union seeks to present itself as a normative power in this area. At the same time, the EU leaders face the need to mobilize public support for the idea of the sustainable climate-oriented transition in order to mitigate its negative economic and social effects. This, in turn, requires the construction and promotion of the compelling and unambiguous energy transition narrative designed to legitimize the EU's environmental and energy policy. This paper identifies and examines the key elements of such a narrative propagated within the European Union, as well as assesses its perception by various groups of the

European countries' population. The author also outlines a few alternative 'green-transition' narratives, which have arisen as a reaction to both the deficiencies of the EU's energy policy and the challenges posed by the Ukrainian crisis. The author concludes that the EU leaders and the non-governmental and non-profit actors backing them have managed to build a broad and solid public consensus around the official narrative of the energy transition. Under these conditions, one of the central objectives facing the EU leaders is to maintain and strengthen the attained level of public support for its policies, given new transition-related challenges to the territorial integrity and political cohesion of the union. The latter include high inflation rates and the general rise in the cost of living, negative tendencies in the labor market due to its structural transformation, as well as the growing economic heterogeneity of the member states.

Keywords: energy transition, European Union, climate change, global warming, green deal, normative power, sustainable development, climate neutrality, renewable energy, political narrative, narrative strategy

About the author: *Irina L. Prokhorenko* — Doctor of Sciences (Political Science), Head of the Sector of International Organizations and Global Political Governance, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (e-mail: irinapr@imemo.ru).

For citation: Prokhorenko I.L. 2022. Energy transition narratives in the European Union. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 14, no. 4, pp. 77–97. DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-4-77-97. (In Russ.)

Энергетический переход — по природе своей многомерное и многоаспектное явление, требующее максимально широкой трактовки [Россия и мир..., 2021; Системные исследования в энергетике..., 2021; Gielen et al., 2019; The geopolitics of the global energy transition, 2020; Valentine et al., 2019]. Он является глобальным по масштабу и последствиям для мировой экономики, прежде всего в силу важности сектора энергетики для экономического роста, продолжительным по времени и нелинейным по своей природе процессом.

Несмотря на объективный, по сути, характер ряда глобальных проблем современного мира, обусловивших специфику нового энергоперехода (рост дефицита энергетических и водных ресурсов, изменение климата, загрязнение окружающей среды, сокращение биологического разнообразия), которые угрожают здоровью и даже жизни человека и требуют для своего решения усилий всего международного сообщества, данный процесс следует рассматривать как

сознательный, целенаправленный и регулируемый. Когда речь заходит о попытках его осмысления и концептуализации, в фокусе внимания ученых и экспертов, как правило, оказываются правовое и технологическое, экономическое, финансовое и инвестиционное измерения данного феномена, в то время как ценностный, идентитарный и даже психологический аспекты, которые важны для его понимания, остаются несколько в тени [Нестик, Журавлёв, 2018]. Между тем анализ этой стороны энергетического транзита представляется исключительно важным.

Речь идет не просто о поиске новых технологий и источников энергии, а о формировании качественно иной модели энергетических рынков и принципиально новой энергетической политики на всех уровнях управления в целях стимулирования низкоуглеродной энергетики. Как таковой энергопереход предполагает не только экономический, финансовый, инвестиционный, но и общественный транзит, в котором исключительно важную роль должны сыграть перемены в поведении конечных потребителей, прежде всего физических лиц, а также в их отношении к расходованию энергии и различным ее источникам.

Политические элиты развитых стран, в большинстве случаев зависящих частично или практически полностью от импорта углеводородов, как правило, и так склонны в настоящий момент увязывать проблемы энергетической безопасности с ценностями защиты окружающей среды и борьбы с изменением климата. Руководство транснациональных корпораций, подчеркивая свою ответственность перед обществом и готовность сокращать негативное воздействие своих производств на природу, также проявляет демонстративный интерес к деятельности международных организаций, в повестке которых стоит поиск ответов на глобальные вызовы. Достаточно привести примеры Глобального договора Организации Объединенных Наций¹ и инициативы «Устойчивая энергетика для всех» для представителей частного сектора². В свою очередь экологические

¹ Глобальный договор Организации Объединенных Наций: поиск решений глобальных проблем // ООН. Доступ: <https://www.un.org/ru/36167> (accessed: 05.02.2023). См. также: United Nations Global Compact. Official website. Available at: <https://www.unglobalcompact.org/> (accessed: 05.02.2023).

² См. подробнее: Инициатива «Устойчивая энергетика для всех» и ее будущая роль в контексте развития устойчивой энергетики // ООН. Доступ: <https://www.un.org/ru/chronicle/article/22061> (дата обращения: 04.02.2023).

неправительственные организации и общественно-политические движения энергично и даже порой агрессивно продвигают необходимость быстрых и широкомасштабных перемен.

На этом фоне главной проблемой становится объяснение конечным потребителям важности и необходимости грядущих трансформаций, призванное не допустить или хотя бы минимизировать поляризацию общественного мнения в отношении вопросов устойчивого климатоориентированного транзита. Речь идет о задаче последовательного конструирования отношения общества к соответствующим глобальным рискам, взаимодействия с рядовыми гражданами, не являющимися экспертами в данной конкретной сфере, которая может пугать своей неопределенностью и сложностью.

В решении этой задачи особое значение приобретают создание и продвижение нарратива энергетического перехода как короткого, написанного доходчивым и понятным не экспертам и не политикам языком, а главное — заслуживающего доверия рассказа о том, что нужно сделать, чтобы достичь поставленных целей [Dahlstrom, 2014; Holden et al., 2021; Narrating sustainability through storytelling, 2022]. Принято считать, что нарратив состоит из пяти ключевых элементов: основа (завязка, постановка проблемы), мораль, сюжет, персонаж/персонажи и развязка (решение проблемы). Экстраполяция этой схемы на проблематику энергоперехода позволяет следующим образом определить элементы соответствующего нарратива: основой можно считать энергетический сектор, систему энергетики; моралью — парадигму устойчивого развития; сюжетом — изменение нынешней энергетической системы, не отвечающей целям устойчивого развития; персонажами — ключевых агентов энергетического перехода; наконец, развязкой — набор конкретных стратегий и действий, необходимых для ответа на вызовы трансформации энергетической системы [Moezzia et al., 2017].

При этом обращение к такому способу концептуализации проблематики энергоперехода ставит перед исследователями целый комплекс смежных вопросов. Следует ли использовать единственное или, напротив, множественное число в отношении подобных «рассказов» как средств социальной коммуникации? Можно ли говорить о некоем общем метанарративе либо (со)существуют и даже конкурируют между собой несколько нарративов, один из которых является доминирующим, а другие, возможно, дополняют его, соперничают с ним или даже претендуют на то, чтобы его заместить, предлагая

альтернативные решения той или иной проблемы? Исследователи, изучающие политические нарративы, отмечают также, что они не являются просто нейтральными описаниями, а напрямую связаны с властью и управлением, их цель — не только сформировать, но и легитимировать тот или иной политический курс или поведение [Brown, 2017; Ewick, Silbey, 1995; Howarth, 2017]. В рамках данного исследования предпринята попытка осветить этот комплекс вопросов на примере соответствующих политических практик, характерных для Европейского союза как одного из главных сторонников и проводников идей энергоперехода.

Доминирующий нарратив: парадигма устойчивого развития

Можно утверждать, что к настоящему времени сложился более или менее широкий международный консенсус относительно необходимости снижения энергетических выбросов и достижения углеродной нейтральности. Европейский союз является одним из ключевых (помимо США и Китая) субъектов формирования международной климатической повестки и коллективного глобального ответа на изменение климата, будучи центром генерирования идей, лабораторией по их воплощению на практике в региональном масштабе и нормативной силой, вводя всё более жесткие экологические и климатические стандарты для ведения бизнеса, последовательно и настойчиво заставляя других следовать своему примеру [Кавешников, 2015; Саворская, 2015; Стрежнева, 2021; Oberthür, Dupont, 2021].

В целом, как представляется, правы те исследователи, которые связывают истоки нарратива энергетического перехода с началом обсуждения идеи углеродной нейтральности [Королёв, 2022]. Этапным событием в этом отношении стала Конференция ООН по изменению климата 2015 г., где была провозглашена цель ограничить глобальное потепление пределом в 1,5°C за счет глобального перехода к нулевым выбросам парниковых газов³.

Однако в Евросоюзе размышления о возможностях и пределах роста зеленой экономики, инициативы и проекты в области энер-

³ Конференция ООН по изменению климата, посвященная климатическим изменениям, проходила в Ле-Бурже во Франции с 30 ноября по 12 декабря 2015 г. Это была 21-я конференция, проводимая в развитие Рамочной конвенции ООН об изменении климата (COP-21) и 11-я — в рамках совещания сторон по Киотскому протоколу (CRP-11). Результатом конференции стала выработка Парижского соглашения.

гетического перехода зародились еще в конце XX в. — в связи с обретением энергетическим сектором государств-членов признаков постиндустриальной энергетики, осознанием Евросоюзом важности поиска ответов на экономические вызовы и его стремлением стать нормативной силой в коллективном решении глобальной экологической проблемы. Это произошло задолго до объявления в декабре 2019 г. Зеленого курса (иногда в русскоязычной литературе его называют Зеленой сделкой) — комплексной стратегии ЕС, главной целью которой заявлено достижение климатической нейтральности к 2050 г.⁴, и Нового зеленого плана ЕС в сфере промышленности, о котором стало известно в феврале 2023 г.⁵, когда энергетический переход был провозглашен инструментом системных изменений не только в энергетическом секторе Евросоюза, но, по сути, и в глобальной энергетике.

С 1960-х годов в странах объединенной Европы возникло зеленое движение, причем, как полагают, не «сверху», а «снизу», на базе инициативных групп граждан, озабоченных глобальным экологическим вызовом [Bomberg, 1998]. Это движение было призвано стать своеобразным механизмом политической социализации и формирования не только коллективной (групповой, европейской), но и глобальной идентичности, отождествления личности, граждан объединенной Европы с человечеством перед лицом общемировых вызовов и угроз⁶.

Импульсом к оформлению стратегии Европейского экономического сообщества / Европейского союза в сфере энергетической безопасности и по вопросам климатической повестки послужили

⁴Communication from the Commission: The European Green Deal // EUR-Lex. Brussels: European Commission, 2019. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=COM:2019:640:FIN> (accessed: 05.02.2023).

⁵The Green Deal Industrial Plan: Putting Europe's Net-Zero Industry in the Lead // European Commission. Brussels, 2019. Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_23_510 (accessed: 05.02.2023).

⁶Примерно в то же время, в конце 1960-х годов, организационно оформился Римский клуб — аналитический центр, неформальная негосударственная организация, интеллектуальная площадка, объединяющая представителей политической, финансовой, научной и культурной элиты, занятых поиском ответов на глобальные вызовы. Первый доклад Римского клуба «Пределы роста», опубликованный в 1972 г., был посвящен моделированию тенденций роста населения и истощения известных человечеству запасов природных ресурсов и имел алармистский характер [Meadows et al., 1972].

его несомненные успехи как глобального экономического субъекта и стремление добиться большей роли в международных делах как политического игрока в условиях распада Советского Союза и трансформации миропорядка. В этом контексте становятся понятными коммуниитаризация сначала внутренней⁷, а затем и внешней энергетической политики ЕС, стремление снизить зависимость от импорта углеводородов, диверсифицировать поставщиков и маршруты поставок энергоресурсов, а также усилить административное регулирование энергетики со стороны наднациональных институтов, что оказывает существенное давление на внешних контрагентов Евросоюза в данной области [Кавешников, 2013; Decarbonization in the European Union..., 2015]. Свое значение, безусловно, имели также негативные для ЕЭС/ЕС последствия нефтяных кризисов 1970–1980-х годов и повышение цен на энергоносители.

Вопросы энергетического перехода в Евросоюзе национальные правительства и власти ЕС рассматривают прежде всего в парадигме устойчивого развития и борьбы с изменением климата. Зеленый курс ЕС как новая стратегия роста в области окружающей среды, климата и энергетики, имеющая конечной целью достижение устойчивого развития, предполагает поэтапный переход к чистой экономике замкнутого цикла и ее адаптацию к изменению климата, предотвращение угрозы утраты биоразнообразия и общее сокращение загрязнения окружающей среды. В практической плоскости этот курс предусматривает согласованные действия государств-членов во всех секторах экономики и наращивание инвестиций в экологически чистые технологии; поддержку промышленности в целях внедрения инноваций; использование более экологически чистых и экономичных видов частного и общественного транспорта; декарбонизацию сектора энергетики; повышение энергоэффективности зданий; работу с международными партнерами над улучшением мировых экологических стандартов⁸.

⁷Целями внутренней энергетической политики ЕС стали либерализация и демонополизация энергетических рынков государств-членов, модернизация инфраструктуры для повышения эффективности национальных энергетических систем и развития возобновляемой энергетики, создание единого внутреннего энергетического рынка.

⁸Communication from the Commission: The European Green Deal // EUR-Lex. Brussels: European Commission, 2019. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=COM:2019:640:FIN> (accessed: 05.02.2023).

Сформулированный нарратив является доминирующим, его поддерживают политические элиты в ЕС, сложилось общее представление о необходимости перемен и в бизнес-среде. Особенно ярко это можно проследить в деятельности энергетических транснациональных компаний ЕС независимо от того, использовала ли в своей прошлой работе та или иная корпорация исключительно новые источники энергии. Понятны амбициозные технологические планы и масштабные финансовые вложения в зеленый транзит, например, испанской компании Iberdrola, одного из крупнейших в мире производителей и поставщиков возобновляемой энергии (304-е место в рейтинге крупнейших ТНК мира по версии Fortune Global 500 по состоянию на 2022 г.⁹), которая в настоящее время развивает более 90 инициатив в сфере возобновляемой энергетики и зеленого водорода и намерена инвестировать в них более 150 млрд евро. Однако не отстает от нее и крупнейшая испанская нефтеперерабатывающая компания Repsol (251-е место в международном рейтинге Fortune Global 500 в том же году¹⁰), разработавшая краткосрочные и долгосрочные планы по декарбонизации в парадигме устойчивого развития и в соответствии с Целями тысячелетия ООН¹¹. Место и роль предприятий, крупных корпораций, производственных и финансовых ТНК в системной трансформации мирового энергетического сектора, превращении индустриальной энергетики в постиндустриальную чрезвычайно велика. Речь идет об исследовательских разработках и инвестициях для масштабного и повсеместного распространения возобновляемых источников энергии, низкоуглеродных и безуглеродных технологий и технологий энергосбережения, энергоэффективных домов и городов, электрификации транспорта. Однако успех этих начинаний зависит прежде всего от позиции конечных потребителей — физических лиц.

Продвигая доминирующий нарратив, политические и экономические элиты ЕС не просто хотят получить обратную связь от рядовых граждан, но и заинтересованы в формировании его ак-

⁹ Iberdrola. Company information // Fortune. 08.03.2022. Available at: <https://fortune.com/company/iberdrola/> (accessed: 05.02.2023).

¹⁰ Repsol. Company information // Fortune. 08.03.2022. Available at: <https://fortune.com/company/repsol/> (accessed: 05.02.2023).

¹¹ Objetivos de sostenibilidad // Repsol. Available at: <https://www.repsol.com/es/sostenibilidad/estrategia-sostenibilidad/objetivos-sostenibilidad/index.cshtml> (accessed: 05.02.2023).

тивной и деятельной поддержки в общественном мнении (через институты политических партий и общественно-политических движений, средства массовой информации, систему образования и здравоохранения и т.д.).

С начала 1980-х годов Европейская комиссия финансирует социологические исследования по вопросам энергетики, энергосбережения, стабильности поставок углеводородов, отношения граждан к тем или иным видам энергии¹², охраны окружающей среды, борьбы с изменением климата. Как показывают опросы общественного мнения в государствах — членах ЕС, проведенные в мае–июне 2022 г.¹³, спустя полгода после объявления о зеленом курсе, 88% граждан Евросоюза, т.е. почти 9 из каждых 10 респондентов, поддерживали новую стратегию роста, 50% считали, что Союз делает достаточно для справедливого зеленого перехода (другие 50% более доверяли в этом отношении региональным и муниципальным властям своих стран). Примерно так же распределились ответы на вопрос, кто делает достаточно в этом плане — национальные правительства или частные компании и бизнес (соответственно 47 и 43%). Чуть менее половины (46%) европейцев согласились с утверждением, что к 2050 г. продукты и услуги в области энергетики будут доступными для всех, включая беднейшие слои населения.

Изменение климата оказалось тем, что действительно пугает 7 из каждых 10 (70%) участников опроса, при этом женщины чаще (74%) испытывали страх, чем мужчины (66%). Показательно, что более 2/3 (77%) опрошенных признавали личную ответственность за действия по сокращению климатических изменений и почти 2/3 (72%) были уверены, что им следует делать больше, чем они делают в настоящее время. Тем не менее треть (27%) не сочли необходимым лично участвовать в борьбе с изменением климата, если другие в их стране этого не делают, а 25% полагали, что их государство вообще не должно предпринимать никаких действий в данной сфере, если другие страны этим не занимаются. Вероятно, именно такой ответ наименее предпочтителен для амбициозных планов Евросоюза по энергопереходу.

¹² См., например: The European public opinion and the energy problem // Eurobarometer. October 1982. Available at: <https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/74> (accessed: 05.02.2023).

¹³ Fairness perceptions of the green transition // Eurobarometer. October 2022. Available at: <https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/2672> (accessed: 05.02.2023).

Что по-настоящему волновало рядовых граждан ЕС, так это социальные и экономические последствия зеленого транзита¹⁴, прежде всего возможные перемены на рынке труда. Но и в этом вопросе они показали себя достаточно оптимистами. Почти 6 из каждых 10 (57%) респондентов согласились с тезисом, что политика по борьбе с изменением климата создаст больше новых рабочих мест, чем ликвидирует, и это будут вакансии высококвалифицированных работников (61%). При этом более половины (54%) выразили уверенность в том, что их нынешние профессиональные навыки и компетенции внесут вклад в климатоориентированный транзит, однако лишь треть (34%) согласилась с тем, что их нынешняя профессия способствует его продвижению.

Наиболее серьезно заботила участников опроса цена на электроэнергию в их стране (более 93% считали ее «серьезной», а 58% — «очень серьезной» проблемой). Особенно интервьюируемых волновали цены на коммунальные услуги (79%) и транспорт (80%).

Разница в доходах влияла на ответы об энергосбережении: 47% респондентов с наиболее высокими доходами выразили готовность сократить потребление электроэнергии по экологическим причинам (в среднем этот показатель составил 36%). 68% граждан с наиболее низкими доходами отметили, что к подобным шагам их принуждают причины экономического свойства. В целом абсолютное большинство (87%) респондентов выразили мнение, что более богатые люди должны прилагать больше усилий по сокращению своего потребления электроэнергии.

Опрос показал, что граждане ЕС в последние 5 лет активно идут по пути повышения энергоэффективности своих домов, используя собственные средства или обращаясь за финансовой поддержкой в государственные фонды и структуры, и понимают важность такой трансформации жилья. Главными препятствиями при этом люди называли стоимость модернизации дома для повышения его энер-

¹⁴ В новой стратегии роста ЕС учтены эти опасения граждан и созданы специализированные механизмы: Фонд справедливого перехода для территорий, которые более других страдают от неблагоприятных социально-экономических последствий транзита; инвестиционная программа InvestEU в целях устойчивого восстановления экономики ЕС, из средств которой 30% выделяется на климатические цели; кредитная линия Public Sector Loan Facility для оптимизации публичного финансирования в целевых регионах в виде грантов через Европейский инвестиционный банк [Стрежнева, 2021].

гоэффективности, потерю рабочего места, финансовые трудности родителя-одиночки, воспитывающего несовершеннолетних детей, а также сложности в подборе квалифицированных специалистов для проведения необходимых технических работ (16%) и нехватку или отсутствие необходимых материалов и оборудования на рынке (15%).

Различия между респондентами носили поколенческий характер (молодые люди активнее поддерживали Зеленый курс ЕС и были настроены более оптимистично относительно достижимости, инклюзивности и справедливости зеленого транзита), объяснялись разницей в уровнях дохода и образования (более состоятельные и образованные выражали большую поддержку новой стратегии роста ЕС), а также были связаны с местом проживания (крупные или маленькие города, сельские поселения и т.д.). Страновые различия проходили в целом по линии Север–Юг (Северная и Центральная Европа — с одной стороны, Южная и Восточная — с другой). Например, страхи перед изменением климата у жителей Испании, где, в частности, активно сокращается биоразнообразие, а на юге страны наблюдается поступательное опустынивание [Martínez-Valderrama et al., 2022], оказались более высоки, однако гражданская активность оценивалась как достаточно низкая.

Политизация нарратива и его альтернативные версии

В последнее время наблюдается устойчивая тенденция к расширению сферы политического, когда традиционно неполитические вопросы и проблемы оказываются в центре политических интересов, амбиций, конкуренции и борьбы. Эта тенденция не обошла стороной и нарратив энергоперехода. Именно с этой точки зрения необходимо рассматривать, в частности, политизацию энергетической повестки в Европейском союзе, которая наблюдалась еще до начала событий на Украине, санкций и иных ограничительных мер, принятых в этой связи в отношении Российской Федерации.

Вот как об этом пишет авторитетный экономист, член-корреспондент РАН И.С. Королёв: «Климатическая повестка стала объектом политической игры, направленной на получение экономических выгод для отдельных государств и корпораций. Наиболее наглядный пример — решение Европейского союза ввести сбор на импорт продукции с высоким углеродным следом. Это широкий круг товаров от минерального сырья до полуфабрикатов черных и цветных металлов, цемента, удобрений и др. Политизация вопросов

климата создала ситуацию, когда критика доминирующей точки зрения воспринимается во многих странах как нечто неприличное. К Дональду Трампу, который отрицал глобальное потепление и временно вывел США из Парижского соглашения по климату, относились как к ребенку из сказки Андерсена о голом короле. Такой подход распространяется и на исследователей, профессионально занимающихся вопросами климата» [Королёв, 2022: 15].

В то же время, если посмотреть на политические процессы странового и общеевропейского уровней, можно увидеть формирование там нарративов зеленого транзита, которые дополняют доминирующий, а иногда и выступают в некотором смысле альтернативами ему, несмотря на считающуюся неприличной, как уже отмечалось в цитате выше, и не отвечающей ценностям устойчивого развития критику господствующей точки зрения.

Можно назвать трех главных критиков доминирующего нарратива энергоперехода.

Во-первых, это экологические активисты и неправительственные организации. Они не удовлетворены сроками и целевыми показателями той дорожной карты, которую предложил Евросоюз, объемами финансовых средств и инвестиций, выделяемых сейчас для зеленого транзита. В попытках оказать давление на национальные правительства и власти ЕС часть из них радикализируются и переходят к достаточно агрессивным действиям по примеру британской протестной группы Just Stop Oil, которая стала известна акциями с порчей едой картин в музеях, призванным привлечь внимание властей и общественности к грозящей экологической катастрофе и не допустить разработку новых нефтяных месторождений. Последователями британских экоактивистов в этом плане стали немецкая инициативная группа «Последнее поколение» (Letzte Generation), норвежская «Остановите нефтеразведку!» (Stopp Oljeletinga!), французская «Последнее обновление» (Dernière Rénovation) и др.

Во-вторых, это ряд представителей научного сообщества, которые выражают нарастающую обеспокоенность относительно как уже проявившихся, так и потенциальных негативных последствий распространения производств, основанных на альтернативных видах энергии (и таких экспертных мнений достаточно в научных журналах). Например, напряженная дискуссия развернулась среди экспертов относительно экологических, экономических и социальных последствий широкого внедрения геотермальных и ветровых

электростанций¹⁵ [Говорушко, 2011a, 2011b; Bošnjaković et al., 2019; Named, Alshare, 2022; Saidur et al., 2011]. И вопросов здесь действительно возникает множество, причем они волнуют не только ученых, экологов, но и аграриев, жителей городов и деревень, касаясь, в частности, методов расчета безопасного расстояния от жилищ до ветряных и солнечных электростанций, число которых стремительно увеличивается (этим обусловлены и проекты размещения производства возобновляемых источников энергии на платформах в открытом море).

Наконец, в-третьих, это политические партии, чаще всего популистские [Detlef, 2021] и/или представляющие крайне правый спектр, которые настаивают на повышении целевых показателей выбросов парниковых газов, включении ядерной энергии в перечень «чистой» и выступают против чрезмерно форсированного, по их мнению, энергоперехода. Подобная критика наиболее характерна для стран, которые почти полностью зависят от импорта углеводородов, но при этом под давлением наднациональных структур ЕС отказались от строительства новых атомных электростанций и/или приняли решение демонтировать уже существующие, не имея возможности быстро изменить маршруты поставок и согласиться на резкое повышение цен, на чем настаивают новые поставщики. В данном случае можно привести примеры испанской праворадикальной партии «Голос» (Vox) и правоконсервативной «Фидес» — правительственной партии Венгрии. Такие альтернативные нарративы энергоперехода нашли отражение в деятельности Европейского парламента [Petri, Biedenkopf, 2021], свидетельствуя о фрагментации и даже поляризации мнений евродепутатов, которые отражают озабоченности и разногласия национальных политических элит и электората, несмотря на стабильно высокую степень поддержки климатической политики ЕС.

Росту популярности и востребованности альтернативных нарративов способствовали также резкое прекращение давнего энергодиалога с Россией и фактический отказ от поставок (по крайней мере, прямых) российских нефти и газа, что диктует необходимость ускоренной трансформации энергетического сектора Евросоюза,

¹⁵ Севостьянов П.И., Шунков В.Е. Мнимые и реальные проблемы ветровой энергетики // Независимая газета. 07.02.2022. Доступ: https://www.ng.ru/energy/2022-02-07/12_8365_problems.html (дата обращения: 05.02.2023).

придавая этой политике во многом вынужденный характер. На самом деле, национальные власти ряда стран и институты ЕС еще со времени газовых конфликтов между Украиной и Россией, а затем и кризиса на Украине 2014 г. выражали озабоченность относительно динамики энергоперехода в ЕС и безопасности поставок энергоносителей в случае серьезных осложнений в отношениях с Российской Федерацией. Европейская комиссия нового состава во главе с Урсулой фон дер Ляйен начала действовать более решительно в условиях негативных последствий пандемии COVID-19, замедления глобальной экономики, а затем и глубокого кризиса в отношениях с Россией после начала специальной военной операции на Украине. Новые условия, очевидно, потребуют пересмотра целевых показателей и объемов финансирования Зеленого курса, учета роста цен на энергоносители в связи с выбором новых поставщиков углеводородов и изменением традиционных маршрутов поставок, что будет способствовать укреплению нарратива о необходимости жесткого сокращения энергопотребления для преодоления кризисной ситуации. Свою роль сыграет и расхождение в экономических моделях и стратегиях экономического роста государств-членов, прежде всего по линии Север–Юг.

Как показывают опросы общественного мнения, проведенные в государствах — членах ЕС в ноябре 2022 г.¹⁶ — еще до того, как стало известно о необычно мягкой зиме в Европе, более 80% опрошенных признали значительное влияние растущих цен на электричество на свою покупательную способность. Однако 8 из каждых 10 (56%) респондентов были уверены, что Евросоюзу следует и далее прилагать усилия по сокращению зависимости от российских нефти и газа, а причину роста цен усматривали главным образом в агрессивных действиях РФ. Большинство согласилось с тезисом о том, что события на Украине настоятельно требуют от государств — членов ЕС инвестировать в возобновляемую энергетику (47% были «полностью согласны», 35% — «скорее согласны»). Меньшее количество участников опроса («полностью согласны» — 23%, «скорее согласны» — 35%) выступали за инвестиции в ядерную энергетику. Около 80% считали, что каждый должен сократить энергопотребление в часы пик.

¹⁶ Flash Eurobarometer 514. EU's response to the energy challenges. Report. November 2022 // Ipsos European Public Affairs. December 2022. Available at: https://www.ipsos.com/sites/default/files/ct/news/documents/2023-01/EU_response_energy_challenges_2022_Report.pdf (accessed: 05.02.2023).

При этом 3/4 всех респондентов признали плохой экономическую ситуацию в своей стране, а 2/3 — таковой ситуацией во всем Европейском союзе, продолжая, тем не менее, с оптимизмом смотреть в будущее и выражая даже большее доверие Евросоюзу, нежели своим национальным правительствам.

* * *

Представляется, что накопленный опыт региональной интеграции и значительные материальные и нематериальные (научные, креативные, информационные) ресурсы Европейского союза позволили принять политическое решение и начать реализовывать энергетический переход в рамках согласованной климатической стратегии, достаточно быстро сформировав широкий и устойчивый общественный консенсус в поддержку выбранного нарратива. Можно констатировать, что международная кризисная ситуация в связи с событиями на Украине, хотя и не могла не внести коррективы в темпы и финансирование системных изменений в энергетике и в целом в экономике, в модели экономического и политического управления в Евросоюзе, способствовал укреплению старых и появлению новых альтернативных нарративов в отношении политики энергоперехода, всё же не привела к настоящему моменту к видимой эрозии этого консенсуса. В этих условиях одной из главных задач, стоящих перед политическими элитами ЕС, являются сохранение и укрепление достигнутого уровня общественной поддержки господствующего нарратива энергоперехода перед лицом новых вызовов территориальной и политической сплоченности интеграционного объединения, которые неизбежно потребуют перемен в формулировании целей и приоритетов его энергетической политики.

Власти Евросоюза опасаются серьезных разногласий среди государств-членов, недостатка как финансовых средств, так и радикально новых технологических решений, потенциального замедления интеграционной динамики и даже дезинтеграционных тенденций в связи с зеленым транзитом, сопутствующими рисками которого неизбежно становятся кризисные ситуации в системе энергоснабжения Союза, инфляция, удорожание жизни, негативные явления на рынке труда вследствие его структурной перестройки. В то же время, как представляется, дезинтеграционные тенденции не обретут институционального оформления, как в случае выхода Великобритании из состава ЕС, и будут выражаться прежде всего в

росте скептицизма в оценках возможности интеграции содействовать экономическому росту и повышению уровня жизни, а также в нарастании экономической неоднородности государств-членов в условиях энергетического перехода, фактически стимулирующего межгосударственную конкуренцию и дифференциацию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Говорушко С.М. Воздействие ветровых электростанций на окружающую среду // *Альтернативная энергетика и экология*. 2011. № 4 (96). С. 38–42.
2. Говорушко С.М. Геотермальные электростанции и экологические последствия их эксплуатации // *Альтернативная энергетика и экология*. 2011. № 4 (96). С. 43–47.
3. Кавешников Н.Ю. Развитие внешней энергетической политики Европейского союза // *Вестник МГИМО-Университета*. 2013. № 4 (31). С. 82–91. DOI: 10.24833/2071-8160-2013-4-31-82-91.
4. Кавешников Н.Ю. Стратегия ЕС в области климата и энергетики // *Современная Европа*. 2015. № 1 (61). С. 93–103. DOI: 10.15211/soveurope1201593103.
5. Королёв И.С. «Глобальное потепление» и энергетический переход (внешнеэкономический аспект) // *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*. 2022. № 2. С. 13–22. DOI: 10.20542/afij-2022-2-13-22.
6. Нестик Т.А., Журавлёв А.Л. Психология глобальных рисков. М.: Институт психологии РАН, 2018.
7. Россия и мир: 2022. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз / Рук. проекта А.А. Дынкин, В.Г. Барановский. М.: ИМЭМО РАН, 2021.
8. Саворская Е.В. Европейский союз как участник международного климатического режима: организационный анализ // *Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика*. 2015. Т. 7. № 2. С. 96–125.
9. Системные исследования в энергетике: энергетический переход / Под ред. Н.И. Воропая, А.А. Макарова. Иркутск: ИСЭМ СО РАН, 2021.
10. Стрежнева М.В. Финансовые аспекты «Европейской зеленой сделки» // *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*. 2021. № 4. С. 13–23. DOI: 10.20542/afij-2021-4-13-23.
11. Bomberg E. Green parties and politics in the European Union. London: Routledge, 1998.
12. Bošnjaković M., Stojkov M., Jurjević M. Environmental impact of geothermal power plants // *Tehnicki Vjesnik*. 2019. Vol. 26. No. 5. P. 1515–1522. DOI: 10.17559/TV-20180829122640.

13. Brown P. Narrative: An ontology, epistemology and methodology for pro-environmental psychology research // *Energy Research & Social Science*. 2017. Vol. 31. P. 215–222. DOI: 10.1016/j.erss.2017.06.006.

14. Dahlstrom M.F. Using narratives and storytelling to communicate science with nonexpert audiences // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. 2014. Vol. 111. P. 13614–13620. DOI: 10.1073/pnas.1320645111. Available at: <https://www.pnas.org/doi/pdf/10.1073/pnas.1320645111> (accessed: 05.02.2023).

15. Decarbonization in the European Union: Internal policies and external strategies / Ed. by S. Oberthür, C. Dupont. London: Palgrave Macmillan, 2015.

16. Detlef J. Quick and dirty: How populist parties in government affect greenhouse gas emissions in EU member states // *Journal of European Public Policy*. 2021. Vol. 28. No. 7. P. 980–997. DOI: 10.1080/13501763.2021.1918215.

17. Ewick P., Silbey S.S. Subversive stories and hegemonic tales: Toward a sociology of narrative // *Law & Society Review*. 1995. Vol. 29. No. 2. P. 197–226. DOI: 10.2307/3054010.

18. The geopolitics of the global energy transition / Ed. by M. Hafner, S. Tagliapietra. Cham: Springer, 2020.

19. Gielen D., Boshell F., Saygin D. et al. The role of renewable energy in the global energy transformation // *Energy Strategy Reviews*. 2019. Vol. 24. P. 38–50. DOI: 10.1016/j.ESR.2019.01.006.

20. Hamed T.A., Alshare A. Environmental impact of solar and wind energy — A review // *Journal of Sustainable Development of Energy, Water and Environment Systems*. 2022. Vol. 10. No. 2. P. 1–23. DOI: 10.13044/j.sdewes.d9.0387.

21. Holden E., Linnerud K., Rygg B.J. A review of dominant sustainable energy narratives // *Renewable and Sustainable Energy Reviews*. 2021. Vol. 144. P. 1–11. DOI: 10.1016/j.rser.2021.110955.

22. Howarth C. Informing decision making on climate change and low carbon futures: Framing narratives around the United Kingdom's fifth carbon budget // *Energy Research & Social Science*. 2017. Vol. 31. P. 295–302. DOI: 10.1016/j.erss.2017.06.011.

23. Martínez-Valderrama J., Barrio del G., Sanjuán M.E. et al. Desertification in Spain: A sound diagnosis without solutions and new scenarios // *Land*. 2022. Vol. 11. No. 2. P. 1–13. DOI: 10.3390/land11020272.

24. Meadows D.H., Meadows D.L., Randers J., Behrens III W.W. The limits to growth: A report for the Club of Rome's project on the predicament of mankind. New York: Universe Books, 1972.

25. Moezzia M., Jandab K.B., Rotmann S. Using stories, narratives, and storytelling in energy and climate change research // *Energy Research & Social Science*. 2017. Vol. 31. P. 1–10. DOI: 10.1016/j.erss.2017.06.034.

26. Narrating sustainability through storytelling / Ed. by D. Fischer, S. Fücker, H. Selm, A. Sundermann. London: Routledge, 2022.

27. Oberthür S., Dupont C. The European Union's international climate leadership: Towards a grand climate strategy? // *Journal of European Public Policy*. 2021. Vol. 28. No. 7. P. 1095–1114. DOI: 10.1080/13501763.2021.1918218.

28. Petri F., Biedenkopf K. Weathering growing polarization? The European Parliament and EU foreign climate policy ambitions // *Journal of European Public Policy*. 2021. Vol. 28. No. 7. P. 1057–1075. DOI: 10.1080/13501763.2021.1918216.

29. Saidur R., Rahim N.A., Islam M.R., Solangi K.H. Environmental impact of wind energy // *Renewable and Sustainable Energy Reviews*. 2011. Vol. 15. No. 5. P. 2423–2430. DOI: 10.1016/j.rser.2011.02.024.

30. Valentine S.V., Brown M.A., Sovacool B.K. Empowering the great energy transition: Policy for a low-carbon future. New York: Columbia University Press, 2019.

REFERENCES

1. Govorushko S.M. 2011a. Vozdeistvie vetrovykh electrostantsii na okruzhashchuyu sredu [Wind power stations impact on the environment]. *Alternative Energy and Ecology (ISJAE)*, no. 4 (96), pp. 38–42. (In Russ.)

2. Govorushko S.M. 2011b. Geotermal'nye elektrostantsii i ekologicheskie posledstviya ikh ekspluatatsii [Geothermal power plants and environmental consequences of their use]. *Alternative Energy and Ecology (ISJAE)*, no. 4 (96), pp. 43–47. (In Russ.)

3. Kaveshnikov N.Yu. 2013. Razvitie vneshnei energeticheskoi politiki Evropeiskogo soyuza [Development of the external energy policy of the European Union]. *MGIMO Review of International Relations*, no. 4 (31), pp. 82–91. DOI: 10.24833/2071-8160-2013-4-31-82-91. (In Russ.)

4. Kaveshnikov N.Yu. 2015. Strategiya ES v oblasti klimata i energetiki [European Union's climate and energy strategy]. *Contemporary Europe*, no. 1 (61), pp. 93–103. DOI: 10.15211/soveurope1201593103. (In Russ.)

5. Korolev I.S. 2022. 'Global'noe poteplenie' i energeticheskii perekhod (vneshneekonomicheskii aspekt) ['Global warming' and the energy transition (foreign trade aspect)]. *Analysis and Forecasting. IMEMO Journal*, no. 2, pp. 13–22. DOI: 10.20542/afij-2022-2-13-22. (In Russ.)

6. Nestik T.A., Zhuravlev A.L. 2018. *Psikhologiya global'nykh riskov* [Psychology of global risks]. Moscow, Institut psikhologii RAN Publ. (In Russ.)

7. Dynkin A.A., Baranovskiy V.G. (eds.). 2021. *Rossiya i mir: 2022. Ekonomika i vneshnyaya politika. Ezhegodnyi prognoz* [Russia and the world: 2022. Economy and foreign policy. Annual forecast]. Moscow, IMEMO RAN Publ. (In Russ.)

8. Savorskaya E.V. 2015. Evropeiskii soyuz kak uchastnik mezhdunarodnogo klimaticheskogo rezhima: organizatsionnii analiz [European Union in the global climate regime: Organizational analysis]. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 7, no. 2, pp. 96–125. (In Russ.)

9. Voropai N.I., Makarov A.A. (eds.). 2021. *Sistemnye issledovaniya v energetike: energeticheskii perekhod* [Systems studies in energy: Energy transition]. Irkutsk, ISEM SO RAN Publ. (In Russ.)
10. Strezhneva M.V. 2021. Finansovye aspekty 'Evropeiskoi zelenoi sdelki' [Financial aspects of the European green deal]. *Analysis and Forecasting. IMEMO Journal*, no. 4, pp. 13–23. DOI: 10.20542/afij-2021-4-13-23. (In Russ.)
11. Bomberg E. 1998. *Green parties and politics in the European Union*. London, Routledge.
12. Bošnjaković M., Stojkov M., Jurjević M. 2019. Environmental impact of geothermal power plants. *Tehnicki Vjesnik*, vol. 26, no. 5, pp. 1515–1522. DOI: 10.17559/TV-20180829122640.
13. Brown P. 2017. Narrative: An ontology, epistemology and methodology for pro-environmental psychology research. *Energy Research & Social Science*, vol. 31, pp. 215–222. DOI: 10.1016/j.erss.2017.06.006.
14. Dahlstrom M.F. 2014. Using narratives and storytelling to communicate science with nonexpert audiences. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, vol. 111, pp. 13614–13620. Available at: <https://www.pnas.org/doi/pdf/10.1073/pnas.1320645111> (accessed: 05.02.2023). DOI: 10.1073/pnas.1320645111.
15. Oberthür S., Dupont C. (eds.). 2015. *Decarbonization in the European Union: Internal policies and external strategies*. London, Palgrave Macmillan.
16. Detlef J. 2021. Quick and dirty: How populist parties in government affect greenhouse gas emissions in EU member states. *Journal of European Public Policy*, vol. 28, no. 7, pp. 980–997. DOI: 10.1080/13501763.2021.1918215.
17. Ewick P., Silbey S.S. 1995. Subversive stories and hegemonic tales: Toward a sociology of narrative. *Law & Society Review*, vol. 29, no. 2, pp. 197–226. DOI: 10.2307/3054010.
18. Hafner M., Tagliapietra S. (eds.). 2020. *The geopolitics of the global energy transition*. Cham, Springer.
19. Gielen D., Boshell F., Saygin D. et al. 2019. The role of renewable energy in the global energy transformation. *Energy Strategy Reviews*, vol. 24, pp. 38–50. DOI: 10.1016/J.ESR.2019.01.006.
20. Hamed T.A., Alshare A. 2022. Environmental impact of solar and wind energy — A review. *Journal of Sustainable Development of Energy, Water and Environment Systems*, vol. 10, no. 2, pp. 1–23. DOI: 10.13044/j.sdewes.d9.0387.
21. Holden E., Linnerud K., Rygg B.J. 2021. A review of dominant sustainable energy narratives. *Renewable and Sustainable Energy Reviews*, vol. 144, pp. 1–11. DOI: 10.1016/j.rser.2021.110955.
22. Howarth C. 2017. Informing decision making on climate change and low carbon futures: Framing narratives around the United Kingdom's fifth carbon budget. *Energy Research & Social Science*, vol. 31, pp. 295–302. DOI: 10.1016/j.erss.2017.06.011.

23. Martínez-Valderrama J., Barrio del G., Sanjuán M.E. et al. 2022. Desertification in Spain: A sound diagnosis without solutions and new scenarios. *Land*, vol. 11, no. 2, pp. 1–13. DOI: 10.3390/land11020272.
24. Meadows D.H., Meadows D.L., Randers J., Behrens III W.W. 1972. *The limits to growth: A report for the Club of Rome's project on the predicament of mankind*. New York, Universe Books.
25. Moezzia M., Jandab K.B., Rotmann S. 2017. Using stories, narratives, and storytelling in energy and climate change research. *Energy Research & Social Science*, vol. 31, pp. 1–10. DOI: 10.1016/j.erss.2017.06.034.
26. Fischer D., Fückler S., Selm H., Sundermann A. (eds.). 2022. *Narrating sustainability through storytelling*. London, Routledge.
27. Oberthür S., Dupont C. 2021. The European Union's international climate leadership: Towards a grand climate strategy? *Journal of European Public Policy*, vol. 28, no. 7, pp. 1095–1114. DOI: 10.1080/13501763.2021.1918218.
28. Petri F., Biedenkopf K. 2021. Weathering growing polarization? The European Parliament and EU foreign climate policy ambitions. *Journal of European Public Policy*, vol. 28, no. 7, pp. 1057–1075. DOI: 10.1080/13501763.2021.1918216.
29. Saidur R., Rahim N.A., Islam M.R., Solangi K.H. 2011. Environmental impact of wind energy. *Renewable and Sustainable Energy Reviews*, vol. 15, no. 5, pp. 2423–2430. DOI: 10.1016/j.rser.2011.02.024.
30. Valentine S.V., Brown M.A., Sovacool B.K. 2019. *Empowering the great energy transition: Policy for a low-carbon future*. New York, Columbia University Press.

Статья поступила в редакцию 07.02.2023;
одобрена после рецензирования 21.02.2023;
принята к публикации 13.03.2023

The paper was submitted 07.02.2023;
approved after reviewing 21.02.2023;
accepted for publication 13.03.2023

Р.И. Благовещенский*

ВОЗМОЖНО ЛИ ПОВТОРЕНИЕ БРЕКЗИТА ВО ФРАНЦИИ?

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Санкт-Петербургский государственный университет»
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9*

Политики и академические исследователи в большинстве своем сходятся во мнении, что выход Великобритании из Европейского союза, так называемый Брекзит, является уникальным феноменом, который был порожден специфическим сочетанием внутривнутриполитических, экономических и социальных факторов и не может повториться ни в одной другой стране ЕС, по крайней мере в обозримом будущем. В данной статье предпринимается попытка поставить под сомнение подобные утверждения. Автор выдвигает гипотезу, что во Франции евроскептические настроения не меньше, чем в свое время в Великобритании, и что именно в этой стране вполне может состояться следующий референдум о членстве в Евросоюзе. В обоснование этой гипотезы в первой части статьи последовательно рассмотрены основные причины и предпосылки Брекзита. В качестве таковых автор выделяет четыре ключевых обстоятельства: 1) рост недовольства местного населения социальными и экономическими проблемами, которые сторонники Брекзита объясняли притоком дешевой рабочей силы из стран Восточной Европы; 2) опасения относительно возможности утраты национального суверенитета в условиях укрепления власти наднациональных органов ЕС; 3) поддержка Брекзита частью политических элит страны; 4) наличие постимперского синдрома. Во второй части статьи показано, что аналогичные объективные тенденции и общественные настроения существуют и в Пятой республике, хотя и отличаются там особой спецификой. Как в свое время в Великобритании, во Франции определенные слои населения выказывают растущее беспокойство в связи с перспективой утраты национального суверенитета при сокращающемся влиянии на проводимую Брюсселем политику и призывают уменьшить число иммигрантов (главным образом выходцев из Северной Африки).

* Благовещенский Роман Игоревич — аспирант факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета (e-mail: roman10.89@mail.ru).

При этом во Франции усиливаются позиции не только правого, но и левого евроскептицизма, что делает положение страны уникальным. Всё это накладывает повышенные обязательства на нынешнего президента-евроэнтузиаста Э. Макрона: его провал способен спровоцировать новый системный кризис ЕС, который тот может и не пережить.

Ключевые слова: Франция, евроскептицизм, «Национальный фронт», «Национальное объединение», М. Ле Пен, «Республиканцы», Ж.-Л. Меланшон, выборы 2022 г., Евросоюз, евроинтеграция, Э. Макрон, Брекзит, иммиграция

Для цитирования: Благовещенский Р.И. Возможно ли повторение Брекзита во Франции? // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2022. Т. 14. № 4. С. 98–124. DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-4-98-124.

Roman I. Blagoveshchenskii

BREXIT: COULD FRANCE FOLLOW THE LEAD?

*Saint Petersburg State University
7–9 Universitetskaya emb., Saint Petersburg, 199034*

Politicians and scholars generally agree that the UK's withdrawal from the European Union ('Brexit') is a unique phenomenon caused by a specific combination of domestic political, economic and social factors, which cannot recur in any other EU country, at least in the foreseeable future. The paper challenges these assumptions by advancing two hypotheses. Firstly, the author argues that Eurosceptic sentiments are almost as common in France as they once were in the UK, and, secondly, that it exactly in France where the next referendum on membership in the European Union could take place. In order to support these hypotheses, in the first section the author examines the main causes and the background of Brexit. The author identifies four key factors: 1) growing discontent of the local population with social and economic issues, which the supporters of Brexit ascribed to the inflow of cheap labor from Eastern Europe; 2) concerns about the possibility of losing national sovereignty as the power of EU supranational bodies increases; 3) support for Brexit on the part of certain political elites; 4) post-imperial syndrome. The second section shows that similar objective trends and public sentiments are developing in France, although can take different forms. As in the UK, certain segments of the French population show growing concern about the prospect of losing national sovereignty given

the country's declining influence within the EU, and call to curb immigration (mainly from North Africa). Additionally, what makes France's case really unique is that both right- and left-wing eurosceptics are consistently strengthening their influence in the Fifth Republic. All this imposes greater demands on the current president-euroenthusiast E. Macron: his failure may provoke a systemic crisis within the EU, which it might not endure.

Keywords: France, Euroscepticism, National Front, National Rally, Le Pen, Republicans, Melenchon, 2022 elections, European Union, European integration, Macron, Brexit, immigration

About the author: *Roman I. Blagoveshchenskii* — PhD Candidate at the School of International Relations, Saint-Petersburg State University (e-mail: roman10.89@mail.ru).

For citation: Blagoveshchenskii R.I. 2022. Brexit: Could France follow the lead? *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 14, no. 4, pp. 98–124. DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-4-98-124. (In Russ.)

Британскому евроскептицизму посвящено множество зарубежных и отечественных исследований, причем авторы значительной их части независимо от выбранной темы сходятся в одном: данный феномен уникален [Leconte, 2010], поэтому повторение Брекзита в любой другой стране — члене Евросоюза практически исключено [Кавешников, 2016]. Приводится несколько аргументов.

Во-первых, британский правящий класс с самого начала был настроен враждебно по отношению к процессу евроинтеграции [Tsoukalis, 2016: 135]. Политики в Соединенном Королевстве всегда сохраняли осторожность относительно интеграционных процессов на континенте и нередко посылали Брюсселю сигнал о том, что «либо присоединение к Европейским сообществам было ошибкой, которую можно исправить только лишь путем выхода [из организации], либо Сообщество должно измениться [в соответствии с пожеланиями Лондона]» [Greenwood, 1996: 158]. В то же время в других странах элиты обычно поддерживали вступление в Европейское экономическое сообщество / Европейский союз, отчего европейский проект нередко называли «заговором элит» или «объединением сверху» [Joffe, 2001: 255]. И хотя евроскептики в последнее время доказали, что являются влиятельной силой в континентальной Европе, после референдума в Великобритании в июне 2016 г. они нигде не возглавили правительство (за исключением Австрии и Италии, где евроскептики какое-то

время входили в правящие кабинеты на правах младших партнеров по коалиции). На основе сказанного напрашивается вывод, что, в отличие от Великобритании, евроскептики в обозримой перспективе не смогут вывести другие страны из объединенной Европы.

Во-вторых, британцы всегда считали США, Канаду, Австралию и другие англоговорящие государства, находящиеся в тысячах километров от Соединенного Королевства, культурно гораздо ближе, чем, скажем, Францию, которую от Англии отделяет лишь узкий пролив [Jones, 2007: 2–3]. При этом на социокультурные особенности накладывается и экономический фактор: меньше половины (44,5%) британского экспорта в 2017 г. пришлось на страны, входящие в ЕС, а ключевым рынком для британских товаров и услуг остаются Соединенные Штаты Америки (Вашингтон стоит на первом месте, Германия с большим отставанием — на втором¹). В остальных странах Евросоюза размер торговли с членами Единого европейского рынка превышает 50%². Следовательно, по мнению британских евроскептиков, Лондон должен делать основной акцент на отношениях не с Европой, а со странами Северной Америки и Австралии. Как отмечали Д. Гоуланд, А. Тарнер и А. Райт, «в британских правительственных кругах всегда преобладало мнение, что особые отношения с США, которые затрагивают финансы, обмен разведанными, военную сферу и оборону, перевешивают любые плюсы членства Великобритании в ЕС» [Gowland et al., 2010: 227–228]. Другими словами, у Лондона есть альтернатива европейскому объединению в лице англоговорящего мира, однако у стран континентальной Европы нет альтернативы членству в ЕС. Получается, выход других стран из Евросоюза практически исключен.

В-третьих, жители Великобритании всегда считали свою страну непохожей на остальную Европу [Jones, 2007: 171]. Политики же пытались на деле закрепить «привилегированное положение» Лондона в ЕС — к примеру, Соединенное Королевство не стало вводить евро и вступать в Шенгенскую зону [Морозова, Фалина, 2017: 164].

¹ Trade and investment core statistics book // Department for International Trade. 19.08.2020. Available at: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/749533/Trade_and_Investment_Core_Statistics_Book_18October2018.pdf (accessed: 22.12.2022).

² Chart of the day: The EU's trading partners // World Economic Forum. 29.04.2019. Available at: <https://www.weforum.org/agenda/2019/04/this-is-who-the-eu-trades-with-992cfd51f7/> (accessed: 22.12.2022).

При этом другие страны (та же Франция) гораздо более глубоко интегрированы в структуры ЕС, и потому их гипотетический выход из объединения будет протекать более болезненно, чем выход Великобритании.

В-четвертых, считается, что ни в одной стране — члене ЕС пресса не является настолько евроскептической, как в Великобритании [Anderson, 2004: 156]. Исследование, проведенное Кембриджским университетом, показало, что в первые два месяца после объявления даты референдума из 928 статей, написанных на тему ЕС, большинство (45%) содержали высказывания в пользу выхода страны из Евросоюза и лишь в 27% публикаций авторы приводили доводы за сохранение членства в европейском объединении³.

Таким образом, политологи и исследователи евроскептицизма в большинстве своем единодушны и исключают возможность выхода других стран из ЕС в обозримом будущем.

Тем не менее настоящая статья призвана доказать, что перечисленные факторы исключительности британского евроскептицизма не означают, будто повторение Брекзита невозможно в других государствах, входящих в Европейский союз. Например, Великобритания — не единственная страна, чей торговый экспорт в ЕС меньше 50%. Еще одним таким государством является Кипр, чьи ключевыми торговыми партнерами в 2018 г. стали Каймановы Острова и Ливия⁴. Для Германии ключевыми торговыми партнерами выступают США и Китай, а для Ирландии — Великобритания и США⁵ (правда, их экспорт в государства Евросоюза всё же превышает 50%). Более того, помимо Соединенного Королевства отказались вступать в еврозону Швеция и Дания, а в Шенгенскую зону — Ирландия. Нельзя было назвать однозначно евроскептической и британскую прессу. К примеру, влиятельная газета *The Times*, которая считается голосом политических и финансовых элит страны, четко придерживалась линии на сохранение Великобританией членства в

³ Greenslade R. Study confirms that the national press is biased in favour of Brexit // *The Guardian*. 23.05.2016. Available at: <https://www.theguardian.com/media/greenslade/2016/may/23/study-confirms-that-the-national-press-is-biased-in-favour-of-brexite> (accessed: 22.12.2022).

⁴ Chart of the day: The EU's trading partners // *World Economic Forum*. 29.04.2019. Available at: <https://www.weforum.org/agenda/2019/04/this-is-who-the-eu-trades-with-992cfd51f7/> (accessed: 22.12.2022).

⁵ Ibidem.

Евросоюзе. Другая влиятельная газета, *The Guardian*, выступает самым проевропейским изданием в стране, а такие крупные газеты, как *Daily Telegraph* и *Daily Mirror*, придерживаются скорее нейтральной позиции⁶. Получается, что факторы британского евроскептицизма, которые обычно воспринимаются как нечто уникальное, на самом деле можно обнаружить и в других государствах ЕС либо же они не настолько однозначны (как в случае с британской прессой). Следовательно, нельзя исключать повторения Брекзита и у остальных членов Европейского союза.

В рамках данного исследования была выдвинута гипотеза о том, что Франция не менее евроскептически, чем Великобритания, и может вполне стать следующей страной, в которой состоится референдум о членстве в ЕС. Несмотря на то что Пятая республика является основательницей Европейского объединения угля и стали (ЕОУС), Европейского экономического сообщества (ЕЭС), Евратома, Шенгенской зоны, Европейского союза и еврозоны, евроскептицизм играет здесь всё более заметную роль. Это подтверждается целым рядом примеров, которые будут рассмотрены далее. Однако главный аргумент заключается в том, что Франция — это единственная страна в континентальной Европе, где после Второй мировой войны крайне правый кандидат в президенты набрал свыше 10 млн голосов (сначала на выборах 2017 г., а затем 2022 г.). По мнению директора Института расовых отношений Л. Экете, «нигде в Европе ситуация на местах не меняется так стремительно, как в Великобритании и Франции» [Ekete, 2018: 116].

Цель автора данной статьи — сравнить положение в Великобритании накануне референдума о членстве в ЕС с современной ситуацией во Франции, а также выявить общие черты между британским и французским евроскептицизмом.

Сформулированы следующие исследовательские задачи: проанализировать причины победы британских евроскептиков на референдуме 2016 г.; рассмотреть, насколько данные факторы характерны для современной Франции; изучить возможность повторения Брекзита в Пятой республике.

⁶Spence A. Where the British press stands on Brexit // Medium.com. 23.05.2016. Available at: <https://medium.com/@spencetimes/where-the-british-press-stands-on-brexit-ce2f3da80b19> (accessed: 22.12.2022).

В статье были использованы сравнительно-исторический метод, а также качественный анализ политических программ партий и публичных выступлений видных политиков на телевизионных дебатах накануне референдума о членстве в Евросоюзе в Великобритании и перед президентскими выборами 2017 и 2022 гг. во Франции. Помимо этого в исследование были включены результаты вторичного анализа данных социологических опросов сразу нескольких аналитических служб (Евробарометра, YouGov, IFOR и Ipsos), а также проведен сравнительный анализ статистических данных Министерства международной торговли Великобритании и Евростата.

Новизна исследования заключается в том, что в нем сравнивается британский евроскептицизм, который считается уникальным феноменом, с евроскептицизмом в Пятой республике. В статье не только выделены общие тенденции в Великобритании накануне Брекзита и в современной Франции, но также показано, что у последней существуют факторы, которых не было в Соединенном Королевстве накануне референдума и которые еще больше усиливают французский евроскептицизм.

Статья поделена на две части. В первой рассматриваются факторы и события в Туманном Альбионе, которые в итоге привели к Брекзиту. Во втором разделе проводятся параллели между положением в Великобритании и во Франции.

Причины и предпосылки Брекзита

В рамках данного исследования были выделены четыре фактора, которые в конечном счете привели к Брекзиту: 1) опасения местного населения относительно предполагаемых издержек политики свободного передвижения лиц в рамках Евросоюза, т.е. легальной иммиграции из других стран-членов в Великобританию; 2) вопрос возможной утраты национального суверенитета; 3) поддержка Брекзита со стороны части политической элиты страны; 4) постимперский синдром.

Тема свободы передвижения граждан внутри ЕС — важный и, возможно, даже ключевой фактор победы евроскептиков на референдуме в Великобритании в 2016 г.⁷ В Соединенном Королевстве

⁷ Goodwin M. Brexit Britain is in denial over immigration // Politico. 12.11.2017. Available at: <https://www.politico.eu/article/brexit-britain-is-in-denial-over-immigration/> (accessed: 22.12.2022).

существует консенсус, согласно которому евроскептики сумели победить именно из-за того, что местное население устало от наплыва рабочей силы из других стран — членов ЕС [Dunt, 2016: 24]. Как отметил директор по коммуникациям при бывшем премьер-министре Д. Кэмероне К. Оливер, «для неопределившихся избирателей наибольшее сомнение <...> [с точки зрения сохранения членства в ЕС] вызывал вопрос неконтролируемой иммиграции» [Oliver, 2017: 137].

Историки отмечают, что миграционные потоки в Великобританию резко выросли после вступления в Евросоюз стран Центральной и Восточной Европы, и это превзошло ожидания тогдашнего лейбористского правительства [Tsoukalis, 2016: 138]. После прихода к власти в 2010 г. консерваторов, обещавших сократить уровень иммиграции⁸, ситуация не изменилась: в 2010-е годы этот показатель достиг в Великобритании рекордной отметки — 550 рабочих мигрантов в сутки [Prince, 2017: 260]. Стало очевидно, что контролировать количество прибывающих в страну людей, будучи частью Единого европейского рынка, невозможно, поскольку граждане этих государств имеют право на свободу передвижения. Бывший лидер Консервативной партии М. Говард подвел итог: по его словам, идея вернуть иммиграционные потоки до уровня 1990-х годов при членстве в ЕС «обречена на провал» [Prince, 2017: 243].

Важно понять, почему свобода передвижения вызвала такое сильное недовольство британцев. Ключевой фактор — это несправедливая, как они считали, конкуренция на рынке труда, поскольку работники из более бедных регионов ЕС готовы были трудиться за меньшее вознаграждение, чем местные жители. По мнению некоторых британцев, это в свою очередь привело к снижению уровня зарплат в целом. Неудивительно, что противники Евросоюза немедленно подхватили недовольство части местного населения. К примеру, евроскептик из Лейбористской партии Г. Стюарт во время теледебатов заявила, что мигранты из ЕС «сбивают» зарплаты британцев⁹. Она также добавила, что из-за неконтролируемого при-

⁸Prince R. David Cameron: Net immigration will be capped at tens of thousands // The Telegraph. Available at: <http://www.telegraph.co.uk/news/politics/6961675/David-Cameron-net-immigration-will-be-capped-at-tens-of-thousands.html> (accessed: 22.12.2022).

⁹BBC 'The Great Debate' — EU referendum debate (21 June 2016) [PT 3/4] // YouTube. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=Nwlje2sPSnM> (accessed: 22.12.2022).

тока жителей из других государств британцы не могут планировать наперед, сколько школ и больниц построить¹⁰.

Второй важной причиной победы евроскептиков в Великобритании стал нерешенный вопрос о том, что многие в стране воспринимали как утрату национального суверенитета. По мнению историков, только в британском парламенте британские подданные видят «приемлемый источник законов и правил» [Macshane, 2016: 152]. Евроскептикам удалось убедить население, что благополучие страны зависит от того, насколько сами британцы в состоянии влиять на принятие решений, а ключевой лозунг евроскептиков «Давайте вернем контроль» («Take back control») оказался невероятно эффективным [Dunt, 2016: 22].

Евроскептик М. Гоув неоднократно повторял в ходе теледебатов, что отличительная особенность демократии — это возможность отправить правительство в отставку, в то время как Евросоюзом управляют пять президентов, «ни одного из которых вы не знаете, ни одного из которых вы не выбирали и ни одного из которых вы не можете вышвырнуть вон»¹¹. Другой видный евроскептик Б. Джонсон, ставший в итоге премьер-министром, продолжая тему утраченного суверенитета, заявил, что высшей судебной инстанцией в стране является не Верховный суд в Лондоне, а Европейский суд в Люксембурге¹². Однако жестче всех высказалась Г. Стюарт, по словам которой, Великобритания променяла демократию на свободную торговлю с остальными европейскими государствами в рамках единого рынка¹³.

По мнению экспертов, страх перед ростом влияния наднациональных структур ЕС сыграл важную роль в победе сторонников Брекзита, потому что британцы никогда не согласились бы перечеркнуть 700-летнюю историю парламентаризма ради передачи новых полномочий в Европарламент [Macshane, 2016: 205].

Третья причина, по которой произошел Брекзит, заключается в том, что его поддержали влиятельные представители британской

¹⁰ BBC 'The Great Debate' — EU referendum debate (21 June 2016) [PT 2/4] // YouTube. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=z0doWajUyGE> (accessed: 22.12.2022).

¹¹ Question time special — Michael Gove — Brexit (15 June 2016) // YouTube. Available at: https://www.youtube.com/watch?v=_9-jDRQuToo (accessed: 16.12.2022).

¹² BBC 'The Great Debate' — EU referendum debate (21 June 2016) [PT 3/4] // YouTube. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=Nwlje2sPSnM> (accessed: 22.12.2022).

¹³ Ibidem.

элиты. Это придало евроскептикам и их аргументам особый вес в глазах населения, в первую очередь среди колебавшихся избирателей.

По мнению профессора Афинского университета Л. Цукалиса, британская политическая элита всегда была расколота по вопросу о евроинтеграции [Tsoukalis, 2016: 135], а сам британский евроскептицизм нельзя свести к одним лишь «крикливым популистам». Враждебность по отношению к Брюсселю культивировалась и в правящих кругах [Macshane, 2016: 88]. Например, в 1972 г. британский парламент с небольшим перевесом голосов (301 против 284) поддержал присоединение Лондона к ЕЭС [Joffe, 2001], а один из самых знаменитых премьер-министров Великобритании в XX в., М. Тэтчер, в своей речи перед учащимися Колледжа Европы в Брюгге заявила, что поддерживает «активное сотрудничество между независимыми суверенными государствами», но не приемлет «новое доминирование из Брюсселя» [Wall, 2008]. И хотя после ухода «железной леди» прошло много лет, британская элита за это время не стала более проевропейской [May, 1999: 79].

Как отметил политический редактор Sunday Times Т. Шипман, среди всех причин, почему Д. Кэмерон проиграл референдум, наиболее важной стала именно поддержка выхода из ЕС со стороны экс-министра юстиции М. Гоува и бывшего мэра Лондона Б. Джонсона [Shipman, 2016: 179], поскольку они придали Брекзиту интеллектуальный вес, которого при иных обстоятельствах могло и не быть [Shipman, 2016: 595].

Четвертая причина победы евроскептиков на референдуме о членстве Великобритании в ЕС — это постимперский синдром, поскольку считается, что британцам тяжелее, чем другим нациям, расстаться с суверенитетом из-за прошлого статуса мировой державы [Bache, 2008: 90].

Великобритания долгое время считала себя ведущей коммерческой, финансовой и индустриальной силой в мире, однако вскоре после окончания Второй мировой войны она прошла путь от «великой державы с глобальной ответственностью до уровня средней страны» [Baker, Seawright, 1998: 14]. По мнению историков, для Соединенного Королевства, которое после 1945 г. лишилось большинства колоний, решение примкнуть к европейскому проекту «долгое время служило болезненным напоминанием о падении влияния страны в мире» [Gowland et al., 2010: 214].

Жители Туманного Альбиона рассматривают участие в евроинтеграции не как возможность оказывать влияние на другие государства через европейские институты, а как навязывание чужих правил их собственной стране. В этой связи британские евроскептики в ходе референдума акцентировали внимание на национальной гордости: по их словам, Соединенное Королевство — пятая экономика на планете и ядерная держава, которая также является постоянным членом Совета Безопасности ООН и входит в «Большую семерку» и «Большую двадцатку». Следовательно, по мнению евроскептиков, Великобритания будет продолжать динамично развиваться и вне наднациональных европейских структур.

Таким образом, на решение большинства британцев проголосовать за выход из ЕС оказал влияние целый комплекс факторов: историческая память (постимперский синдром), чувство социальной незащищенности (неконтролируемый приток рабочей силы в рамках свободы передвижения людей в ЕС), вековые политические традиции (привязанность к национальному парламенту как единственной форме демократии) и роль авторитета (поддержка Брекзита частью элиты).

Далее мы увидим, что во Франции в настоящее время наблюдаются аналогичные явления и ситуация там очень напоминает положение в Великобритании накануне референдума о членстве в Европейском союзе.

Особенности евроскептического дискурса во Франции

В Пятой республике иммиграция также в последние годы стала главной темой для обсуждения. Накануне крупнейшего расширения Евросоюза на восток в 2004 г. именно во Франции возникла острая дискуссия об угрозе со стороны «польского водопроводчика». Под этим термином противники расширения на восток подразумевали трудовых мигрантов из новых членов ЕС, которые готовы работать за меньшие деньги, чем местное население¹⁴. По словам крайне правого политика Ж.-М. Ле Пена, «польский водопроводчик Петр» совсем скоро оставит французов без работы¹⁵. Это привело к тому, что Франция, в отличие от Соединенного Королевства, не сразу

¹⁴ Шишло А. «Польский водопроводчик» оказался мифом, утверждает Еврокомиссия // РИА Новости. 19.11.2008. Доступ: <https://ria.ru/world/20081119/155467190.html> (дата обращения: 22.12.2022).

¹⁵ Там же.

открыла свой рынок труда для граждан Восточной и Центральной Европы, а лишь в 2008 г.¹⁶

В наши дни всё чаще поднимается вопрос о социальном демпинге и экономическом туризме, когда приезжие из более бедных регионов Евросоюза готовы выполнять ту же работу за меньшие деньги, тем самым вытесняя с рынка труда местных жителей [Tsoukalis, 2016: 158]. Нынешний президент-евроэнтузиаст Э. Макрон пообещал бороться с социальным демпингом¹⁷ и в свое время лоббировал принятие Еврокомиссией директивы, которая ограничила бы возможности рабочих из новых стран-членов во время командировок получать более высокую зарплату на Западе.

Однако, в отличие от Великобритании, во Франции основной акцент делается всё же на иммиграции не из стран — членов ЕС, а из мусульманских регионов. Отмечается, что граждане Евросоюза не стали мишенью «ядовитой риторики» со стороны евроскептического «Национального фронта» [Davies, 1999: 144], а ксенофобия, культивируемая националистами, направлена в основном против иммигрантов из Северной Африки [Roxburgh, 2002: 126]. Причина довольно проста: выходцев из неевропейских государств во Франции больше, чем граждан других стран — членов ЕС. В 2019 г. в Пятой республике проживало около 4 млн граждан стран, не входящих в Евросоюз¹⁸, среди них большинство — из североафриканских государств, а на каждого одного приезжего во Францию из ЕС приходилось по двое иммигрантов из неевропейских стран¹⁹. При

¹⁶ Голландия открыла рынок труда для «новых» государств ЕС // Deutsche Welle (Включено в реестр иностранных средств массовой информации, выполняющих функции иностранного агента). 02.03.2007. Доступ: <http://www.dw.com/ru/%D0%B3%D0%BE%D0%BB%D0%BB%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D0%B8%D1%8F-%D0%BE%D1%82%D0%BA%D1%80%D1%8B%D0%BB%D0%B0-%D1%80%D1%8B%D0%BD%D0%BE%D0%BA-%D1%82%D1%80%D1%83%D0%B4%D0%B0-%D0%B4%D0%BB%D1%8F-%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D1%85-%D0%B3%D0%BE%D1%81%D1%83%D0%B4%D0%B0%D1%80%D1%81%D1%82%D0%B2-%D0%B5%D1%81/a-2371133> (дата обращения: 22.12.2022).

¹⁷ EU risks breakup without social dumping reform: Macron // France 24. 24.08.2017. Available at: <http://www.france24.com/en/20170824-eu-risks-breakup-without-social-dumping-reform-macron> (accessed: 22.12.2022).

¹⁸ Migration and migrant population statistics // Eurostat. March 2022. Available at: http://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Migration_and_migrant_population_statistics (accessed: 22.12.2022).

¹⁹ File: Immigration by previous country of residence, 2019 v2.png // Eurostat. 2019. Available at: <https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index>.

этом в пятерке крупнейших национальных групп, проживающих во Франции, но имеющих иностранное подданство, оказались представлены сразу три североафриканские страны: Алжир, Марокко и Тунис²⁰. Таким образом, ислам играет всё более заметную роль в жизни Пятой республики, что, однако, вызывает некоторую озабоченность у части населения.

Важно отметить, что рост числа иммигрантов из мусульманских регионов французы связывают с политикой Брюсселя. Главной причиной миграционных проблем французские евроскептики считают открытые границы, закрепленные в Шенгенских соглашениях: по словам противников Евросоюза, человек, однажды попав в страну, входящую в Шенгенскую зону (скажем, в Италию), может свободно переехать во Францию. Другая причина неприятия евроскептиками европейских институтов — политика мультикультурализма, которую Евросоюз активно поощряет. По словам политического аналитика С. Бышока, в глазах евроскептиков Брюссель — это «основной проводник политики мультикультурализма и открытых дверей, уничтожающий христианские основы европейских стран и ставящий под угрозу дальнейшее существование Европы как уникального этнического и культурного конгломерата» [Бышок, 2016: 14]. Инициатива Еврокомиссии по внедрению обязательных квот по приему беженцев вызвали в Пятой республике сильное раздражение: согласно опросам в 2018 г. 53% французов полагали, что в стране слишком много иммигрантов, и 46% хотели закрыть границы²¹. Как отмечала французский политолог Н. Майер, люди, считающие, что в стране находится слишком большое количество иммигрантов, гораздо чаще склонны голосовать за «Национальный фронт» и его лидера, т.е. за «жестких» евроскептиков, чем за другие партии [Meyer, 2013: 165].

php?title=File:Immigration_by_previous_country_of_residence,_2019_v2.png (accessed: 17.12.2022).

²⁰ File: Main countries of citizenship and birth of the foreign foreign-born population, 1 January 2020 // Eurostat. 2020. Available at: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/images/d/d3/Main_countries_of_citizenship_and_birth_of_the_foreign_foreign-born_population%2C_1_January_2020_.png (accessed: 17.12.2022).

²¹ Почти половина французов захотела закрыть границы страны от мигрантов // Lenta.ru. 17.09.2017. Доступ: <https://lenta.ru/news/2017/09/17/granici/> (дата обращения: 22.12.2022).

Стоит также отметить, что серия терактов, которые в последние годы были совершены представителями экстремистских группировок (многие из них имели иммигрантские корни или родились за пределами Франции), с новой силой подняла вопрос о совместимости безопасности страны с ее участием в Шенгенских соглашениях и проводимой политикой мультикультурализма. Таким образом, наблюдается определенная усталость французского общества от открытых границ и политики толерантности, что в итоге может стать катализатором принятия политических решений, направленных на приостановку участия страны в Шенгенских соглашениях.

Риторика об утрате национального суверенитета также играет во Франции немаловажную роль. Считается, что французский евроскептицизм впервые дал о себе знать в 2005 г., когда на референдуме большинство граждан Пятой республики высказались против принятия общеевропейской Конституции [Тимофеев, 2017: 64]. По мнению аналитиков, французов не устроила чрезмерная централизация власти в Брюсселе, ведь новый Основной закон должен был укрепить наднациональные институты ЕС²².

С годами вопрос об утрате национального суверенитета не ушел с повестки дня. В 2014 г. прошли исторические выборы в Европейский парламент, по итогам которых сразу в двух ключевых странах — членах ЕС (Великобритании и Франции) победу одержали «жесткие» евроскептики, призывавшие к выходу из состава Евросоюза. В основе идеологии «Национального фронта», который получил первое место в Пятой республике, лежат идеи защиты суверенитета и идентичности [Hainsworth et al., 2004: 38]. Следовательно, французы снова послали сигнал правительству о том, что хотели бы сохранить национальный суверенитет.

По данным опроса 2018 г., лишь 28% французов поддержали идею создания Соединенных Штатов Европы с новым конституционным

²² Таубе Ф., Филимонов М. Палки в колеса ЕС вставляют не только британцы // Deutsche Welle (Включено в реестр иностранных средств массовой информации, выполняющих функции иностранного агента). 01.07.2016. Доступ: <https://www.dw.com/ru/%D0%BF%D0%B0%D0%BB%D0%BA%D0%B8-%D0%B2-%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%B5%D1%81%D0%B0-%D0%B5%D1%81-%D0%B2%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%B2%D0%BB%D1%8F%D1%8E%D1%82-%D0%BD%D0%B5-%D1%82%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D0%BA%D0%BE-%D0%B1%D1%80%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%BD%D1%86%D1%8B/a-19369410> (дата обращения: 22.12.2022).

договором и централизованным правительством²³. Получается, большинство граждан Пятой республики не готовы отказаться от суверенитета и считают, что вопросы должны преимущественно решаться на национальном уровне.

Что касается французской элиты, то она так же, как и в Великобритании, всегда была расколота по вопросу о европейской интеграции. Еще в 1954 г. Национальное собрание большинством голосов отвергло идею создания Европейского оборонительного сообщества, которое предусматривало объединение вооруженных сил шести западноевропейских государств, общие органы управления и единый бюджет.

Президент Франции Ш. де Голль, как впоследствии премьер-министр Великобритании М. Тэтчер, был противником углубления политической интеграции и создания единого центра принятия решений. Ш. де Голль не хотел, чтобы европейские страны утратили суверенитет и самобытность [Hainsworth et al., 2004: 38], и также выступал за межправительственное сотрудничество и Европейскую конфедерацию, а не за построение европейских наднациональных структур [Hoffmann, 2001: 160]. Примечательно, что Франция и Великобритания — единственные члены ЕС, где евроскептики находились у власти в XX в. уже на начальных этапах евроинтеграции.

В настоящее время французская элита по-прежнему сохраняет осторожное отношение к Евросоюзу. К примеру, в первом туре президентских выборов во Франции в 2017 г. из 11 кандидатов на высший пост в стране сразу семеро являлись в той или иной степени евроскептиками: М. Ле Пен, Н. Дюпон-Эньянь, Ф. Асселино и Ж. Шеминад — справа и Ж.-Л. Меланшон, Ф. Путу и Н. Арто — слева [Тимофеев, 2017: 65]. Все вместе они набрали почти половину голосов избирателей (48%). На президентских выборах 2022 г. лица, занявшие сразу второе, третье, четвертое и пятое места в первом туре (М. Ле Пен, Ж.-Л. Меланшон, Э. Земмур и В. Пекресс соответственно), либо призывали к выходу Франции из ЕС, либо требовали кардинальных реформ объединения в пользу усиления роли национальных государств [Чихачев, 2022]. В сумме эти кандидаты набрали рекордные 57% голосов. И хотя в итоге победу на выборах всё же одержал

²³ Mischke J. Germans, French most in favor of a 'United States of Europe.' Poll // Politico. 28.12.2017. Available at: https://www.politico.eu/article/united-states-of-europe-germans-french-most-in-favor-poll/?utm_content=buffer9b7&utm_medium=social&utm_source=twitter.com&utm_campaign=buffer (accessed: 22.12.2022).

сторонник Евросоюза Э. Макрон, французский евроскептицизм не ушел со сцены и продолжает всё громче напоминать о себе.

Евроскептицизм в последнее время стал проявляться и в риторике системной правоцентристской партии «Республиканцы». К примеру, ее представители высказывались за возврат пограничного контроля и реформу Шенгенского соглашения²⁴, а также за то, чтобы национальные парламенты имели право накладывать вето на законы, принимаемые Еврокомиссией²⁵. Представитель «Республиканцев» и экс-глава французского МИД, бывший член Еврокомиссии и главный европейский переговорщик по вопросу о выходе Великобритании из ЕС М. Барнье пошел дальше и высказал мысль о том, что Парижу следует установить мораторий на иммиграцию из неевропейских стран, а для этого Франции необходимо вывести из-под юрисдикции Европейского суда²⁶. А единый кандидат в президенты от «Республиканцев» в 2022 г. В. Пекресс настаивала на введении квот на иммигрантов из неевропейских стран и поддержала идею верховенства национальных конституций над европейским правом²⁷.

Таким образом, по целому ряду ключевых вопросов французские «Республиканцы» становятся всё более похожими на евроскептическое «Национальное объединение» (так с июня 2018 г. называется «Национальный фронт»).

В этой связи уместно вспомнить также историю британской Консервативной партии, которая, как и французские «Республиканцы», считалась правоцентристской, однако в последние годы была вынуждена уйти вправо под нажимом евроскептиков. Она подверглась двойному давлению — со стороны евроскептиков

²⁴ Robert A. Brexit stirs up Euroscepticism in the French right // Euractive. 16.06.2016. Available at: <https://www.euractiv.com/section/uk-europe/news/brexit-stirs-up-euroscepticism-in-the-french-right/> (accessed: 14.12.2022).

²⁵ Vinocur N. The French right's plan to save Europe: More France // Politico. 01.07.2016. Available at: <http://www.politico.eu/article/the-french-rights-plan-to-save-europe-more-france-brexit-breakup-leave-eu-nicolas-sarkozy-les-republicains/> (accessed: 14.12.2022).

²⁶ Comman J. Michel Barnier: Why is the EU's former Brexit chief negotiator sounding like a Eurosceptic? // The Guardian. 26.09.2021. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2021/sep/26/michel-barnier-french-presidency-my-secret-brexit-diary-interview> (accessed: 12.12.2022).

²⁷ Barbero M. France's iron lady // Foreign Policy. 16.01.2022. Available at: <https://foreignpolicy.com/2022/01/16/france-valerie-pecresse-presidential-election-republicans/> (accessed 13.12.2022).

внутри партии и извне со стороны крайне правой Партии независимости Соединенного Королевства (UKIP). Стремительный рост популярности последней вынудил премьер-министра Д. Кэмерона пообещать референдум о членстве Великобритании в ЕС [Seldon, Snowdon, 2015: 381–393].

Несмотря на то что французские «Республиканцы» не являются правящей партией страны (в отличие от британских консерваторов), они продолжают играть заметную роль на региональном уровне. Например, на локальных выборах 2021 г. они получили почти треть голосов избирателей и победили в 5 из 13 регионов²⁸. Так же, как и британские консерваторы, французские правоцентристы всё больше уходят вправо под давлением националистов из других политических движений и в связи с ростом влияния сторонников жесткой линии внутри партии. При этом тема Евросоюза и возврата национального суверенитета звучит всё чаще.

Однако евроскептицизм не ограничивается только лишь правыми партиями. Как было показано ранее, во Франции он представлен как справа, так и слева, причем левые под руководством многолетнего евроскептика Ж.-Л. Меланшона на парламентских выборах 2022 г. получили второе место²⁹. И правых, и левых евроскептиков во Франции объединяет антилиберальная риторика [Самойлов, 2020: 198]. Если для первых Брюссель является проводником политики мультикультурализма, которая, по их мнению, губит Францию и подрывает национальную идентичность, то для вторых Евросоюз — это либеральное объединение, созданное для обогащения крупных компаний в ущерб простым французам. Левые евроскептики обвиняют Брюссель в низком экономическом росте и высокой безработице. И те, и другие считают, что ЕС должен измениться, в противном случае Парижу необходимо начинать процесс выхода из него.

Примечательно, что движение «желтых жилетов», которое стало крупнейшим за последнее время протестом против проводимой

²⁸ Завершившиеся региональные выборы во Франции отмечены рекордно низкой явкой избирателей // ТАСС. 27.06.2021. Доступ: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/11764573?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (дата обращения: 12.12.2022).

²⁹ Максименко С. Почему итоги парламентских выборов во Франции сравнили с землетрясением // РБК. 20.06.2022. Доступ: <https://www.rbc.ru/politics/20/06/2022/62b06b209a79474495fd7ad7> (доступ: 12.12.2022).

правлящим классом налоговой политики, также связывают с более широким кризисом либеральной социально-экономической модели [Обичкина, 2019]. Несмотря на то что это движение не ассоциируется напрямую с евроскептиками и не оформилось политически, его возникновение стало логичным продолжением тех антилиберальных тенденций и антиэлитных настроений, начало которым было положено Брекзитом и избранием Д. Трампа на пост президента США в 2016 г. [Milbank, 2020: 159]. Казанские исследователи С.А. Сергеев и С.В. Кузьмина разделили требования протестующих на левые и правые, среди правых они отметили призыв к выходу Франции из Евросоюза и НАТО, среди левых — социальную справедливость [Кузьмина, Сергеев, 2019: 132–133]. Неудивительно, что оба главных евроскептика — и М. Ле Пен справа, и Ж.-Л. Меланшон слева — высказывались в поддержку протестного движения и постарались привлечь «желтых жилетов» на свою сторону. Согласно опросам IFOR 44% его сторонников на выборах в Европарламент в 2019 г. предпочли М. Ле Пен³⁰. И хотя мощное протестное движение 2018–2019 гг. постепенно сошло на нет, разочарование традиционными политиками никуда не исчезло. Парламентские выборы 2022 г. стали сюрпризом для французских еврооптимистов, поскольку второе и третье места в Национальном собрании впервые в истории получили левые и правые евроскептики (131 и 88 мест соответственно).

Росту евроскептических настроений во Франции так же, как и в Великобритании, способствует постимперский синдром. Пятая республика, как и Соединенное Королевство, была вынуждена примкнуть к европейской интеграции после потери статуса мировой державы. Несмотря на то что на момент основания ЕОУС в 1951 г. Франция по-прежнему оставалась колониальной империей, заметное ускорение процессу евроинтеграции придали два фактора: война за независимость Алжира, которая началась в 1954 г. и закончилась его отделением, и Суэцкий кризис 1956 г., показавший, что ни Франция, ни Великобритания не могут играть в одиночку на политической арене. Уже в 1957 г. было заключено Римское соглашение (при активном лоббировании его Парижем), положившее начало Европейским сообществам, а в 1961 г. свою заявку на вступ-

³⁰ EU elections: What became of the Yellow Vest candidates? // France 24. 27.05.2019. Available at: <https://www.france24.com/en/20190527-european-union-parliament-elections-yellow-vest-lists-candidates-far-right-rn-le-pen> (accessed: 15.08.2022).

ление в данное объединение подал Лондон (из-за сопротивления президента Ш. де Голля Соединенное Королевство примкнуло к Европейским сообществам лишь в 1973 г.).

Правда, если в Великобритании участие в евроинтеграции всегда рассматривали как символ утраты бывшего могущества, то во Франции ситуация долгое время была полностью обратной — там членство в ЕЭС воспринимали как усиление роли своей страны в Европе. Ш. де Голль в 1958 г., подписывая Римский договор, оценивал Францию не как равную остальным государствам, а как лидера, который нуждается в объединенной Европе за тем лишь, чтобы подчеркнуть свое величие³¹.

Однако в последнее время в Пятой Республике усиливаются «британские» настроения — там всё чаще начинают звучать опасения, что страна уже не играет ключевой роли в европейской интеграции, а локомотивом этого процесса выступает ФРГ.

В последние годы во Франции стали поднимать голову бывшие страхи о «Четвертом рейхе», поскольку ни одно важное решение в ЕС не принимается без согласия Берлина. В Пятой республике осознают, что европейский проект перестал быть креатурой Парижа, поэтому начал терять популярность среди населения. К примеру, в 2017 г. лишь 39% французов (и 33% британцев) полагали, что их голос играет роль в принятии решений в ЕС (это ниже средневропейского показателя — 44%). В Германии, наоборот, показатель один из самых высоких в Евросоюзе — 65%³².

По данным опроса 2021 г., лишь 17% французов согласились с тем, что их страна играет ключевую роль в Европе, при этом три четверти граждан полагают, что лидером Евросоюза является Германия³³.

Неудивительно, что евроскептики стали использовать постимперский синдром в своих интересах: М. Ле Пен неоднократно уничижительно отзывалась об экс-президенте Ф. Олланде, называя его не

³¹ Zaretsky R. Frexit is coming // Foreign Policy. 29.06.2016. Available at: <http://foreignpolicy.com/2016/06/29/frexit-is-coming-brexite-france-le-pen/> (accessed: 12.12.2022).

³² Standard Eurobarometer 88 // Eurobarometer. 2017. Available at: <http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/Survey/getSurveyDetail/instruments/STANDARD/surveyKy/2143> (accessed: 15.12.2022).

³³ Transatlantic trends 2021 // German Marshall Fund. 07.06.2021. Available at: https://www.gmfus.org/sites/default/files/2021-08/TT2021_Web_Version.pdf (accessed: 26.02.2022).

иначе как «вице-канцлером Меркель»³⁴, а на национальных дебатах перед вторым туром президентских выборов 2017 г., обращаясь к Э. Макрону, заявила: «Францией в любом случае будет править женщина — или я, или Ангела Меркель»³⁵.

Другой крайне правый евроскептик, Э. Земмур, во время выступления перед своими сторонниками сказал, что французы не должны быть вассалами Европейского союза³⁶.

Исходя из всего сказанного, очевидно, что во французском обществе наблюдаются те же явления и факторы, которые привели в итоге к Брекситу по ту сторону Ла Манша. Значительная часть населения устала от иммиграции и винит в ее росте Евросоюз. Жители Пятой республики не готовы на данном этапе отказаться от национального суверенитета и без энтузиазма воспринимают слова о создании в будущем Соединенных Штатов Европы. По данным Еврокомиссии, весной 2019 г. всего 33% французов сказали, что доверяют ЕС, — меньше евроэнтузиастов было лишь в Великобритании (29%) и Греции (32%)³⁷. Важно, что подобные скептические настроения наблюдаются не только в широких слоях населения, но также в рядах французской элиты. В конечном счете это накладывается на страх перед германским доминированием: в Пятой республике уверены, что из-за ФРГ Париж вынужден играть второстепенную роль в ЕС.

Высказывалось мнение, что тяжелые переговоры по Брекситу и негативное влияние этого события на экономику Великобритании окажут отрезвляющее действие на электоральные настроения в других странах — членах ЕС³⁸, включая Францию. Однако в феврале 2022 г. были опубликованы результаты опроса, согласно которому

³⁴ Ле Пен назвала Олланда «вице-канцлером Меркель» // РИА Новости. 07.10.2015. Доступ: <https://ria.ru/world/20151007/1298478916.html> (дата обращения: 22.12.2022).

³⁵ 3rd French presidential debate highlights (English subtitles) Emmanuel Macron Marine Le Pen // YouTube. 04.05.2017. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=dN9uXWh3n-Y> (accessed: 22.12.2022).

³⁶ Во Франции оценили слова кандидата в президенты Земмура о выводе страны из НАТО // Известия. 06.12.2021. Доступ: <https://iz.ru/1260127/2021-12-06/vo-francii-ocenili-slova-kandidata-v-prezidenty-zemmura-o-vyvode-strany-iz-nato> (дата обращения: 22.12.2022).

³⁷ Standard Eurobarometer 91 — Spring 2019 // Eurobarometer. August 2019. Available at: <https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/2253> (accessed: 12.12.2022).

³⁸ What does Euroscepticism in the EU look like now that Brexit has happened? // The Journal. 01.12.2021. Available at: <https://www.thejournal.ie/euroscepticism-brexit-5609656-Dec2021/> (accessed: 15.12.2022).

рекордные 63% французов высказались за то, чтобы в их стране прошел референдум о членстве в Евросоюзе³⁹. Согласно другому опросу, проведенному в ряде западных государств в 2021 г., в большинстве случаев респонденты назвали пандемию и изменение климата основными факторами, которые вызывают у них беспокойство (в среднем цифры составили 37 и 36% соответственно)⁴⁰, но во Франции, как следует из результатов того же исследования, приоритетом номер один для 46% опрошенных оказалась борьба с терроризмом. И хотя желание провести референдум не означает, что французы обязательно проголосуют за «Фрекзит» (к примеру, согласно опросу Euronews 2020 г. таковых было бы всего 22% при вдвое большем числе сторонников ЕС — 47%⁴¹), сам факт показателен. Обращает на себя внимание и то, что взгляды жителей Пятой республики на угрозы расходятся с мнением соседей: в отличие от немцев, британцев, испанцев и итальянцев, это терроризм, а не пандемия.

Очевидно, что все эти факторы играют на руку евроскептикам и усиливают их электоральные позиции, поскольку именно евроскептики связывают возросшую угрозу терроризма с участием в Шенгенской зоне и политикой мультикультурализма и в качестве решения проблемы предлагают реформу Евросоюза (например, упразднение Шенгена) или даже потенциальный выход из него.

* * *

Результаты референдума о членстве Великобритании в ЕС удивили многих экспертов. Тем не менее в Брюсселе очень скоро решили, что Брекзит — это единичный случай, вероятность повторения которого в других странах практически равна нулю. Выход Лондона из процесса европейской интеграции еврочиновники рассматривают не как симптом надвигающегося кризиса или даже потенциального распада объединения, а как возможность реформирования и обнов-

³⁹ Les Français et l'organisation d'un référendum sur le Frexit // IFOP poll. Février 2022. Available at: https://www.ifop.com/wp-content/uploads/2022/02/118885_Rapport_FREXIT_2022.02.14.pdf (accessed: 26.12.2022).

⁴⁰ Transatlantic trends 2021 // German Marshall Fund. 07.06.2021. Available at: https://www.gmfus.org/sites/default/files/2021-08/TT2021_Web_Version.pdf (accessed: 26.12.2022).

⁴¹ How likely are the 'big four' European economies to vote to leave the EU if Brexit works out? // Euronews. 10.08.2020. Available at: <https://www.euronews.com/2020/08/10/nearly-half-of-italians-would-support-leaving-the-eu-if-brexit-is-successful-according-to> (accessed: 26.12.2022).

ления Евросоюза. Однако проведенное исследование позволяет поставить под вопрос подобную оценку. Было показано, что у Франции есть много общего с покинувшей ЕС Великобританией, а значит, повторение Брекзита во Франции исключать нельзя.

Данное исследование опровергает идею исключительности британского евроскептицизма. В нем проводятся параллели между положением в Соединенном Королевстве перед референдумом в июне 2016 г. и современной обстановкой во Франции. Общие черты, такие как страх утраты национального суверенитета при сокращающемся влиянии на проводимую Брюсселем политику и призывы уменьшить число иммигрантов, накладываются на другие факторы и тем самым усиливают позиции евроскептиков. К примеру, в Пятой республике в среднем высокий уровень безработицы при низком темпе экономического роста, молодежь больше склонна голосовать за евроскептиков, чем в Великобритании, а серия недавних терактов, унесших жизни сотен человек, вывела на первый план сторонников жесткой линии.

При этом во Франции силен не только правый, но также и левый евроскептицизм (Ж.-Л. Меланшон), что делает положение страны уникальным. Однако, несмотря на пересечение некоторых взглядов правых и левых евроскептиков (например, и те, и другие считают необходимой мерой реформу еврозоны или выход из нее), а также на крупные электоральные успехи обоих политических сил на парламентских выборах 2022 г., союз между ними на данном этапе не представляется возможным. Ж.-Л. Меланшон отвергает национализм и ксенофобию и считает любое сравнение с М. Ле Пен оскорбительным. Тот факт, что он соглашается с ней в вопросе о возможности выхода Франции из ЕС, не ставит его в один ряд с лидером французских правых.

На фоне усиления евроскептиков традиционные партии — социалисты и «Республиканцы» — теряют популярность среди населения. Их вытесняют внесистемные партии и политики, такие как Э. Макрон («Вперед!»), М. Ле Пен («Национальное объединение»), Э. Земмур («Реконкиста») и Ж.-Л. Меланшон («Непокоренная Франция»). При этом единственная правая альтернатива М. Ле Пен, правоцентристское движение «Республиканцы, всё больше уходит вправо и тем самым повторяет судьбу Консервативной партии Великобритании, которая объявила о референдуме по членству в Евросоюзе после серии побед «жестких» евроскептиков. Пока «Республиканцы»

выступают с умеренной критикой ЕС (так же поступал в свое время бывший премьер-министр Д. Кэмерон) и не являются правящей партией, однако нельзя исключить ужесточения их риторики в ближайшие годы и расширения электоральной базы, которое могло бы привести их к власти и поставить перед тем же выбором, что был у британского премьера в 2015 г.: претворить в жизнь предвыборное обещание и провести референдум или нет.

В 2007 г. французы доверили судьбу страны правоцентристу Н. Саркози. В 2012 г. они посчитали, что он не справился с задачей, и избрали президентом левоцентриста Ф. Олланда. Вскоре они разочаровались и в нем, поэтому в 2017 г. представители традиционных партий впервые в истории не вышли во второй тур президентских выборов. Главой страны, как известно, стал новичок в политике Э. Макрон, который, тем не менее, ассоциируется у большинства французов с элитой. Несмотря на то что действующий глава государства стал первым президентом за 15 лет, который в 2022 г. успешно переизбран на второй срок, после 2027 г. он не сможет снова выдвинуть свою кандидатуру. Если к тому времени на политической сцене не появится сильный кандидат-еврооптимист, то не исключено, что Францию возглавит правый или левый евроскептик. С учетом результатов президентских выборов 2022 г. (где М. Ле Пен заняла второе место, а Ж.-Л. Меланшон — третье) и последовавших за ними парламентских выборов (где партии поменялись местами: левые евроскептики пришли к финишу вторыми, а правые — третьими), отсутствие альтернативы в лагере еврооптимистов несет в себе серьезные испытания Евросоюзу. В этой связи в Брюсселе как никогда заинтересованы в том, чтобы нынешнее президентство евроэнтузиаста Э. Макрона стало историей успеха, в противном случае ЕС ждет серия новых кризисов, которые он может и не пережить.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бышок С. Брекзит и евроскептики. Европейцы против ЕС. М.: Книжный мир, 2016.
2. Кавешников Н.Ю. Некоторые последствия Brexit для развития Европейского союза // Вестник МГИМО. 2016. № 6 (51). С. 24–30. DOI: 10.24833/2071-8160-2016-6-51-24-30.
3. Кузьмина С.В., Сергеев С.А. Движение «желтых жилетов» и левые радикалы во Франции // Среднерусский вестник общественных наук. 2019. № 3. С. 126–138. DOI: 10.22394/2071-2367-2019-14-3-126-138.

4. Морозова Е.Г., Фалина А.С. Брексит как новая реальность Европы: мнения и оценки экспертов // *Власть*. 2017. № 4. С. 160–170.
5. Обичкина Е.О. Социально-политический кризис во Франции: «Желтые жилеты» и завершение «первой фазы» правления Э. Макрона // *Вестник МГИМО*. 2019. № 2. С. 101–135. DOI: 10.24833/2071-8160-2019-2-65-101-135.
6. Самойлов Н.Г. Французские евроскептики в контексте мир-системного анализа // *Современная Европа*. 2020. № 2. С. 196–204. DOI: 10.15211/soveurope22020196204.
7. Тимофеев П.П. Французский евроскептицизм: история и современность // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2017. № 10 (1). С. 53–68. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-1-53-68.
8. Чихачев А.Ю. Франция-2022: расколотое общество и трансформация политического поля // *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*. 2022. № 2. С. 59–70. DOI: 10.15211/vestnikieran220225970.
9. Anderson P.J. A flag of convenience? Discourse and motivation of the London-based Eurosceptic press // *Euroscepticism: Party politics, national identity and European integration* / Ed. by R. Harmsen, M. Spiering. Amsterdam: Rodopi, 2004. P. 151–171.
10. Bache I. Europeanization and multilevel governance: Cohesion policy in the European Union and Britain. Lanham, Maryland: Rowman & Littlefield, 2008.
11. Baker D., Seawright D. Britain for and against Europe. Oxford: Clarendon Press, 1998.
12. Davies P. The National Front in France. London: Routledge, 1999.
13. Dunt I. Brexit: What the hell happens now? Kingston upon Thames: Canbury Press, 2016.
14. Ekeke L. Europe's fault lines: Racism and the rise of far right. London: Verso, 2018.
15. Gowland D., Turner A., Wright A. Britain and European integration since 1945: On the sidelines. London: Routledge, 2010.
16. Greenwood S. Britain and European integration since the Second World War. Manchester: Manchester University Press, 1996.
17. Hainsworth P., O'Brien C., Mitchell P. Defending the nation: The politics of Euroscepticism on the French right // *Euroscepticism: Party politics, national identity and European integration* / Ed. by R. Harmsen, M. Spiering. Amsterdam: Rodopi, 2004. P. 37–58.
18. Harmsen R., Spiering M. Introduction // *Euroscepticism: Party politics, national identity and European integration* / Ed. by R. Harmsen, M. Spiering. Amsterdam: Rodopi, 2004. P. 13–37.
19. Hoffmann S. Obstinate or obsolete? France, European integration and the fate of the nation-state // *Euroscepticism: A reader* / Ed. by R. Tiersky. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2001. P. 157–185.

20. Joffe J. The Euro: The engine that couldn't // *Euroskepticism: A reader* / Ed. by R. Tiersky. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2001. P. 250–259.
21. Jones A. Britain and the European Union. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2007.
22. Leconte C. Understanding Euroscepticism. London: Palgrave MacMillan, 2010.
23. Macshane D. Brexit: How Britain left Europe. London: I.B. Tauris, 2016.
24. May A. Britain and Europe since 1945. London: Longman, 1999.
25. Meyer N. From Jean-Marie to Marine Le Pen: Electoral change on the far right // *Europe Solidaire sans Frontieres*. 2013. Available at: <http://www.europe-solidaire.org/spip.php?article40229> (accessed: 17.12.2022).
26. Milbank J. Britain after Brexit: Retrospect and prospect // *The future of Brexit Britain: Anglican reflections on national identity and European solidarity* / Ed. by J. Chaplin, A. Bradstock. London: SPCK, 2020. P. 159–171.
27. Oliver C. Unleashing demons: The inside story of Brexit. London: Quercus, 2017.
28. Prince R. Theresa May: The enigmatic prime minister. London: Biteback Publishing, 2017.
29. Roxburgh A. Preachers of hate: The rise of the far-right. London: Gibson Square Books Ltd, 2002.
30. Seldon A., Snowdon P. Cameron at 10: The inside story 2010–2015. London: William Collins, 2015.
31. Shipman T. All out war: The full story of how Brexit sank Britain's political class. London: William Collins, 2016.
32. Tsoukalis L. In defence of Europe: Can European project be saved? Oxford: Oxford University Press, 2016.
33. Wall S. A stranger in Europe: Britain and the EU from Thatcher to Blair. New York: Oxford University Press, 2008.

REFERENCES

1. Byshok S. 2016. *Brekzit i evroskeptiki. Evropeitsy protiv ES* [Brexit and Eurosceptics. Europeans against the EU]. Moscow, Knizhnii mir Publ. (In Russ.)
2. Kaveshnikov N.Yu. 2016. Nekotorye posledstviya Brexita dlya razvitiya Evropeiskogo soyuza [Possible outcomes of Brexit for European Union development]. *MGIMO Review of International Relations*, no. 6 (51), pp. 24–30. DOI: 10.24833/2071-8160-2016-6-51-24-30. (In Russ.)
3. Kuzmina S.V., Sergeev S.A. 2019. Dvizhenie 'zheltykh zhiletov' i levye radikal'y vo Frantsii [Movement of 'Yellow vests' and left-wing radicals in France]. *Central Russian Journal of Social Sciences*, no. 3, pp. 126–138. DOI: 10.22394/2071-2367-2019-14-3-126-138. (In Russ.)

4. Morozova E.G., Falina, A.S. 2017. Breksit kak novaya realnost' Evropy: mneniya i otsenki ekspertov [Brexit as a new reality of Europe: Expert opinions and evaluations]. *Vlast'*, no. 4. pp. 160–170. (In Russ.)

5. Obichkina E.O. 2019. Sotsial'no-politicheskii krizis vo Frantsii: 'Zheltye zhilye' i zavershenie pervoi phazy pravleniya E. Makrona [Political crisis in France: 'Yellow vests' and the end of the first period of the E. Macron's governance]. *MGIMO Review of International Relations*, no. 2, pp. 101–135. DOI: 10.24833/2071-8160-2019-2-65-101-135. (In Russ.)

6. Samoilov N.G. 2020. Frantsuzskie evroskeptiki v kontekste mir-sistemnogo analiza [French Eurosceptics in the context of world-systems analysis]. *Contemporary Europe*, no. 2, pp. 96–104. DOI: 10.15211/soveurope22020196204. (In Russ.)

7. Timofeev P.P. 2017. Frantsuzskii evroskeptitsizm: istoriya i sovremennost' [French Euroscepticism: History and the present time]. *Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo*, no. 10 (1), pp. 53–68. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-1-53-68. (In Russ.)

8. Chikhachev A.Yu. 2022. Frantsiya-2022: Raskolotoye obshchestvo i transformatsiya politicheskogo polya [France-2022: The divided society and reshaping of politics]. *Nauchno-analiticheskii vestnik Instituta Evropy RAN*, no. 26 (2), pp. 59–70. DOI: 10.15211/vestnikieran220225970. (In Russ.)

9. Anderson P.J. 2004. A flag of convenience? Discourse and motivation of the London-based Eurosceptic press. In: Harmsen R., Spiering M. (eds.). *Euroscepticism: Party politics, national identity and European integration*. Amsterdam, Rodopi, pp. 151–171.

10. Bache I. 2008. *Europeanization and multilevel governance: Cohesion policy in the European Union and Britain*. Lanham, Maryland, Rowman & Littlefield.

11. Baker D., Seawright D. 1998. *Britain for and against Europe*. Oxford, Clarendon Press.

12. Davies P. 1999. *The National Front in France*. London, Routledge.

13. Dunt I. 2016. *Brexit: What the hell happens now?* Kingston upon Thames, Canbury Press.

14. Ekeke L. 2018. *Europe's fault lines: Racism and the rise of far right*. London, Verso.

15. Gowland D., Turner A., Wright A. 2010. *Britain and European integration since 1945: On the sidelines*. London, Routledge.

16. Greenwood S. 1996. *Britain and European integration since the Second World War*. Manchester, Manchester University Press.

17. Hainsworth P., O'Brien C., Mitchell P. 2004. Defending the nation: The politics of Euroscepticism on the French right. In: Harmsen R., Spiering M. (eds.). *Euroscepticism: Party politics, national identity and European integration*. Amsterdam, Rodopi.

18. Harmsen R., Spiering M. 2004. Introduction. In: Harmsen R., Spiering M. (eds.). *Euroscepticism: Party politics, national identity and European integration*. Amsterdam, Rodopi, pp. 13–37.

19. Hoffmann S. 2001. Obstinate or obsolete? France, European Integration and the fate of the nation-state. In: Tiersky R. (ed.). *Euroscepticism: A reader*. Lanham, Rowman & Littlefield Publishers, pp. 157–185.

20. Joffe J. 2001. The Euro: The engine that couldn't. In: Tiersky R. (ed.). *Euroscepticism: A reader*. Lanham, Rowman & Littlefield Publishers, pp. 250–259.

21. Jones A. 2007. *Britain and the European Union*. Edinburgh, Edinburgh University Press.

22. Leconte C. 2010. *Understanding Euroscepticism*. London, Palgrave MacMillan.

23. Macshane D. 2016. *Brexit: How Britain left Europe*. London, I.B. Tauris.

24. May A. 1999. *Britain and Europe since 1945*. London, Longman.

25. Meyer N. 2013. *From Jean-Marie to Marine Le Pen: Electoral change on the far right*. Europe Solidaire sans Frontieres. Available at: <http://www.europe-solidaire.org/spip.php?article40229> (accessed: 17.12.2022).

26. Milbank J. 2020. Britain after Brexit: Retrospect and prospect. In: Chaplin J., Bradstock A. (eds.). *The future of Brexit Britain: Anglican reflections on national identity and European solidarity*. London, SPCK, pp. 159–171.

27. Oliver C. 2017. *Unleashing demons: The inside story of Brexit*. London, Quercus.

28. Prince R. 2017. *Theresa May: The enigmatic prime minister*. London, Biteback Publishing.

29. Roxburgh A. 2002. *Preachers of hate: The rise of the far-right*. London, Gibson Square Books Ltd.

30. Seldon A., Snowdon P. 2015. *Cameron at 10: The inside story 2010–2015*. London, William Collins.

31. Shipman T. 2016. *All out war: The full story of how Brexit sank Britain's political class*. London, William Collins.

32. Tsoukalis L. 2016. *In defence of Europe: Can European project be saved?* Oxford, Oxford University Press.

33. Wall S. 2008. *A stranger in Europe: Britain and the EU from Thatcher to Blair*. New York, Oxford University Press.

Статья поступила в редакцию 10.02.2022;
одобрена после рецензирования 15.08.2022;
принята к публикации 27.02.2023

The paper was submitted 10.02.2022;
approved after reviewing 15.08.2022;
accepted for publication 27.02.2023

«МЯГКАЯ СИЛА» В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

‘SOFT POWER’ IN WORLD POLITICS

DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-4-125-144

Научная статья / Research paper

А.Н. Марчуков*

ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ ЕС В США ПРИ АДМИНИСТРАЦИИ Д. ТРАМПА: ВЫЗОВЫ, КЛЮЧЕВЫЕ ПРОЕКТЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ

*Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Российский государственный аграрный университет —
МСХА им. К.А. Тимирязева»
127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49*

Публичная дипломатия является одним из важнейших внешнеполитических инструментов Евросоюза, позволяющих ему последовательно укреплять собственные позиции на международной арене. Особое место в зарубежной политике Брюсселя занимает выстраивание доверительных отношений с США, которые традиционно выступают ведущим торговым и военным партнером ЕС. Явное охлаждение в отношениях между официальными Брюсселем и Вашингтоном, обозначившееся с приходом к власти Д. Трампа, поставило Евросоюз перед необходимостью укрепления нетрадиционных каналов взаимодействия с американской общественностью. В этой связи большой исследовательский интерес представляет анализ попыток ЕС адаптировать свои программы публичной дипломатии в Соединенных Штатах к новым реалиям. В первом разделе обозначены политические, экономические, имиджевые и управленческие вызовы, с которыми столкнулись дипломаты ЕС на данном направлении в годы президентства Д. Трампа (2017–2020). Во втором разделе рассмотрены основные тематические приоритеты, механизмы и ключевые проекты публичной дипломатии Евросоюза, ориентированной на американскую общественность. Автор отмечает, что во взаимодействии с американской аудиторией публичная дипломатия ЕС в рассматриваемый период особое значение придавала информационно-разъяснительной деятельности,

* *Марчуков Александр Николаевич* — кандидат политических наук, доцент кафедры истории Российского государственного аграрного университета — МСХА им. К.А. Тимирязева (e-mail: alexander.marchukov@gmail.com).

использованию инструментов культурной дипломатии, а также разнообразным программам обменов, ориентированным на молодежь как на наиболее активную часть общества. Автор заключает, что, хотя европейским дипломатам и не удалось добиться качественного улучшения трансатлантических отношений в период президентства Д. Трампа, публичная дипломатия ЕС продемонстрировала устойчивость и адаптивность перед лицом неблагоприятных обстоятельств. Особого внимания заслуживают ряд инновационных программ, опыт реализации которых может оказать влияние на развитие публичной дипломатии ЕС в целом.

Ключевые слова: публичная дипломатия, цифровая дипломатия, культурная дипломатия, трансатлантические отношения, ЕС, США, ОВПБ, Д. Трамп, стратегическая коммуникация, «мягкая сила», общественное мнение

Для цитирования: Марчуков А.Н. Публичная дипломатия ЕС в США при администрации Д. Трампа: вызовы, ключевые проекты и результаты // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2022. Т. 14. № 4. С. 125–144. DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-4-125-144.

Alexander N. Marchukov

THE EU PUBLIC DIPLOMACY IN THE UNITED STATES UNDER THE D. TRUMP ADMINISTRATION: CHALLENGES, KEY PROJECTS AND OUTCOMES

*Russian State Agrarian University — Moscow Timiryazev Agricultural Academy
49 Timiryazevskaya str., Moscow, 127434*

Public diplomacy is one of the key foreign policy instruments of the European Union for strengthening its international stance. In that regard, Brussels pays special attention to ensuring trust-based relations with the United States, which traditionally acts as the EU's leading trade and military partner. The apparent cooling in transatlantic relations provoked by harmful rhetoric and practices of D. Trump administration forced the EU to focus on non-traditional channels of interacting with the American audience. In this context, the analysis of the EU's attempts to adapt its public diplomacy programmes in the United States to the new realities is of particular interest. The first section outlines the political, economic, administrative, and image risks faced by EU diplomats in this area during the presidency of D. Trump (2017–2020). The second section examines the main thematic priorities, mechanisms and projects of the EU public diplomacy aimed

at the American audience. The author argues that during the period under review the EU placed special emphasis on advocacy, cultural diplomacy, and exchange programmes for young people. The author concludes that, although European diplomats failed to achieve a qualitative improvement in transatlantic relations during D. Trump's tenure, the EU public diplomacy demonstrated resilience and flexibility in the face of adverse circumstances. Indeed, the EU diplomats proved their creativity in developing innovative programmes which can be instrumental for future development of the EU public diplomacy in general.

Keywords: public diplomacy, digital diplomacy, cultural diplomacy, transatlantic relations, EU, USA, Common Foreign and Security Policy, D. Trump, strategic communication, 'soft power', public opinion

About the author: Alexander N. Marchukov — PhD in Political Science, Associate Professor at the Chair of History, Russian State Agrarian University — Moscow Timiryazev Agricultural Academy (e-mail: alexander.marchukov@gmail.com).

For citation: Marchukov A.N. 2022. The EU public diplomacy in the United States under the D. Trump administration: Challenges, key projects and outcomes. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 14, no. 4, pp. 125–144. DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-4-125-144. (In Russ.)

На протяжении последних двух десятилетий Европейский союз настойчиво стремится усилить свои позиции на международной арене. При этом одним из важнейших инструментов внешней политики Брюсселя, направленных на обеспечение его глобального влияния, выступает публичная дипломатия [Публичная дипломатия..., 2017: 70–88] — деятельность, предполагающая достижение внешнеполитических целей государства за счет взаимодействия с зарубежной общественностью [Pamment, 2018]. Используя различные программы публичной дипломатии, сотрудники Европейской службы внешних связей (EEAS) настойчиво пытаются выстроить необходимые каналы влияния в отношении политических элит и массовой аудитории в странах пребывания [Хауер-Гюкаркина, 2017].

Подобная стратегия Евросоюза справедлива и для его дипломатической деятельности в США, которые исторически рассматриваются Брюсселем в качестве важнейшего партнера в сфере торговли, военной безопасности и научно-технического сотрудничества¹.

¹ Lewis P., Parakilas J., Schneider-Petsinger M. et al. The future of the United States and Europe: An irreplaceable partnership // Chatham House. The Royal Institute of

В этом контексте исследование публичной дипломатии ЕС в США при администрации Д. Трампа (2017–2020) представляется особенно интересным в силу ряда причин. Во-первых, наднациональные образования (ЕС, НАТО, БРИКС и др.) как акторы публичной дипломатии еще в недостаточной степени изучены академическим сообществом [Saliu, 2021; Fanoulis, Revelas, 2023]. Во-вторых, особый характер трансатлантическим отношениям также придает приверженность американцев и европейцев либеральным демократическим ценностям [Европейский союз в поисках глобальной роли..., 2015; Borrell, 2021]. Неудивительно, что в определяющем внешнеполитические приоритеты ЕС документе «Глобальная стратегия Европейского союза по внешней политике и политике безопасности» подчеркивается важность трансатлантического диалога и артикулируется готовность Брюсселя развивать кооперацию с США в сфере кибербезопасности, контртеррористической деятельности, в решении вопросов в области миграционных, энергетических и климатических вызовов². При этом выбранный кейс дает возможность изучить специфику реализации программ публичной дипломатии в «неблагоприятных» для данного вида дипломатической деятельности условиях (в ситуации, когда президент США и значительная часть его сторонников были весьма критично настроены в отношении ЕС и проводимой им политики³).

В целом американское направление публичной дипломатии ЕС освещено в современной научной литературе достаточно фрагментарно. Тем не менее есть ряд исследований, которые имеют большое значение для понимания отдельных особенностей данного вида дипломатической практики. Прежде всего, следует отметить работу немецкого политолога М. Тиля «Публичная дипломатия ЕС в США: социально-политические вызовы и Представительство ЕС», в которой он стремится показать, как внутриполитическая среда

International Affairs. April 2018. Available at: <https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/publications/research/2018-04-11-future-united-states-europe-irreplaceable-partnership.pdf> (accessed: 29.11.2022).

² Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy // The Diplomatic Service of the European Union. June 2016. Available at: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/eugs_review_web_0_0.pdf (accessed: 29.11.2022).

³ Opinion of the EU: Do you have a favorable or unfavorable view of the EU? Percent responding unfavorable // Global Indicators Database. Pew Research Center. March 2022. Available at: <https://www.pewresearch.org/global/database/indicator/28> (accessed: 29.11.2022).

оказывает влияние на работу публичных дипломатов ЕС в Америке [Thiel, 2023]. Весьма значимыми в данном контексте представляются также работы зарубежных исследователей Р. Троббиани, С. Шунца, И. Катсаровой, посвященные специфике культурной дипломатии ЕС в США⁴. Нельзя не упомянуть и вклад Х. Маурер и К. Раик, детально изучивших особенности координации усилий в сфере публичной дипломатии между представительством ЕС в Вашингтоне и странами — членами Евросоюза [Maurer, Raik, 2018]. И, наконец, стоит выделить статью Э. Боерс и Р. Хиггота «Ритмы влияния мягкой силы и трансатлантические отношения в области высшего образования», в которой подробно описывается использование Евросоюзом программ академического обмена как способа влияния Брюсселя на американскую общественность [Higgott, Boers, 2019].

Данное исследование посвящено изучению публичной дипломатии ЕС в эпоху Д. Трампа (2017–2020) — периода, который стал серьезным вызовом для трансатлантического партнерства. Научная новизна работы заключается в том, что автор стремится раскрыть особенности стратегии публичной дипломатии Евросоюза в США в условиях ухудшающихся двусторонних отношений Брюсселя и Вашингтона. Кроме того, выявлены основные препятствия для успешной реализации программ публичной дипломатии ЕС в Америке (в том числе и те, которые носят общесистемный характер и обнаруживаются в практике европейской публичной дипломатии в различных регионах мира). Методология исследования включает структурно-функциональный подход, позволяющий понять специфику имплементации программ публичной дипломатии Евросоюза в США. Эмпирической базой выступают официальные документы ЕС, а также экспертные доклады и публикации российских и зарубежных ученых.

⁴Katsarova I. Culture in EU-US relations // European Parliamentary Research Service. July 2017. Available at: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2017/608638/EPRS_BRI\(2017\)608638_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2017/608638/EPRS_BRI(2017)608638_EN.pdf) (accessed: 29.11.2022); Trobbiani R., Schunz S. The European Union's multi-level cultural diplomacy vis-à-vis the United States of America // UNU Institute on Comparative Regional Integration Studies. Working Paper 2018/7. Available at: <https://cris.unu.edu/sites/cris.unu.edu/files/W-2018-7.pdf> (accessed: 29.11.2022).

Ключевые вызовы для публичной дипломатии ЕС в США в эпоху Д. Трампа

Для полного понимания особенностей реализации программ публичной дипломатии Евросоюзом в Соединенных Штатах в период президентства Д. Трампа представляется целесообразным обрисовать для начала ключевые вызовы, с которыми столкнулись европейские дипломаты в этот период. Данные препятствия способствовали как созданию подходящей для «трамповской Америки» стратегии публичной дипломатии ЕС, так и ее дальнейшей корректировке.

Во-первых, следует упомянуть существовавшие в европейско-американских отношениях еще до прихода администрации Д. Трампа противоречия в сфере военной безопасности и экономики. Так, США на протяжении длительного периода времени критиковали ЕС за недостаточную поддержку деятельности НАТО, сетуя на то, что основные расходы на ее содержание приходится нести американскому государству. Подобная критика была оправданной, поскольку, несмотря на действующую среди стран — членов альянса договоренность выделять не менее 2% ВВП на нужды организации, всего лишь несколько европейских держав (Польша, Эстония, Греция и Великобритания) выполняли это обязательство [Уткин, 2018].

Что же касается экономических разногласий между Брюсселем и Вашингтоном (периодически отражавшихся в торговых спорах между ними), то они также имели давнюю историю [Smith, 2021]. Как представляется, провал переговоров о Трансатлантическом торговом и инвестиционном партнерстве, проходивших в 2013–2016 гг., достаточно ярко обрисовал различия в экономических приоритетах США и ЕС. Как утверждал американский президент Б. Обама, который активно продвигал этот проект, он должен был принести значительные экономические выгоды подписавшим его сторонам⁵. Однако в Евросоюзе не все эксперты с оптимизмом смотрели на Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство, полагая, что оно может негативно отразиться на отдельных отраслях экономики европейских стран (сельском хозяйстве, энергетике, финансовом секторе и др.) и усилит зависимость Брюсселя от Ва-

⁵ Independent study outlines benefits of EU-US trade agreement // European Commission. 12.03.2013. Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/MEMO_13_211 (accessed: 29.11.2022).

шингтона⁶. В этой связи весьма показательным стало заявление вице-канцлера и министра экономики Германии Зигмара Габриэля 28 августа 2016 г. о том, что «переговоры с США де-факто провалились» и европейцы «не должны позволять себе подчиняться американским предложениям»⁷.

Во-вторых, конечно же, нельзя не отметить новые вызовы для публичной дипломатии ЕС, связанные с политической риторикой и общим стилем поведения Д. Трампа. На протяжении всего периода своего нахождения у власти 45-й президент США довольно часто допускал крайне резкие высказывания, вызывавшие значительное недоумение и раздражение у европейских элит. Публично поддерживая Брекзит, критикуя НАТО и заявляя о необходимости для США выйти из состава альянса, обвиняя Брюссель в том, что тот является «противником» Вашингтона (особенно в сфере торговли), американский президент шаг за шагом подрывал и так хрупкую трансатлантическую солидарность [Шумилин, 2020].

Политическая практика Д. Трампа также способствовала обострению отношений между ЕС и США. Например, именно он стал инициатором выхода Вашингтона из переговоров о Трансатлантическом торговом и инвестиционном партнерстве в январе 2017 г., а спустя несколько месяцев по его инициативе США отказались от выполнения Парижского соглашения по климату, которое имело особую значимость для Евросоюза (его соблюдение позволяло бы гарантировать, что экономические конкуренты Брюсселя не будут получать преимущества в торговле за счет более низких экологических стандартов [Уткин, 2018]).

В 2018 г. Д. Трамп заявил о выходе Соединенных Штатов из Соглашения по иранской ядерной программе, которая давала европейскому бизнесу возможность развивать торговые отношения с Ираном, а также начал торговую войну с Китаем, установив пошлины

⁶ Яковлев П. Трансатлантическое партнерство: контекст, значение, проблемные аспекты // Сетевое издание Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы. 27.09.2016. Доступ: https://www.perspektivy.info/oykumena/amerika/transatlanticheskoe_partnerstvo_kontekst_znachenije_problemnnye_aspekty_2016-09-27.htm (дата обращения: 29.11.2022); Добров Д. Почему Обама спешит подписать договор о трансатлантическом партнерстве // РИА Новости. 29.04.2016. Доступ: <https://ria.ru/20160429/1423230975.html> (дата обращения: 29.11.2022).

⁷ Gabriel erklärt TTIP für 'de facto gescheitert' // Der Spiegel. 29.08.2016. Available at: <https://www.spiegel.de/wirtschaft/soziales/ttip-sigmar-gabriel-erklaert-verhandlungen-fuer-gescheitert-a-1109807.html> (accessed: 29.11.2022).

на ряд ввозимой из этой страны в США продукции (на июль 2018 г. список товаров из Китая включал 1333 наименования [Пак, 2020]). Затем он ввел 25% пошлины на импорт европейской стали и 10% пошлины на алюминий, что вызвало достаточно болезненную реакцию Евросоюза [Портанский, 2019], вынужденного ответить на этот шаг введением тарифов на определенные американские товары (джинсы, виски, арахисовое масло, апельсиновый сок, мотоциклы и др.).

По мнению британского исследователя М. Смита, политика Д. Трампа нанесла серьезный урон идее «либерального мирового порядка» (международного порядка, который подразумевал ведущую роль стран Запада в глобальном управлении) [Smith, 2021]. Его действия не только усилили раскол между ЕС и США, но и вынудили Брюссель искать способы более независимого от Вашингтона существования в мировой политике [Громыко, 2018].

В-третьих, нельзя забывать, что в период 2017–2020 гг. сам ЕС понес существенные имиджевые потери, обусловленные рядом причин. Прежде всего, негативно на глобальном образе Евросоюза сказались сотрясавшие Европу в последнее десятилетие кризисы (экономический и миграционный кризис, Брекзит, пандемия COVID-19 и др.). Кроме того, ослабление своей международной репутации европейские элиты связывали с усилиями отдельных стран (в первую очередь России и Китая), направленными на распространение, с их точки зрения, искаженной информации о событиях, происходящих в ЕС [Hedling, 2021]. В отношениях с США ситуация усугублялась тем фактом, что американская общественность традиционно мало интересуется зарубежной политикой, поэтому критическая риторика Д. Трампа в адрес Евросоюза могла иметь особенно сильный негативный эффект⁸.

Наконец, в-четвертых, на эти обстоятельства накладывались кадровые проблемы самой Европейской службы внешних связей (EEAS), а также неспособность дипломатов ЕС развивать эффективный диалог с зарубежной аудиторией. Вторая половина 2010-х годов стала временем активного внедрения цифровых инструментов в дипломатическую практику ведущих государств. Однако еще в 2015 г. EEAS столкнулась с глобальным дефицитом сотрудников, об-

⁸ Devlin K. Attitudes toward EU are largely positive, both within Europe and outside it // Pew Research Center. 21.10.2019. Available at: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2019/10/21/attitudes-toward-eu-are-largely-positive-both-within-europe-and-outside-it/> (accessed: 29.11.2022).

ладающих необходимыми цифровыми компетенциями [Duke, 2015]. Несмотря на всю серьезность данной проблемы, в последующие годы Евросоюз не сильно продвинулся в ее решении [Abratis, 2021; Сутырин, 2021; Марчуков, 2022]. Это обстоятельство, безусловно, ограничивало (и ограничивает сейчас) возможности публичной дипломатии ЕС, поскольку социальные медиа являются не только инструментом продвижения информации, но также полезны при оценке реакции аудитории на распространяемый контент.

Неспособность европейских дипломатов выстраивать эффективный диалог с локальной аудиторией проявлялась в их деятельности во многих регионах мира. В частности, речь идет об их склонности жестко насаждать собственную политико-идеологическую и культурную повестку [Melissen; 2013; Pammment, 2020], в основе которой лежит нескрываемая убежденность в собственном моральном превосходстве [Романова, Павлова, 2018; Song, Ai, 2023]. Такой подход предвещал серьезные трудности для публичной дипломатии Евросоюза в США, поскольку характерная для американской политической культуры идея о национальной исключительности заранее обрекала на провал любые попытки говорить с местной аудиторией с «менторских» позиций [Thiel, 2023].

Основные программы публичной дипломатии ЕС в США

Публичная дипломатия ЕС в США при администрации Д. Трампа реализовывалась посредством как традиционных для данного направления инструментов, так и ряда новых форматов. Следует сразу оговориться, что дальнейшее изложение будет опираться на классификацию, предложенную британским исследователем Н. Каллом, который выделил пять основных направлений публичной дипломатии: культурную дипломатию, программы обменов, информационно-разъяснительную деятельность (*advocacy*), международное вещание и изучение общественного мнения за рубежом (*listening*) [Cull, 2019]. Именно последний вид деятельности, по мнению известного ученого, имеет наибольшее значение в современной публичной дипломатии, поскольку открывает широкие возможности для построения диалога с зарубежной аудиторией [Cull, 2008] (такой диалог традиционно рассматривается многими влиятельными экспертами как необходимое условие для эффективной публичной дипломатии [Melissen, 2005; Cowan, Arsenault, 2008; Manor, 2016]).

Ключевая роль в организации программ европейской публичной дипломатии в США традиционно принадлежит Представительству ЕС в Вашингтоне. В годы президентства Д. Трампа специальный его отдел, ответственный за публичную дипломатию, стремился улучшить состояние трансатлантических отношений через взаимодействие с различными группами американского населения (лоббистами, представителями научно-исследовательского сообщества, бизнесменами, гражданскими активистами и др.). В задачи Представительства также входила координация усилий стран — членов ЕС в сфере публичной дипломатии.

Обращает на себя внимание активное использование европейскими дипломатами программ, ориентированных на информационно-разъяснительную деятельность. Так, одним из наиболее масштабных проектов в данной сфере следует считать инициативу «ЕС и США: знакомство с Европой» (The EU & US: Getting to know Europe), финансируемую Инструментом сотрудничества ЕС с третьими странами⁹. Данная программа грантов была направлена на повышение узнаваемости ЕС среди политических элит США (включая лидеров общественного мнения), а также среди местной молодежи за счет организации образовательных семинаров и круглых столов, проведения симуляционной игры «Модель ЕС» в ряде американских университетов, показа онлайн-презентаций и др.

Другим важным проектом следует считать ежегодно организуемый Представительством ЕС в Вашингтоне конкурс для старшеклассников «Евровывоз» (The Euro Challenge), в ходе которого американские школьники соревновались между собой в знании финансовой и денежно-кредитной политики ЕС¹⁰. Схожую цель преследовала запущенная в 2017 г. инициатива «Вызов Шумана» (The Shuman Challenge), позволяющая американским студентам смоделировать реакцию ЕС на тот или иной глобальный или региональный вызов и представить свою позицию экспертной комиссии, состоящей из ведущих европейских и американских дипломатов¹¹.

⁹ EU Partnership Instrument // European Commission. Available at: <https://partnership-instrument-map.ec.europa.eu/#:~:text=The%20PI's%20budget%20for%202014,strategic%20interest%20to%20the%20EU> (accessed: 29.11.2022).

¹⁰ Euro Challenge. Official website. Available at: <https://www.euro-challenge.org/> (accessed: 29.11.2022).

¹¹ The Schuman Challenge // Delegation of the European Union to the United States of America. 30.03.2022. Available at: https://www.eeas.europa.eu/delegations/united-states-america/schuman-challenge_en (accessed: 29.11.2022).

Значительная роль в распространении информации о европейской интеграции среди американского студенчества и профессорско-преподавательского состава принадлежала программе Жана Монне, с помощью которой поддерживалось создание центров изучения ЕС при университетских кампусах, предоставлялись гранты на научные исследования, оказывалось содействие в организации научных мероприятий и др. [De Martino, 2015; Еремина, 2020]. Среди постоянных грантополучателей программы были такие учебные заведения, как Вашингтонский университет, Флоридский международный университет, Калифорнийский университет в Беркли и др.

На повышение узнаваемости Европейского союза среди американцев был направлен и проект «Политика ЕС и информационно-просветительское партнерство в США» (The EU Policy and Outreach Partnership in USA), бюджет которого за период с 2016 по 2021 г. составил почти 6 млн евро¹². Одной из его ключевых целей было сближение позиций европейских и американских элит по различным вопросам общественно-политической тематики (изменению климата, правам сексуальных меньшинств, смертной казни и др.).

Помимо информационно-разъяснительных программ дипломаты ЕС в США также использовали и проекты в сфере культурной дипломатии, рассчитанные прежде всего на широкую общественность. Одним из таких проектов выступал Европейский детский фестиваль (Kids Euro Fest), который ежегодно проводился в Вашингтоне с 2006 г.¹³ Данное мероприятие давало тысячам американских детей и их родителей возможность познакомиться с известными европейскими детскими театральными постановками, мультипликацией, изобразительным искусством.

Другим ярким примером культурной дипломатии Брюсселя в США стало ежегодное с 2017 г. участие ЕС в знаменитом американском фестивале «На юг через юго-запад» (South by Southwest; SXSW) в г. Остине, которое призвано было познакомить посетителей с европейской продукцией в сфере музыки, кино и цифровых тех-

¹² EU Partnership Instrument // European Commission. Available at: <https://partnership-instrument-map.ec.europa.eu/#::~text=The%20PI's%20budget%20for%202014, strategic%20interest%20to%20the%20EU> (accessed: 29.11.2022).

¹³ Kids Euro Fest // Delegation of the European Union to the United States of America. 16.09.2020. Available at: https://www.eeas.europa.eu/delegations/united-states-america/kids-euro-fest_en?s=253 (accessed: 29.11.2022).

нологий¹⁴. Помимо этого фестиваль стал популярной площадкой для общественно-политических дискуссий между европейскими и американскими экспертами на различные темы (вопросы устойчивого развития, цифровой трансформации, дезинформации и др.).

В целом в организации культурных мероприятий была весьма заметна роль Представительства ЕС в Вашингтоне, которое регулярно знакомило широкую общественность с европейским культурным наследием (музыкой, живописью, архитектурой и пр.), в том числе при посредничестве отдельных стран-членов. Помимо этого важный вклад в продвижение европейской культуры в США вносило также Объединение институтов культуры стран Европейского союза (EUNIC), являющееся с 2017 г. официальным партнером ЕЕАС¹⁵. В США действовали четыре кластера EUNIC (в Сан-Франциско, Чикаго, Нью-Йорке и Вашингтоне), в состав которых входили как культурные организации (например, Альянс Франсез, Австрийский культурный форум, Институт им. Гёте, Венгерский культурный центр, Итальянский институт культуры и др.), так и дипломатические институты стран — членов ЕС (консульства Словакии, Португалии, Эстонии; посольства Кипра, Польши, Швеции, Испании и др.). Представители EUNIC в США регулярно организовывали мероприятия, направленные на продвижение европейской культуры среди американской общественности (театральные фестивали, музыкальные представления, выставки художников и др.).

Еще одним важным направлением публичной дипломатии ЕС в США стали программы обмена. Среди них следует упомянуть всемирно известный проект «Эразмус» [De Martino, 2020], позволявший студентам и преподавателям из Европы и Америки знакомиться с образовательными системами друг друга посредством научных стажировок и обучения. В период президентства Д. Трампа наблюдалось увеличение числа американских студентов, отобранных в рамках данной программы для обучения в магистратуре европейских университетов¹⁶.

¹⁴ EU Partnership Instrument // European Commission. Available at: <https://partnership-instrument-map.ec.europa.eu/#:~:text=The%20PI's%20budget%20for%202014,strategic%20interest%20to%20the%20EU> (accessed: 29.11.2022).

¹⁵ Map. Network worldwide // European Union National Institutes for Culture. Available at: <https://eunicglobal.eu/map> (accessed: 29.11.2022).

¹⁶ Erasmus+ for higher education in USA // European Commission. January 2020. Available at: https://ec.europa.eu/assets/eac/erasmus-plus/factsheets/america-caribbean/us-erasmusplus_2019.pdf (accessed: 29.11.2022).

С самого начала работы администрации Д. Трампа сотрудники Представительства ЕС в Вашингтоне инициировали создание новой специальной площадки для коммуникации молодежной аудитории по обе стороны Атлантики — Американо-европейского семинара молодых лидеров (EU-US Young Leaders Seminar). В рамках его работы ежегодно обсуждались важнейшие проблемы, которые стояли тогда перед США и ЕС (миграция, будущее городов, дезинформация и др.)¹⁷.

Кроме того, Представительство ЕС в Вашингтоне стремилось выстраивать доверительные отношения с американским гражданским обществом. Именно с этой целью европейские дипломаты регулярно организовывали деловые встречи, направленные на поиск новых решений в сфере энергетики и климатической политики. Например, в период с 2017 по 2019 г. при участии Представительства ЕС в Вашингтоне проводились разнообразные конференции и семинары, посвященные будущему энергетики¹⁸.

Исходя из изученных данных, можно сделать вывод, что стратегия публичной дипломатии ЕС в США при администрации Д. Трампа базировалась на использовании программ обмена, культурной дипломатии и информационно-разъяснительной деятельности. Что же касается мониторинга общественного мнения и программ международного вещания, то их вклад был весьма скромным (только ряд проектов, организованных Представительством ЕС (например, «ЕС и США: знакомство с Европой») предполагали опросы общественного мнения, а ключевой информационный инструмент ЕС — телеканал Euronews был доступен только в интернете).

* * *

Проведенный анализ показывает, что дипломаты Евросоюза достаточно четко понимали проявившиеся в 2017–2020 гг. противоречия в трансатлантических отношениях и стремились их преодолеть. Представительство ЕС в Вашингтоне в рассматриваемый период запустило ряд новых программ в сфере обменов, нацеленных на активную часть гражданского общества, в том числе молодежь. Нельзя не заметить стремление европейских дипломатов обсуждать

¹⁷ EU-US Young Leaders Seminar // Fulbright Schuman Program. Available at: <https://www.fulbrightschuman.eu/young-leaders-seminar/> (accessed: 29.11.2022).

¹⁸ EU Partnership Instrument // European Commission. Available at: <https://partnership-instrument-map.ec.europa.eu/#:~:text=The%20PI's%20budget%20for%202014,strategic%20interest%20to%20the%20EU> (accessed: 29.11.2022).

с американской общественностью наиболее проблемные для двусторонних отношений в период президентства Д. Трампа вопросы: коллективной безопасности, экологических рисков, дезинформации.

Вполне понятным выглядит особое внимание Евросоюза к программам в сфере информационно-разъяснительной деятельности, учитывая его имиджевые потери, в том числе в связи с критикой Д. Трампом внутренней и внешней политики Брюсселя. Сложно оценить результаты данной работы, тем не менее опросы общественного мнения свидетельствует о том, что в период с 2016 по 2020 г. число американцев, относящихся положительно к ЕС, выросло на 6%¹⁹.

На поддержание положительного имиджа Европейского союза в США была направлена и культурная дипломатия Брюсселя, ориентированная прежде всего на широкую публику. Хотя среди практиков публичной дипломатии и существует достаточно скептическое отношение к коммуникации с массовой аудиторией (учитывая тот факт, что зачастую культурная дипломатия воспринимается как взаимодействие исключительно с элитарной частью общества), было бы ошибкой не учитывать ее значимость для достижения внешнеполитических задач государства. Особенно ценна ее роль в развитых демократических государствах (к каковым, безусловно, нужно отнести и США), поскольку она имеет широкие возможности для оказания влияния на решения правительства.

В целом, оценивая публичную дипломатию ЕС в США в эпоху Д. Трампа, можно констатировать, что хотя используемых европейскими дипломатам программ оказалось в итоге недостаточно, чтобы качественно улучшить трансатлантические отношения, она в этот период продемонстрировала достаточную гибкость и устойчивость, хотя в подобных «неблагоприятных» обстоятельствах существовал соблазн значительно сократить объем деятельности в данной сфере. Представительство ЕС в Вашингтоне также проявило определенную креативность (разработка таких программ, как «The Shuman Challenge», «The EU-US Young Leaders Seminars», проекты в рамках фестиваля «South by Southwest» и др.) и гибкость, вовремя поняв, что «менторский» стиль общения с аудиторией, привычный для публичной дипломатии ЕС в других регионах мира (например,

¹⁹ Opinion of the EU: Do you have a favorable or unfavorable view of the EU? Percent responding unfavorable // Global Indicators Database. Pew Research Center. March 2022. Available at: <https://www.pewresearch.org/global/database/indicator/28> (accessed: 29.11.2022).

в Восточной Европе [Chaban, Elgström, 2020; Nitoiu, Pasatoiu, 2023]), неприменим в США. Вместо этого акцент был сделан на объединяющих Вашингтон и Брюссель ценностях и принципах, а также общих политико-экономических вызовах.

Как представляется, опыт публичной дипломатии ЕС в США в рассматриваемый период свидетельствует о том, что в условиях натянутых двусторонних отношений традиционные подходы явно оказываются недостаточными. Можно ожидать, что этот опыт побудит Евросоюз пересмотреть собственные подходы к реализации публичной дипломатии в целом, сделав больший акцент на разработке инновационных проектов, учете общественного мнения за рубежом и тщательной оценке эффективности дипломатических усилий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Громыко А.А. Расколотый Запад: последствия для Евроатлантики // Современная Европа. 2018. № 4 (83). С. 5–16. DOI: 10.15211/soveurope420180516.
2. Европейский союз в поисках глобальной роли: политика, экономика, безопасность / Под общ. ред. А.А. Громыко, М.Г. Носова. М.: Весь мир, 2015.
3. Еремина Я.В. «Мягкая сила» в политике Европейского союза: образовательный компонент // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2020. № 3 (25). С. 106–121.
4. Марчуков А.Н. Современные вызовы для публичной дипломатии ЕС // Современная Европа. 2022. № 6 (113). С. 51–66. DOI: 10.31857/S0201708322060043.
5. Пак С. Торговая война Китая и США: что будет с китайской экономикой? // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2020. Т. 15. № 2. С. 213–235. DOI: 10.17323/1996-7845-2020-02-10.
6. Портанский А.П. США — Европа: союзнические отношения под угрозой // Современная Европа. 2019. № 6 (92). С. 30–40. DOI: 10.15211/soveurope620193039.
7. Публичная дипломатия: теория и практика / Отв. ред. М.М. Лебедева. М.: Аспект Пресс, 2017.
8. Романова Т., Павлова Е. От гражданской и нормативной силы к стрессоустойчивости? Эволюция идейных основ внешней деятельности ЕС // Международные процессы. 2018. Т. 16. № 2 (53). С. 73–90. DOI: 10.17994/1T.2018.16.2.53.5.
9. Сутырин В.В. Трансформация публичной дипломатии ЕС: от содержательного кризиса к повестке внешней угрозы // Современная Европа. 2021. № 6 (106). С. 17–29. DOI: 10.15211/soveurope620211729.

10. Уткин С.В. «Фактор Трампа» в трансатлантических отношениях: реакция Европейского союза // Проблемы европейской безопасности. 2018. № 3. С. 25–46.

11. Хауер-Тюкаркина О.М. Современная имиджевая политика Европейского союза. М.: Горячая линия — Телеком, 2017.

12. Шумилин А.И. Евросоюз — США: на пути к «новой нормальности» // Современная Европа. 2020. № 5 (98). С. 54–64. DOI: 10.15211/souveurope520205464.

13. Abratis J. Communicating Europe abroad: EU delegations and public diplomacy. Los Angeles: Figueroa Press, 2021.

14. Borrell J.F. European foreign policy in times of COVID-19. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2021. Available at: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/630ef499-8d1b-11eb-b85c-01aa75ed71a1/language-en> (accessed: 29.11.2022).

15. Chaban N., Elgström O. A perceptual approach to EU public diplomacy: Investigating collaborative diplomacy in EU-Ukraine relations // The Hague Journal of Diplomacy. 2020. Vol. 15. No. 4. P. 488–516. DOI: 10.1163/1871191X-BJA10029.

16. Cowan G., Arsenault A. Moving from monologue to dialogue to collaboration: The three layers of public diplomacy // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2008. Vol. 616. No. 1. P. 10–30. DOI: 10.1177/0002716207311863.

17. Cull N. Public diplomacy: Foundations for global engagement in the digital age. Cambridge: Polity Press, 2019.

18. Cull N. Public diplomacy: Taxonomies and histories // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2008. Vol. 616. No. 1. P. 31–54. DOI: 10.1177/0002716207311952.

19. De Martino M. The Jean Monnet programme as a tool to reinforce the role of the EU as a regional and global actor // RUDN Journal of Political Science. 2015. No. 1. P. 28–38. DOI: 10.22363/2313-1438-2015-1-28-38.

20. De Martino M. Promotion of political values through international programs of academic mobility // RUDN Journal of Political Science. 2020. Vol. 22. No. 2. P. 312–319. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-2-312-319.

21. Duke S. Diplomatic training in the European Union // The European External Action Service: European diplomacy Post-Westphalia / Ed. by D. Spence, J. Bátora. London: Palgrave Macmillan, 2015. P. 403–418.

22. Fanoulis E., Revelas K. The conceptual dimensions of EU public diplomacy // Journal of Contemporary European Studies. 2023. Vol. 31. No. 1. P. 50–62. DOI: 10.1080/14782804.2022.2043836.

23. Hedling E. Transforming practices of diplomacy: The European External Action Service and digital disinformation // International Affairs. 2021. Vol. 97. No. 3. P. 841–859. DOI: 10.1093/ia/iia035.

24. Higgott R., Boers E. Rhythms of soft power influence and transatlantic higher education relations // *European Foreign Affairs Review*. 2019. Vol. 24. No. 2 (1). P. 119–136. DOI: 10.54648/eerr2019022.

25. Manor I. Are we there yet: Have MFAs realized the potential of digital diplomacy? Results from a cross-national comparison. Leiden: Brill, 2016.

26. Maurer H., Raik K. Neither fish nor fowl. How EU delegations challenge the institution of diplomacy: The cases of Moscow and Washington // *The Hague Journal of Diplomacy*. 2018. Vol. 13. No. 1. P. 57–74. DOI: 10.1163/1871191x-13010034.

27. Melissen J. Conclusions and recommendations on public diplomacy in Europe // *European public diplomacy: Soft power at work* / Ed. by M.K. Davis Cross, J. Melissen. London: Palgrave Macmillan, 2013. P. 204–212.

28. Melissen J. The new public diplomacy: Between theory and practice // *The new public diplomacy. Studies in diplomacy and international relations* / Ed. by J. Melissen. London: Palgrave Macmillan, 2005. P. 3–27.

29. Nitoiu C., Pasatoiu F. Public diplomacy and the persistence of the conflict and cooperation dichotomy in EU-Russia relations // *Journal of Contemporary European Studies*. 2023. Vol. 31. No. 1. P. 21–34. DOI: 10.1080/14782804.2022.2100983.

30. Pamment J. The EU's role in fighting disinformation: Taking back the initiative. Future trends, future solutions // *Carnegie Endowment for International Peace*. 15.07.2020. Available at: https://carnegieendowment.org/files/Pamment_-_Future_Threats.pdf (accessed: 29.11.2022).

31. Pamment J. Public diplomacy // *The international encyclopedia of strategic communication* / Ed. by R.L. Heath, W. Johansen. Hoboken: John Wiley & Sons, Inc., 2018. P. 1–9.

32. Saliu H. The specifics and complexity of EU public diplomacy // *Social Science Forum*. 2021. Vol. 37. No. 96–97. P. 189–207. DOI: 10.2139/ssrn.3935983.

33. Smith M. The EU and the United States: Competition, convergence, and crisis in a strategic relationship // *The European Union's strategic partnerships* / Ed. by L.C. Ferreira-Pereira, M. Smith. London: Palgrave Macmillan, 2021. P. 97–120.

34. Song W., Ai W. Role conflict, its compromise, and the European Union's public diplomacy in China // *Journal of Contemporary European Studies*. 2023. Vol. 31. No. 1. P. 35–49. DOI: 10.1080/14782804.2022.2056731.

35. Thiel M. EU public diplomacy in the United States: Sociopolitical challenges & EU delegation agency // *Journal of Contemporary European Studies*. 2023. Vol. 31. No. 1. P. 8–20. DOI: 10.1080/14782804.2022.2084049.

REFERENCES

1. Gromyko A.A. 2018. Raskoloty Zapad: posledstviya dlya Evroatlantiki [The West divided: Consequences for Euro-Atlantic]. *Contemporary Europe*, no. 4 (83), pp. 5–16. DOI: 10.15211/soveurope420180516. (In Russ.)
2. Gromyko A.A., Nosov M.G. (eds.). 2015. *Evropeiskii soyuz v poiskakh global'noi roli: politika, ekonomika, bezopasnost'* [The European Union in search of a global role: Politics, economics, security]. Moscow, Ves' mir Publ. (In Russ.)
3. Eremina Ya.V. 2020. 'Myagkaya sila' v politike Evropeiskogo soyuza: obrazovatel'nyi component ['Soft power' in the politics of the European Union: Educational aspects]. *Vestnik Diplomaticheskoi akademii MID Rossii. Rossiya i mir*, no. 3 (25), pp. 106–121. (In Russ.)
4. Marchukov A.N. 2022. Sovremennye vyzovy dlya publichnoi diplomatii ES [Contemporary challenges for EU public diplomacy]. *Contemporary Europe*, no. 6 (113), pp. 51–66. DOI: 10.31857/S0201708322060043. (In Russ.)
5. Pak S. 2020. Torgovaya voina Kitaya i SShA: chto budet s kitaiskoi ekonomikoi? [Trade conflict between the U.S. and China: What are the impacts on the Chinese economy?]. *International Organisations Research Journal*, vol. 15, no. 2, pp. 213–235. DOI: 10.17323/1996-7845-2020-02-10. (In Russ.)
6. Portanskii A.P. 2019. SShA — Evropa: Soyuznicheskie otnosheniya pod ugrozoi [US-Europe: Allied relations under threat]. *Contemporary Europe*, no. 6 (92), pp. 30–40. DOI: 10.15211/soveurope620193039. (In Russ.)
7. Lebedeva M.M. (ed.). 2017. *Publichnaya diplomatiya: teoriya i praktika* [Public diplomacy: Theory and practice]. Moscow, Aspekt Press Publ. (In Russ.)
8. Romanova T., Pavlova E. 2018. Ot grazhdanskoi i normativnoi sily k stressoustoichivosti? Evolyutsiya ideinykh osnov vneshnei deyatel'nosti ES [From civilian and normative power to resilience: Ideational foundations of the EU's external policy]. *International Trends*, vol. 16, no. 2 (53), pp. 73–90. DOI: 10.17994/IT.2018.16.2.53.5. (In Russ.)
9. Sutyurin V.V. 2021. Transformatsiya publichnoi diplomatii ES: ot soderzhatel'nogo krizisa k povestke vneshnei ugrozy [EU public diplomacy transformation: From the crisis of substance to external threat]. *Contemporary Europe*, no. 6 (106), pp. 17–29. DOI: 10.15211/soveurope620211729. (In Russ.)
10. Utkin S.V. 2018. 'Faktor Trampa' v transatlanticheskikh otnosheniyakh: reaktsiya Evropeiskogo soyuza [The Trump's factor in transatlantic relations: European Union reaction]. *Problemy evropeiskoi bezopasnosti*, no. 3, pp. 25–46. (In Russ.)
11. Khauer-Tyukarkina O.M. 2017. *Sovremennaya imidzhevaya politika Evropeiskogo soyuza* [Modern image policy of the European Union]. Moscow, Goryachaya liniya — Telekom Publ. (In Russ.)

12. Shumilin A.I. 2020. Evrosoyuz — SShA: na puti k 'novoi normal'nosti' [European Union — USA: On the way to a 'new normality']. *Contemporary Europe*, no. 5 (98), pp. 54–64. DOI: 10.15211/soveurope520205464. (In Russ.)
13. Abratis J. 2021. *Communicating Europe abroad: EU delegations and public diplomacy*. Los Angeles, Figueroa Press.
14. Borrell J.F. 2021. *European foreign policy in times of COVID-19*. Luxembourg, Publications Office of the European Union. Available at: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/630ef499-8d1b-11eb-b85c-01aa75ed71a1/language-en> (accessed: 29.11.2022).
15. Chaban N., Elgström O. 2020. A perceptual approach to EU public diplomacy: Investigating collaborative diplomacy in EU-Ukraine relations. *The Hague Journal of Diplomacy*, vol. 15, no. 4, pp. 488–516. DOI: 10.1163/1871191X-BJA10029.
16. Cowan G., Arsenaault A. 2008. Moving from monologue to dialogue to collaboration: The three layers of public diplomacy. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, vol. 616, no. 1, pp. 10–30. DOI: 10.1177/0002716207311863.
17. Cull N. 2019. *Public diplomacy: Foundations for global engagement in the digital age*. Cambridge, Polity Press.
18. Cull N. 2008. Public diplomacy: Taxonomies and histories. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, vol. 616, no. 1, pp. 31–54. DOI: 10.1177/0002716207311952.
19. De Martino M. 2015. The Jean Monnet programme as a tool to reinforce the role of the EU as a regional and global actor. *RUDN Journal of Political Science*, no. 1, pp. 28–38. DOI: 10.22363/2313-1438-2015-1-28-38.
20. De Martino M. 2020. Promotion of political values through international programs of academic mobility. *RUDN Journal of Political Science*, vol. 22, no. 2, pp. 312–319. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-2-312-319.
21. Duke S. 2015. Diplomatic training in the European Union. In: Spence D., Batora J. (eds.). *The European External Action Service: European diplomacy Post-Westphalia*. London, Palgrave Macmillan, pp. 403–418.
22. Fanoulis E., Revelas K. 2023. The conceptual dimensions of EU public diplomacy. *Journal of Contemporary European Studies*, vol. 31, no. 1, pp. 50–62. DOI: 10.1080/14782804.2022.2043836.
23. Hedling E. 2021. Transforming practices of diplomacy: The European External Action Service and digital disinformation. *International Affairs*, vol. 97, no. 3, pp. 841–859. DOI: 10.1093/ia/iia035.
24. Higgott R., Boers E. 2019. Rhythms of soft power influence and transatlantic higher education relations. *European Foreign Affairs Review*, vol. 24, no. 2 (1), pp. 119–136. DOI: 10.54648/eerr2019022.
25. Manor I. 2016. *Are we there yet: Have MFAs realized the potential of digital diplomacy? Results from a cross-national comparison*. Leiden, Brill.

26. Maurer H., Raik K. 2018. Neither fish nor fowl. How EU delegations challenge the institution of diplomacy: The cases of Moscow and Washington. *The Hague Journal of Diplomacy*, vol. 13, no. 1, pp. 57–74. DOI: 10.1163/1871191x-13010034.

27. Melissen J. 2013. Conclusions and recommendations on public diplomacy in Europe. In: Davis Cross M.K., Melissen J. (eds.). *European public diplomacy: Soft power at work*. London, Palgrave Macmillan, pp. 204–212.

28. Melissen J. 2005. The new public diplomacy: Between theory and practice. In: Melissen J. (ed.). *The new public diplomacy. Studies in diplomacy and international relations*. London, Palgrave Macmillan, pp. 3–27.

29. Nitoiu C., Pasatoiu F. 2023. Public diplomacy and the persistence of the conflict and cooperation dichotomy in EU-Russia relations. *Journal of Contemporary European Studies*, vol. 31, no. 1, pp. 21–34. DOI: 10.1080/14782804.2022.2100983.

30. Pamment J. 2020. *The EU's role in fighting disinformation: Taking back the initiative. Future trends, future solutions*. Carnegie Endowment for International Peace. Available at: https://carnegieendowment.org/files/Pamment_-_Future_Threats.pdf (accessed: 29.11.2022).

31. Pamment J. 2018. Public diplomacy. In: Heath R.L., Johansen W. (eds.). *The international encyclopedia of strategic communication*. Hoboken, John Wiley & Sons, Inc., p. 1–9.

32. Saliu H. 2021. The specifics and complexity of EU public diplomacy. *Social Science Forum*, vol. 37, no. 96–97, pp. 189–207. DOI: 10.2139/ssrn.3935983.

33. Smith M. 2021. The EU and the United States: Competition, convergence, and crisis in a strategic relationship. In: Ferreira-Pereira L.C., Smith M. (eds.). *The European Union's strategic partnerships*. London, Palgrave Macmillan, pp. 97–120.

34. Song W., Ai W. 2023. Role conflict, its compromise, and the European Union's public diplomacy in China. *Journal of Contemporary European Studies*, vol. 31, no. 1, pp. 35–49. DOI: 10.1080/14782804.2022.2056731.

35. Thiel M. 2023. EU public diplomacy in the United States: Sociopolitical challenges & EU delegation agency. *Journal of Contemporary European Studies*, vol. 31, no. 1, pp. 8–20. DOI: 10.1080/14782804.2022.2084049.

Статья поступила в редакцию 02.12.2022;
одобрена после рецензирования 25.01.2023;
принята к публикации 12.03.2023

The paper was submitted 02.12.2022;
approved after reviewing 25.01.2023;
accepted for publication 12.03.2023

Ван Юйфэй*

**ПРАКТИКА ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ КНР
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ:
СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, ВЫЗОВЫ
И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Регион Центральной Азии, обладая богатыми запасами энергоресурсов и уникальным геополитическим положением, занимает важное место в современной внешнеполитической стратегии КНР. При этом, несмотря на подчеркнутое внимание китайских исследователей к проблематике «мягкой силы» и публичной дипломатии, этот аспект внешней политики Пекина в отношении центральноазиатских республик остается сравнительно менее изученным. Именно эту лакуну и призвана отчасти заполнить данная статья. В первом разделе дано определение понятия «публичная дипломатия», рассмотрены эволюция связанного с ним дискурса в Китае и теоретические подходы китайских исследователей к данной концепции. Во втором разделе выявлены причины актуализации инструментария публичной дипломатии во внешней политике КНР в отношении стран Центральной Азии в последние годы. Показано, что быстрое укрепление экономического и политического сотрудничества Китая со странами региона не сопровождалось пропорциональным улучшением китайского имиджа в глазах местного населения, напротив, наблюдался устойчивый рост синофобии. В этих условиях и в контексте запуска инициативы «Пояс и путь» КНР стала уделять повышенное внимание инструментам публичной дипломатии. В третьем разделе обозначены основные направления реализации программ публичной дипломатии в государствах рассматриваемого региона: PR-дипломатия, СМИ-дипломатия и гуманитарная дипломатия. В заключительном разделе выявлены эндогенные и экзогенные вызовы, с которыми сталкивается публичная дипломатия КНР в странах Центральной Азии на современном этапе. Автор отмечает, что конкурен-

* Ван Юйфэй — аспирант факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: wufempire@gmail.com).

тоспособность и эффективность китайской публичной дипломатии могут быть повышены за счет расширения сотрудничества в гуманитарной сфере, применения цифровых технологий и медиа 2.0, а также активного вовлечения неправительственных коммерческих и некоммерческих акторов во взаимодействие с региональной общественностью. Автор приходит к выводу, что центральноазиатский вектор китайской публичной дипломатии будет приобретать всё большую значимость, несмотря на указанные проблемы.

Ключевые слова: Китай, Центральная Азия, публичная дипломатия, «мягкая сила», стратегическая коммуникация, цифровая дипломатия, общественное мнение, инициатива «Пояс и путь», Си Цзиньпин

Для цитирования: Ван Юйфэй. Практика публичной дипломатии КНР в Центральной Азии: современное состояние, вызовы и перспективы развития // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2022. Т. 14. № 4. С. 145–172. DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-4-145-172.

Wang Yufei

**PRC'S PUBLIC DIPLOMACY PRACTICE
IN CENTRAL ASIA:
CURRENT SITUATION, CHALLENGES AND PROSPECTS**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The Central Asian region, with its rich reserves of energy resources and unique geopolitical position, is of particular importance for the modern foreign policy strategy of the People's Republic of China. At the same time, the PRC's public diplomacy and soft power in the Central Asian republics remain relatively understudied, despite the overall emphasis given to these issues by the Chinese researchers. It is this gap that this paper is partly intended to fill. The first section of the paper examines the evolution of the discourse on 'public diplomacy' in China and its perception in the Chinese academic community. The second section identifies the reasons for mainstreaming public diplomacy agenda in China's foreign policy towards the Central Asian countries in recent years. The author shows that enhancement of economic and political cooperation between China and regional countries was not matched by a concurrent improvement of the China's public image, on the contrary there has been a noticeable rise in

Sinophobia. It was against this background that the PRC turned its attention to the use of public diplomacy tools as it launched the Belt and Road Initiative. The third section outlines the main thrusts of the Chinese public diplomacy in the region, including PR-diplomacy, media-diplomacy and humanitarian diplomacy. The final section identifies both the endogenous and exogenous challenges faced by the PRC's public diplomacy in the Central Asian countries. The author argues that the competitiveness and effectiveness of China's public diplomacy could be increased through expanding cooperation in the humanitarian sphere, implementation of digital technologies and media 2.0, as well as by increased engagement of non-governmental commercial and non-profit actors in interaction with the regional public. Either way, the author concludes that the Central Asian region will play an increasing role in the Chinese public diplomacy.

Keywords: China, Central Asia, public diplomacy, 'soft power', strategic communication, digital diplomacy, public opinion, Belt and Road Initiative, Xi Jinping

About the author: Wang Yufei — PhD Candidate, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University (e-mail: wyfempire@gmail.com).

For citation: Wang Yufei. 2022. PRC's public diplomacy practice in Central Asia: Current situation, challenges and prospects. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 14, no. 4, pp. 145–172. DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-4-145-172. (In Russ.)

Всё больше исследователей обращают внимание на публичную дипломатию как основной инструмент «мягкой силы» — концепции, сформулированной Дж. Наем в 1990 г. [Бахриев, 2018; Наумов, 2021]. Особый интерес ученых в области международных отношений вызывает публичная дипломатия КНР — одного из ведущих игроков на международной арене.

Особенностям реализации китайской публичной дипломатии посвящено значительное число исследований. Так, в статье С.В. Кривохиж рассмотрены причины повышенного интереса руководства КНР к концепции «мягкой силы» и выявлена специфика китайского подхода к теоретической разработке и применению этой идеи на практике [Кривохиж, 2012]. По мнению Ц. Вана, особенности публичной дипломатии Китая и ее методы на современном этапе объясняются историей китайской внешнеполитической практики [Ван Ц., 2021]. Л. Лай подчеркивает значимость фактора «первой леди» в публичной дипломатии КНР [Лай, 2017].

После выдвижения китайским руководством инициативы по созданию глобальной инвестиционной и транспортной инфраструктуры «Один пояс, один путь» (ОПОП) в 2013 г. значительную часть публичной дипломатии КНР составили усилия по качественному улучшению государственного имиджа среди населения стран — потенциальных участников транснационального проекта. Изменение региональных и страновых акцентов в китайской дипломатической практике привлекло внимание академического сообщества. В частности, С. Лилэй и Ц. Чжао рассмотрели преимущества и недостатки реализации китайской культурной дипломатии в регионе Центральной и Восточной Европы [Lilei, Zhao, 2018]. В период с 2018 по 2021 г. Институт глобальных исследований при Колледже Уильяма и Марии выпустил ряд аналитических докладов о практиках китайской публичной дипломатии в странах Южной и Центральной Азии [Custer et al., 2019, 2021]. Некоторые исследователи сосредоточились на изучении посреднической роли Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР) в процессе формирования положительного образа Китая у мусульманского населения Казахстана, проживающего на китайско-казахстанской границе [Klimeš, 2021].

На фоне пандемии COVID-19 публичная дипломатия многих стран столкнулась с новыми ограничениями и вызовами. Поскольку первая вспышка заболеваемости вирусом нового типа была зафиксирована в китайской провинции Ухань, академическое сообщество проявило повышенный интерес к китайской дипломатии, вынужденной адаптироваться к этим условиям. Зарубежные исследователи отметили, что эффективные меры борьбы с новой коронавирусной инфекцией внутри страны позволили Китаю провести ряд дипломатических мероприятий для восстановления своего национального имиджа, включая предоставление развивающимся и некоторым развитым странам необходимой медицинской помощи и вакцин («вакцинная дипломатия») [Kobierecka, Kobierecki, 2021; Kobierecka, 2022].

Проанализировав коммуникативные практики китайских посольств в ряде европейских стран за последние три года, российские эксперты в свою очередь установили, что в рассматриваемый период китайские послы стали активнее взаимодействовать с местными СМИ и общественностью на понятном им языке [Litvak, Pomozova, 2021]. Китайский исследователь Б. Ван, наблюдая за пользовательской активностью китайских дипломатических сотрудников и организаций в социальной сети «Твиттер», пришел к выводу, что число

аккаунтов, созданных официальными лицами КНР в 2019–2020 гг., превысило аналогичный показатель за последние 20 лет [Ван Б., 2021: 15–17].

Обзор научной литературы по теме исследования выявил дефицит работ, посвященных конкретным страновым и региональным методам ведения публичной дипломатии КНР, в том числе на постсоветском пространстве, являющемся одним из ключевых элементов внешнеполитической стратегии России. В этой связи настоящая статья нацелена на выявление отличительных черт китайских программ публичной дипломатии в странах Центральной Азии (ЦА), а также анализ ее проблем и перспектив развития.

Ключевые этапы становления публичной дипломатии в Китае

Концепция «публичной дипломатии» впервые сформулировал в 1965 г. Э. Гуллион, декан Школы права и дипломатии им. А.Б. Флетчера при Университете Тафта (США). Он предложил следующее определение данного понятия: публичная дипломатия — это «измерения международных отношений, выходящие за рамки традиционной дипломатии: культивирование правительствами общественного мнения в других странах, взаимодействие частных групп и интересов одной страны с другой, освещение международных отношений и их влияния на политику государства, взаимодействие между теми, чья работа заключается в коммуникации (дипломаты и зарубежные корреспонденты), и процесс межкультурных коммуникаций. <...> Центральным моментом для публичной дипломатии является транснациональный поток информации и идей» [Лукин, 2013]. По мнению Э. Гуллиона, под публичной дипломатией следует понимать «средства, при помощи которых правительства, частные группы и отдельные лица меняют установки и мнения других народов и правительств таким образом, чтобы оказать влияние на их внешнеполитические решения» [Лукин, 2013].

Понятие «публичная дипломатия» в китайском научном дискурсе появилось сравнительно недавно. Первая монография, посвященная данному феномену, была опубликована в 2000 г. [Хань, 2000]. Активизация политики «мягкой силы» КНР на международной арене способствовала усилению интереса китайского академического сообщества к публичной дипломатии как главному инструменту ее реализации. В целом среди китайских исследователей существует

консенсус относительно содержания и ключевых принципов осуществления публичной дипломатии страны.

1. Основными субъектами публичной дипломатии являются правительство и различные уполномоченные организации, пользующиеся его доверием и поддержкой.

2. Целевой аудиторией публичной дипломатии выступает общественность, а не правительство другой страны.

3. Основная цель публичной дипломатии состоит в изменении общественного мнения в другом государстве, а также в создании условий для реализации собственных национальных интересов. Мероприятия в области публичной дипломатии осуществляются постепенно — в зависимости от приоритетности поставленных задач. Краткосрочной задачей является преодоление текущих трудностей и ситуаций взаимного недопонимания, возникающих в процессе взаимодействия представителей разных стран. Долгосрочные задачи связаны с формированием государственного имиджа и распространением культурных ценностей в другом государстве.

4. Методы осуществления публичной дипломатии разнообразны. Они включают распространение информации, гуманитарные обмены, взаимные визиты на высшем уровне, дипломатические PR-кампании и иные мероприятия [Хан, 2012: 8–10].

Современная китайская публичная дипломатия — это результат длительной эволюции теории и практики взаимодействия с зарубежной общественностью. Еще до возникновения соответствующего дискурса китайская публичная дипломатия существовала в форме зарубежной пропаганды. Во время японо-китайской войны Коммунистическая партия Китая (КПК) учредила группу международной пропаганды под руководством Чж. Эньлая, которая была призвана осуществлять меры, способствующие созданию единого антияпонского фронта.

После образования КНР китайское правительство столкнулось с необходимостью преодоления дипломатической изоляции, организованной западными странами. По этой причине Пекин придавал большое значение внешней пропаганде в форме так называемой народной дипломатии. В 1954 г. в целях поощрения образовательных и культурных обменов и контактов между гражданами социалистических государств было создано Китайское народное общество дружбы с зарубежными странами (КНОДЗ; Чжунго жэньминь дуйвай юхао сехуэй). Одним из самых значительных достижений

«народной дипломатии» стала «пинг-понговая дипломатия» 1971–1972 гг., направленная на нормализацию отношений между США и КНР. В тот период китайская публичная дипломатия имела ярко выраженный идеологический характер.

После проведения «политики реформ и открытости» практика публичной дипломатии КНР стала более прагматичной, а ее идеологическая составляющая начала ослабевать. В апреле 1980 г. была создана Центральная группа внешней пропаганды (Чжунъян дуйвай сюаньцзюань сяоцзю), призванная координировать усилия китайского правительства в соответствующей области. В 1997 г. Отдел пропаганды ЦК КПК объявил о намерении заменить термин *propaganda* его эквивалентом на английском языке — *publicity*. Эти инициативы ознаменовали серьезный поворот в практике китайской публичной дипломатии — от односторонней пропаганды к диалогу с внешним миром [Чжун, Ван, 2006].

В 2004 г. при Департаменте информации Министерства иностранных дел КНР был создан Отдел публичной дипломатии (Гунгун вайцзяо чу), позднее, в 2009 г., реорганизованный в Бюро публичной дипломатии (Гунгун вайцзяо баньгунши). В 2012 г. в ходе работы XVIII Всекитайского съезда КПК впервые в официальный оборот была введена концепция «публичной дипломатии». Тогда же прозвучало требование «твердого продвижения публичной дипломатии и гуманитарных обменов»¹. Это событие показало, что публичная дипломатия стала ключевым компонентом внешней политики Китая.

Инициатива ОПОП, выдвинутая председателем КНР Си Цзиньпином во время визита в Казахстан осенью 2013 г., существенно повлияла на развитие китайской публичной дипломатии. В своем выступлении лидер КНР заявил, что добиться успехов в международном сотрудничестве можно только за счет укрепления близости между народами (миньсиньсянтун): «...обязательно нужно получить народную поддержку, активизировать дружественные контакты наших народов, укрепить их взаимопонимание и традиционную дружбу»². В документе, опубликованном в 2015 г., правительство

¹ Доклад Ху Цзиньтао на XVIII съезде КПК // Россия и Китай. 30.11.2012. Доступ: <https://ruchina.org/china-article/china/61.html> (дата обращения: 15.12.2022).

² Выступление Председателя КНР Си Цзиньпина в Назарбаев университете (полный текст) // Официальный сайт Посольства Китайской Народной Республики в Республике Казахстан. 16.09.2013. Доступ: http://kz.china-embassy.gov.cn/rus/zghx/201309/t20130916_1045309.htm (дата обращения: 15.12.2022).

КНР перечислило конкретные действия, способствующие достижению «миньсиньсянтун»: увеличение числа культурных, образовательных, научных и кадровых обменов, а также расширение сотрудничества в сфере СМИ и туризма³. По мнению китайских специалистов, концепция «миньсиньсянтун» определила содержательное ядро современных подходов КНР к проблематике публичной дипломатии [Чжан Ян, Чжан Яо, 2016: 7].

Подчеркнутое внимание к публичной дипломатии на официальном уровне отразилось и на динамике научных исследований в данной сфере. Так, по приблизительным подсчетам автора, в период с 1990-х годов до 2022 г. в китайскую наукометрическую базу China National Knowledge Infrastructure⁴ было внесено более 7200 научных статей, содержащих ключевое слово «публичная дипломатия», причем 68,4% из них были опубликованы в течение последних 9 лет.

При этом публикация дорожной карты ОПОП естественным образом означала существенную активизацию публичной дипломатии КНР прежде всего в странах, потенциально вовлеченных в данную транснациональную инициативу.

Контекст активизации китайской публичной дипломатии в Центральной Азии

Благодаря богатым запасам энергоресурсов, уникальному геополитическому положению в качестве «моста» между Азией и Европой и близости к центрам мировой политики страны ЦА — Казахстан, Киргизия, Узбекистан, Туркменистан и Таджикистан — с момента обретения ими независимости привлекают внимание мировых держав и иных региональных игроков.

Особое место ЦА занимает и во внешней стратегии КНР в XXI в. В последние два десятилетия Китай наращивал взаимодействие с государствами региона в сфере энергетики и безопасности.

Казахстан, Киргизия и Таджикистан имеют общую границу с северо-западным регионом Китая — СУАР. Общая протяженность

³ Видение и действие, направленные на продвижение совместного строительства «Экономического пояса Шелкового пути» и Морского «Шелкового пути XXI века» // Официальный сайт посольства Китайской Народной Республики в Российской Федерации. 23.04.2015. Доступ: http://ru.china-embassy.gov.cn/rus/ggl/201504/t20150423_2961643.htm (дата обращения: 15.12.2022).

⁴ China National Knowledge Infrastructure. Official website. Available at: <https://en.cnki.com.cn/> (accessed: 15.12.2022).

этой границы насчитывает более 3000 км, что составляет 1/7 часть сухопутной границы КНР.

Китаю необходимо тратить значительные средства на обеспечение безопасности этих границ, внимательно следить за военной и политической обстановкой для предотвращения формирования военно-политических блоков, угрожающих интересам Пекина в ЦА. КНР выступает против расширения присутствия внешних сил (в первую очередь НАТО) в регионе [Чжао Х., 2007], поскольку опасается, что они могут, например, воспользоваться условиями недостаточной защищенности указанных границ в целях перевозки запрещенных товаров, предоставления убежища преступным группировкам и создания тренировочных лагерей террористов [Гулиахжати, 2014]. Силы «трех зол» (Саньгу шили) — терроризма, радикализма и сепаратизма — представляют особую угрозу безопасности и стабильности СУАР.

На момент публикации настоящего исследования Китай достиг значительных успехов в деле укрепления сотрудничества с государствами региона по вопросам безопасности границ и борьбы с терроризмом. Вместе с тем наблюдаются проблемы с мобилизацией общественного мнения в странах ЦА в поддержку данных усилий, что представляет угрозу национальным интересам КНР.

По некоторым данным, около 46 тыс. уйгуров и 70 тыс. дунган расселены в Киргизии, а в Казахстане проживают приблизительно 300 тыс. уйгуров [Laruelle, Peyrouse, 2012: 21; Nicholas, 2013: 22], причем представители указанных диаспор зачастую негативно относятся к китайской политике в СУАР. Отмечается, что многие казахские уйгуры выступают против дискриминации прав этноконфессиональных меньшинств в этой провинции [Мавлонова, 2015]. Граждане некоторых центральноазиатских государств (особенно Казахстана и Киргизии), как правило, выражают солидарность со своими единоверцами по широкому кругу вопросов [Узбеков, Курманов, 2014]. Недоверие общественности стран ЦА к китайской национальной политике является одним из факторов роста сепаратистских настроений в СУАР. Таким образом, публичная дипломатия, будучи главным инструментом укрепления доверия и взаимопонимания за рубежом [Тан, 2006], становится неотъемлемой частью центральноазиатского вектора внешней политики Китая.

За последние два десятилетия КНР стала крупнейшим торговым партнером стран ЦА. Совокупный товарооборот в указанный пе-

риод вырос в 25 раз — с 1,5 млрд долл. в 2000 г. до 38,6 млрд долл. в 2020 г. Китайские инвестиции в экономику государств региона составили 40 млрд долл. по состоянию на четвертый квартал 2020 г. В конце 2021 г. в странах ЦА функционировали 7700 китайских фирм⁵.

На фоне расширения китайской экономики увеличивается и значение центральноазиатских государств в качестве поставщиков, способных удовлетворить растущий спрос КНР на энергоресурсы. Пекин участвует в реализации шести проектов по разведке и разработке нефтяных месторождений в Казахстане. К 2019 г. по Казахстанско-китайскому нефтепроводу в Поднебесную транспортировалось более 130 млн тонн сырой нефти⁶. В 2014 г. была введена в эксплуатацию третья линия газопровода «Китай — Центральная Азия», проходящего через Туркменистан, Узбекистан и Казахстан. В 2021 г. Ашхабад поставлял в КНР 34 млрд кубометров газа, сохраняя второе место по объемам экспорта природного газа в Китай⁷.

Рост присутствия капитала и рабочей силы из Китая на центральноазиатских рынках и увеличение объемов кредитования стран региона способствуют распространению синофобии среди местного населения. В 2016 г. правительство Казахстана приняло поправки в Земельный кодекс, разрешающие продление срока аренды земли иностранными инвесторами с 10 до 25 лет. Частью населения эта поправка была воспринята как разрешение продавать земли иностранцам, в первую очередь китайцам, что привело к массовым протестам против подобных законодательных изменений⁸. Осенью 2019 г. по городам Казахстана прокатилась волна антикитайских митингов. Поводом стал слух о планах переноса в Казахстан 55 старых

⁵ Куменов А. Китай обещает нарастить инвестиции в Центральную Азию // Eurasianet. 26.06.2022. Доступ: <https://russian.eurasianet.org/китай-обещает-нарастить-инвестиции-в-центральную-азию> (дата обращения: 15.12.2022).

⁶ Почти 11 млн тонн нефти получил Китай из Казахстана в 2019 году // Oilcapital.ru. 21.01.2020. Доступ: <https://oilcapital.ru/news/2020-01-21/pochti-11-mln-tonn-nefti-poluchil-kitay-iz-kazahstana-v-2019-godu-1040084> (дата обращения: 15.12.2022).

⁷ Опубликованы данные об объемах экспорта туркменского газа в Китай // Агентство экономической информации «Прайм». 06.01.2022. Доступ: <https://https://1prime.ru/gas/20220106/835700592.html> (дата обращения: 15.12.2022).

⁸ Лян Ф. Хасакэсытань тудифасюжэньгань иньминьчжункань, буфэньжэньканьчжунго «цзудикочжан» [Поправки к земельному законодательству Казахстана вызвали протесты, некоторые люди выступили против «расширения аренды земли Китаем»] // Гуанча. 18.05.2016. Доступ: https://www.guancha.cn/Neighbors/2016_05_18_360724.shtml (дата обращения: 20.10.2022). (На кит. яз.)

китайских заводов⁹. На этом фоне возрастает значимость публичной дипломатии КНР в качестве способа популяризации внешнеполитических целей государства, а также средства преодоления негативных стереотипов и конструирования устойчивых отношений с целевыми группами в ЦА [Рустамова, Бахриев, 2020].

Осуществление публичной дипломатии КНР в странах Центральной Азии на современном этапе

Публичная дипломатия охватывает широкий круг тематических направлений. Китайский исследователь Ф. Хан отмечает, что публичную дипломатию в зависимости от механизмов ее реализации можно разделить на три направления: PR-дипломатию (public relation diplomacy), находящуюся под непосредственным руководством правительства, СМИ-дипломатию и гуманитарную дипломатию [Хан, 2012].

PR-дипломатия (Гунгуань вайцзяо). Цели PR-дипломатии состоят в том, чтобы создать положительный государственный имидж Китая у местного населения, укрепить «мягкую силу» КНР в регионе и устранить неверные представления о стране. Существуют три субъекта PR-дипломатии КНР в ЦА: лидеры государств, местные правительства и китайские посольства в государствах региона.

Эффективным инструментом публичной дипломатии считаются государственные визиты: с их помощью можно непосредственно контактировать с местным населением и СМИ и таким образом влиять на общественное мнение в другой стране [Гунгунвайцзяо яньцзю, 2018: 137].

За последнее десятилетие число визитов лидеров КНР в центральноазиатские государства увеличилось. Си Цзиньпин, например, совершил девять визитов в страны региона с момента прихода к власти. В сентябре 2013 г. он посетил Казахстан, Киргизию, Туркменистан и Узбекистан. Перед приездом он дал интервью местным СМИ, изложив свой взгляд на развитие взаимодействия в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и перспективы двусторонних экономических и политических отношений КНР со странами региона¹⁰.

⁹ В Жанаозене собрался антикитайский митинг с жалобами на низкие зарплаты // Фергана. 10.09.2019. Доступ: <https://fergana.media/news/110651/> (дата обращения: 15.12.2022).

¹⁰ Си Цзиньпин чуфан чжунъя сыго [Си Цзиньпин посетил четыре страны Центральной Азии] // Синьхуа. 13.09.2013. Доступ: <http://www.xinhuanet.com/world/2013xjpcf/09/> (дата обращения: 15.12.2022). (На кит. яз.)

Во время визита в Казахстан Си Цзиньпин выступил с докладом. Он высоко оценил крепкую дружбу между странами, пообещав предоставить 30 тыс. квот на государственную стипендию студентам и молодым ученым из государств — членов ШОС в течение следующих 10 лет¹¹. Кроме того, во время своего визита в страны ЦА китайский лидер принял участие в более чем 20 мероприятиях, включая встречи с представителями деловых кругов, возложение венков к памятнику защитникам Родины в Казахстане и посещение Олий Мажлиса (парламента) Узбекистана. 13 сентября 2022 г. председатель КНР совершил первый с момента начала пандемии COVID-19 государственный визит в Узбекистан и Казахстан, а также принял участие в саммите ШОС, проходившем 15–16 сентября в Самарканде. В ходе визита в Узбекистан и Казахстан Си Цзиньпин опубликовал в СМИ двух стран авторские статьи под названиями «Вместе создать прекрасное будущее китайско-узбекских отношений» и «Продолжить традицию китайско-казахстанских отношений и открыть новые возможности»¹². Активные действия китайского лидера продемонстрировали его личную харизму и способствовали распространению проверенной информации о Китае, формированию его позитивного имиджа в ЦА.

Помимо лидера государства важную роль в реализации публичной дипломатии Китая в странах региона играют китайские послы. В целях распространения традиционной китайской культуры в ЦА и налаживания контактов между народами посольства КНР организуют различные культурные мероприятия: выставки, концерты и спектакли. Так, с 2010 г. Министерство культуры КНР в сотрудничестве с посольствами ежегодно проводит в странах ЦА серию мероприятий «Веселый праздник весны» (Хуаньлэ чуньцзе). Китайские послы и дипломатические сотрудники активно работают с местными СМИ: дают интервью, зачитывают официальные письма.

¹¹ Выступление Председателя КНР Си Цзиньпина в Назарбаев университете (полный текст) // Официальный сайт Посольства Китайской Народной Республики в Республике Казахстан. 16.09.2013. Доступ: http://kz.china-embassy.gov.cn/rus/zghx/201309/t20130916_1045309.htm (дата обращения: 15.12.2022).

¹² Си Цзиньпин опубликовал в СМИ Узбекистана авторскую статью // Uzdaily. 13.09.2022. Доступ: <https://uzdaily.uz/ru/post/71660> (дата обращения: 15.12.2022); Си Цзиньпин опубликовал в СМИ Казахстана авторскую статью // Синьхуа Новости. 13.09.2022. Доступ: <https://russian.news.cn/20220913/6c717e2fb56042c5a575933ac1a86ca1/c.html> (дата обращения: 15.12.2022).

Китайские дипломаты всеми способами стремятся продемонстрировать дружественный, добрососедский характер политики Пекина в регионе. Представители КНР объясняют аудитории центрально-азиатских стран позицию Китая по основным вопросам, имеющим отношение к интересам местного населения. Эта деятельность призвана помочь правительству КНР завоевать доверие жителей стран ЦА и устранить конфликты, возникающие на почве недопонимания.

После объявления инициативы ОПОП власти Китая стали принимать более активное участие в публичной дипломатии, используя различные двусторонние каналы взаимодействия с иностранной аудиторией. По данным официального сайта МИД КНР, к 2021 г. восемь китайских городов установили дружественные отношения с таджикскими городами; в Казахстане их число достигло 19, в Киргизии — 22¹³. Делегации из Синьцзяна, Чунцина, Шаньси и других провинций Китая неоднократно посещали страны ЦА и проводили в них различные мероприятия (например, «Синьцзянскую неделю культуры», «Кулинарный фестиваль Китая») в целях знакомства местного населения с китайской культурой и формирования положительного государственного имиджа КНР. В период с 2012 по 2021 г. было проведено восемь заседаний Форума сотрудничества «Китай — Центральная Азия». Очередная встреча прошла в китайском городе Ланьчжоу¹⁴. Данные мероприятия продемонстрировали на самом высоком уровне приверженность сторон принципам укрепления дружбы, взаимопонимания и регионального сотрудничества. Активное участие местных органов власти в публичной дипломатии КНР в ЦА не только укрепило связи между народами региона, но и способствовало развитию конкретных городов.

СМИ-дипломатия (Мэйти вайцзяо). Китайский исследователь К. Чжао понимает под СМИ-дипломатией любую деятельность СМИ, находящуюся под контролем или влиянием правительства. Ее

¹³ Чжунго тун цзиэрцзисысытань дэ гуаньси [Отношения между Китаем и Кыргызстаном] // Официальный сайт Министерства иностранных дел КНР. Доступ: https://www.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_676548/sbgx_676552/ (дата обращения: 15.12.2022). (На кит. яз.)

¹⁴ Состоялся VIII Форум сотрудничества Китай — Центральная Азия на тему «Укрепление солидарности и сотрудничества во имя совместной безопасности и развития» // Официальный сайт Министерства иностранных дел Киргизской Республики. 19.10.2021. Доступ: <https://mfa.gov.kg/ru/zhogorku-menyu/press-kyzmaty/novosti/-616e90a3797b4#:~:text=16-17%20октября%202021%20года%20в,народов%20и%20углубление%20международного%20взаимодействия> (дата обращения: 15.12.2022).

цель — воздействие на общественное мнение и поведение граждан (а косвенно — на лиц, принимающих решения) в других странах. СМИ при этом выступают посредником между правительством и иностранной общественностью, которые находятся на разных полюсах канала коммуникации [Чжао К., 2007: 89]. Действия китайских СМИ на территории стран ЦА могут рассматриваться как пример практической реализации этого подхода.

В 1954 г. Международное радио Китая (МРК) открыло первый русскоязычный радиоканал для слушателей в странах ЦА (бывших республиках СССР). После резкого охлаждения советско-китайских отношений в середине 1950-х годов МРК стало транслировать свои программы напрямую из Пекина в центральноазиатские государства. Основу иновещания составляли революционные песни и анти-советская пропаганда. В 2006 г. по кабельной сети в Казахстане и Киргизии стали транслировать ряд каналов («Первый», «Второй», «Четвертый» и «Девятый») Центрального телевидения Китая (CCTV) [Цзяо, 2014]. В сентябре 2009 г. открылся русскоязычный канал CCTV¹⁵. В 2014 г. для казахстанских пользователей МРК выпустило новое мобильное приложение на казахском языке «Узнай Китай — Новый Шелковый путь» (Жаңа Жібек жолы)¹⁶. Оно стало первым в КНР мобильным приложением, адресованным непосредственно казахстанским пользователям.

Говоря об этом направлении публичной дипломатии Пекина, следует подчеркнуть особую роль местных (в первую очередь синьцзянских) СМИ. Благодаря географической близости и общим историческим корням СУАР занимает важное место в публичной дипломатии КНР в ЦА. В августе и октябре 2004 г. программа синьцзянского телевидения «Китай сегодня» на уйгурском и киргизском языках транслировалась по государственному телевидению Узбекистана и Киргизии [Цзяо, 2014: 110]. В январе 2006 г. по сети кабельного телевидения Бишкека вещали «Первый», «Второй», «Третий» и «Десятый» каналы синьцзянского телевидения. В 2008 г. синьцзянское Бюро

¹⁵ Телеканал — «CCTV Russia» // NGT Россия. Доступ: <https://видеостены.рф/ru/projects/telekanal-cctv-russia/#:~:text=Телеканал%20%22CCTV%20Russian%22%20-%20Международный,канала%3A%20CCTV-HD%20—%20высокой%20четкости> (дата обращения: 15.12.2022).

¹⁶ Запуск мобильного приложения «Узнай Китай — Новый Шелковый путь» // Kazinform. 29.12.2014. Доступ: https://www.inform.kz/cn/article_a2732378 (дата обращения: 15.12.2022). (На кит. яз.)

радио, кино и телевидения подписало соглашение о сотрудничестве с киргизской телекомпанией «ЭлТР», согласно которому с 1 октября 2008 г. в эфир стала выходить одночасовая телепрограмма на киргизском языке «Путешествие по Китаю» [Цзяо, 2014: 110].

В 2015 г. в рамках ОПОП правительство КНР запустило масштабный проект под названием «Телевизионный мост Шелкового пути»¹⁷ (Сычоучжилу инши цзяо). Его цель — охват центральноазиатского рынка высококачественной китайской мультимедийной продукцией, включая сериалы, фильмы и мультфильмы, в целях повышения информированности населения стран региона о менталитете Китая и особенностях китайской культуры.

Параллельно с практикой одностороннего иновещания китайская СМИ-дипломатия всё больше взаимодействует непосредственно с общественностью в странах ЦА. Так, известный казахский певец Д. Кудайберген, участвуя в китайских музыкальных конкурсах и шоу, получил немалое количество поклонников в КНР. В то же время его выступления на китайской эстраде способствовали формированию положительного образа Поднебесной у населения стран ЦА. Некоторые исследователи полагают, что фигура Д. Кудайбергена помогает правительству КНР выставить инициативу ОПОП в выгодном свете перед общественностью государств региона [Custer et al., 2019: 47].

Гуманитарная дипломатия (Жэньвэнь вайцзяо) Китая в ЦА основана на разнообразных культурных проектах, организованных правительством КНР и Институтами Конфуция.

В 2005 г. китайское правительство утвердило Национальную стратегию по распространению китайского языка в других странах [Цзи, 2016]. В рамках этой программы Государственный совет КНР разработал проект «Мост китайского языка» и учредил Канцелярию Международного Совета китайского языка (Ханьбань). В задачи последней входят предоставление услуг по развитию международного китайского языкового образования, координация лингвистического сотрудничества КНР с другими странами, создание глобальной сис-

¹⁷ Сычоучжилуиншицяогунчэн цзайцинцидун [Проект «Телевизионный мост Шелкового пути» запускается в Пекине] // CCTV-13. 20.03.2015. Доступ: <http://tv.cctv.com/2015/03/20/VIDE1426806957789596.shtml> (дата обращения: 15.12.2022). (На кит. яз.)

темы обучения китайскому языку и организация международных экзаменов¹⁸.

Главным инструментом реализации данной стратегии являются Институты Конфуция. Согласно собственному уставу они должны способствовать росту понимания различных аспектов китайской культуры во всем мире и развивать дружеские отношения Китая с другими странами¹⁹. В 2005 г. при поддержке Университета Ланьчжоу был создан Институт Конфуция в Ташкенте — первое такое учреждение в ЦА. В 2006 и 2007 гг. Институты Конфуция были открыты в Казахстане, Киргизии и Таджикистане. По последним данным, в регионе насчитывается 13 Институты Конфуция, 5 из которых расположены в Казахстане, 4 — в Киргизии, по 2 — в Таджикистане и Узбекистане²⁰.

Деятельность Институты в ЦА включает преподавание китайского языка, организацию экзаменов HSK²¹, проведение различных языковых конкурсов, составление учебных и учебно-методических пособий, подготовку местных учителей и иные мероприятия. Институты Конфуция добились заметных результатов: только в Киргизии около 4000 студентов изучают китайский язык в 4 Институтах и 21 классе Конфуция²². Наряду с традиционной образовательной деятельностью Институты при поддержке дипломатического представительства КНР в Ташкенте спонсируют ряд академических мероприятий в области китаеведения. Отмечается, что указанные мероприятия повысили интерес узбекского научного сообщества к

¹⁸ Чжунсинь цзяньцзе [Знакомство с центром] // Официальный сайт Центра языкового образования и сотрудничества. Доступ: <http://www.chinese.cn/page/#/rspace/publicinfodetail?id=140> (дата обращения: 15.12.2022). (На кит. яз.)

¹⁹ Кунцзысюэюань чжанчэн [Устав Института Конфуция] // Официальный сайт Института международного образования Хайнаньского университета. Доступ: <https://hd.hainanu.edu.cn/gjyy/info/1233/2887.htm> (дата обращения: 15.12.2022). (На кит. яз.)

²⁰ Цюаньцю 146 гоцзя (дицуй) кунцзысюэюань хэ кунцзыкэтань дэ фэньбу [Распространение институтов и классов Конфуция в 146 странах (регионах) мира] // Sina. Доступ: https://k.sina.cn/article_6010826802_16645f03200100a515.html (дата обращения: 15.12.2022). (На кит. яз.)

²¹ HSK (Ханьюй Шуйпин Каоши) — стандартизированный квалификационный экзамен по китайскому языку для лиц, не являющихся носителями китайского языка.

²² В школах Центральной Азии интенсивно учат китайский, все больше отдаляясь от советского прошлого // CentralAsia.news. 27.12.2021. Доступ: https://central.asia-news.com/ru/articles/cnmi_ca/features/2021/12/27/feature-01 (дата обращения: 15.12.2022).

инициативе ОПОП [Exnerová, 2021: 74–76]. Работа центральноазиатских филиалов Института Конфуция во многом способствовала повышению интереса местных жителей к языку и культуре Китая, а также оказала положительное влияние на имидж КНР в регионе.

Важным компонентом гуманитарной дипломатии КНР в ЦА является программа стипендий правительства КНР. Благодаря этому проекту многие студенты из стран региона с низким уровнем доходов получили возможность обучаться в китайских университетах. В последние годы Пекин увеличил квоты на обучение иностранных студентов в рамках этой программы. В 2012 г. число иностранных учащихся, получивших финансовую поддержку, составило 28 768 человек, а в 2014 г. выросло до 36 943 человек²³. Увеличение квот на стипендии способствовало росту числа студентов из ЦА, обучающихся в Китае. В 2014 г. в КНР обучались около 9 тыс. студентов из Казахстана. В 2016 г. этот показатель достиг 13 тыс. человек, и планировалось довести его до 20 тыс. к 2020 г.²⁴ В феврале 2020 г. генеральный консул КНР в Алма-Ате Л. Гэн заявила, что в КНР обучались 15 тыс. студентов из Казахстана²⁵.

Гуманитарная дипломатия Китая в государствах ЦА также опирается на программы научного сотрудничества. Ведение активного диалога и опыт реализации совместных проектов позволяют китайским научным институтам организовывать академические обмены в странах ЦА, при этом зачастую китайские вузы в регионе рассматриваются в качестве движущей силы исследований и инноваций. Например, в 2016–2017 гг. аналитический центр Китайского народного университета (Пекин) неоднократно проводил диалоги с коллегами из Казахстана по сопряжению ОПОП и Государственной программы

²³ 2018 нянь лайхуаюлюэтуңцзи [Статистика по числу иностранных студентов в Китае в 2018 г.] // Официальный сайт Министерства образования КНР. Доступ: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/gzdt_gzdt/s5987/201904/t20190412_377692.html (дата обращения: 15.12.2022). (На кит. яз.)

²⁴ Увеличить количество студентов из Казахстана в вузах КНР до 20 тыс. к 2020 году намерены в Ассоциации университетов стран Шелкового пути // Экспресс КЗ. 24.12.2016. Доступ: <https://exk.kz/news/75616/uvielichit-kolichiestvo-studentov-iz-kazakhstan-a-v-vuzakh-kr-do-20-tys-k-2020-ghodu-n> (дата обращения: 15.12.2022).

²⁵ За последние годы число казахстанских студентов, обучающихся в Китае, превысило 11 тысяч // Inbusiness.kz. 15.11.2022. Доступ: <https://inbusiness.kz/ru/news/za-poslednie-gody-chislo-kazahstanskih-studentov-obuchayushih-sya-v-kitae-prevysilo-11-tysyach> (дата обращения: 15.12.2022).

инфраструктурного развития Республики Казахстан «Нұрлы жол» [Чжан, 2019].

Публичная дипломатия Китая в Центральной Азии: риски и вызовы

Несмотря на конкретные достижения в области культуры, науки, образования и СМИ, публичная дипломатия КНР в ЦА сталкивается с серьезными вызовами. В 2022 г. были опубликованы результаты опроса жителей Казахстана, Узбекистана и Киргизии, которые показали, что в период с 2017 по 2021 г. отношение к Китаю и китайским инвестициям в экономику стран ЦА стабильно ухудшалось. Особенно ярко эта тенденция проявилась в Казахстане, где по статистике в 2021 г. более 70% респондентов выступили против китайских энергетических и инфраструктурных проектов на территории своего государства²⁶. Рассмотрим ключевые проблемы китайской публичной дипломатии на современном этапе.

Во-первых, публичная дипломатия КНР в ЦА опирается преимущественно на правительственные институты и организации, находящиеся под влиянием государства, а механизмы «новой публичной дипломатии» остаются недоиспользованными. По мнению исследователя Нидерландского института международных отношений Клингедаль Я. Мелиссена, «новая публичная дипломатия» представляет собой следующий этап в эволюции практики публичной дипломатии. Она осуществляется негосударственными акторами, которые налаживают контакты с иностранной аудиторией посредством создания диалоговых форматов коммуникации (в отличие от традиционной односторонней передачи информации) [Melissen, 2005: 6]. По сравнению с официальными акторами позиция неправительственных организаций (НПО) более доступна для граждан и имеет менее выраженный идеологический характер. Однако на территории стран ЦА (в особенности в Казахстане) функционирует несопоставимо больше американских, нежели китайских, НПО. Иностранное финансирование получают примерно 200 НПО Казахстана, причем 70% этих средств выделяют США²⁷. Исключение на этом фоне

²⁶ Woods E., Baker T. Public opinion on China waning in Central Asia // The Diplomat. 05.05.2022. Available at: <https://thediplomat.com/2022/05/public-opinion-on-china-waning-in-central-asia/> (accessed: 15.12.2022).

²⁷ Самым крупным иностранным донором казахстанских НПО являются США // EurAsia Daily. 28.11.2018. Доступ: <https://eadaily.com/ru/news/2018/11/28/>

составляет китайское академическое сообщество, которое уделяет всё больше внимания сотрудничеству с НПО и транснациональными корпорациями при выстраивании контактов с зарубежной общественностью.

Во-вторых, остается в значительной степени недоиспользованным и потенциал коммерческих компаний, зарекомендовавших себя в качестве надежных деловых партнеров. В целях повышения влияния бренда и привлечения новых клиентов некоторые китайские компании активно взаимодействуют с местным населением. В странах ЦА подобная деятельность либо слабо выражена, либо сопряжена с негативным опытом прошлых лет, который способствует формированию антикитайских настроений и стереотипов. Так, в 2019 г. китайская золотодобывающая компания «Чжунцзи» столкнулась с масштабным антикитайским выступлением в Нарын-ской области Киргизии. В августе того года произошли столкновения между китайскими рабочими «Чжунцзи» и местными жителями, в результате которых двое киргизов оказались в больнице с травмами различной степени тяжести²⁸.

В-третьих, КНР сталкивается с активной конкуренцией в области публичной дипломатии со стороны других игроков в регионе: РФ, США, ЕС и Турции. Более того, их инвестиции в публичную дипломатию превышают аналогичный китайский вклад на эти же нужды. Например, в странах ЦА уже действуют 17 филиалов и учебно-воспитательных учреждений российских вузов, тогда как у Китая нет ни одного такого представительства в регионе [Fominykh, 2017]. По различным данным, в 2017 г. в России обучались около 70 тыс. граждан Казахстана, 20 тыс. граждан Таджикистана, 16 тыс. граждан Киргизии и около 17 тыс. граждан Узбекистана [Мураталиева, 2017], что в 4–5 раз больше, чем число студентов из этих стран, желающих обучаться в Китае.

В-четвертых, не в полной мере реализуется потенциал сетевых сервисов Web 2.0 (социальные сети, блоги, видеохостинги), которые успели зарекомендовать себя как новые инструменты публичной

самым-krupnym-inostrannym-donorom-kazahstanskih-npo-yavlyayutsya-ssha (дата обращения: 15.12.2022).

²⁸ Зенко И., Кулинцев Ю., Мукамбаев А., Рахимов К. Антикитайские протесты на постсоветском пространстве // Россия в глобальной политике. 2020. № 6. Доступ: <https://globalaffairs.ru/articles/antikitajskie-protesty-postsovet/> (дата обращения: 15.12.2022).

дипломатии. В 2008 г. заместитель госсекретаря США по вопросам публичной дипломатии и общественным делам Дж.К. Глассман впервые употребил термин «публичная дипломатия 2.0», под которым понимается новый подход к выстраиванию коммуникации²⁹. По данным за 2018 г., в странах ЦА интернетом пользуются около 36 млн человек (приблизительно 68% всего населения региона)³⁰, являющихся целевой аудиторией для публичной дипломатии США, России и в меньшей степени — Китая.

Следует отметить, что в последние годы КНР стала более активно использовать цифровые технологии в ходе проведения публичной дипломатии. Согласно статистике количество аккаунтов в «Твиттере», открытых официальными лицами МИД КНР в период с 2019 по 2020 г., превышает число аккаунтов, созданных в предыдущие годы, при этом их пользователи более активны, чем в прошлом [Ван Б., 2021: 15–17]. Помимо органов государственной власти всё больше в кампании «новой публичной дипломатии» вовлекаются лидеры общественного мнения, и, как показывают исследования, информация, переданная по неправительственным каналам, скорее способствует улучшению китайского национального имиджа [Whyke et al., 2022]. Тем не менее, как представляется, публичная дипломатия КНР в странах ЦА еще не прошла в полной мере цифровую трансформацию. В пользу этого вывода говорит хотя бы то, что кроме посольства КНР в Казахстане нет ни одного другого китайского дипломатического учреждения в регионе, которое имело бы аккаунт в социальных сетях. Для сравнения, каждое посольство РФ в странах ЦА имеет по крайней мере один аккаунт в социальных сетях и регулярно обновляет информацию.

Российские и американские СМИ также активно пользуются интернетом для взаимодействия с зарубежной общественностью. Такие каналы, как «РТ», «Спутник», «Радио Свобода», либо организовали на своих веб-сайтах специальные разделы, посвященные текущей обстановке в странах ЦА, либо учредили региональные информационные агентства, например «Азатлык: Туркменистан»

²⁹ Glassman J.K. Public diplomacy 2.0: A new approach to global engagement // U.S. Department of State (Archive). 03.12.2008. Available at: <http://2001-2009.state.gov/r/us/2008/112605.htm> (accessed: 15.12.2022).

³⁰ Цифровая Центральная Азия. Часть 1. Доступ к интернету // Central Asian Analytical Network. 19.03.2018. Доступ: <https://www.caa-network.org/archives/12646> (дата обращения: 15.12.2022).

и «Sputnik. Казахстан». Основные китайские СМИ пока, однако, не проявили интереса к интернет-пространству Центральной Азии.

* * *

В последние два десятилетия КНР значительно укрепила свое политическое и экономическое присутствие в регионе ЦА, что, однако, спровоцировало рост антикитайских настроений среди местного населения. В целях формирования положительного государственного имиджа и устранения синофобии КНР стала уделять особое внимание публичной дипломатии в этих странах. Благодаря большим финансовым вложениям и активной работе официальных представительств и отдельных лиц (в особенности после выдвижения Китаем инициативы ОПОП) китайская публичная дипломатия в ЦА смогла достичь ряда положительных результатов. Вместе с тем она продолжает сталкиваться с вызовами, связанными как с недостаточным использованием потенциала негосударственных акторов, так и с растущей конкуренцией со стороны других держав. От решения этих проблем зависят перспективы развития публичной дипломатии КНР в центральноазиатских государствах. В сложившейся ситуации мы считаем целесообразным обратить внимание на следующие меры, направленные на повышение конкурентоспособности и эффективности публичной дипломатии КНР в регионе.

Во-первых, требуется последовательное укрепление гуманитарных связей, сформированных за последние два десятилетия. На этом направлении необходимо: приложить усилия по повышению популярности китайского языка; увеличить количество Институтов Конфуция в центральноазиатских университетах и расширить масштабы их деятельности; улучшить процесс обучения китайскому языку жителей ЦА, особенно среди молодежи; расширить каналы коммуникации с представителями гражданского общества; увеличить квоты на стипендии для студентов из стран региона.

Во-вторых, необходимо повысить роль китайских коммерческих предприятий в вопросах публичной дипломатии КНР в центральноазиатских государствах. По состоянию на конец 2021 г. в ЦА функционировали более 7700 китайских фирм³¹, являющихся

³¹ Хуррамов Х. Старый новый Си. Что означает переизбрание Си Цзиньпина для региона и Таджикистана? // TopTJ.com. 11.04.2022. Доступ: <https://www.toptj.com/News/2022/11/04/staryy-novyy-si-chto-oznachaet-pereizbranie-si-czinpina-dlya-regiona-i-tadzhikistana> (дата обращения: 15.12.2022).

фактором экономического влияния Китая в регионе, но играющих незначительную роль в публичной дипломатии. Китайским компаниям при государственной поддержке рекомендуется брать на себя социальную ответственность, активно взаимодействовать с региональными сообществами, финансировать благотворительную деятельность, бесплатно строить школы, проводить кампании по защите окружающей среды, гарантировать благосостояние сотрудников из числа местного населения.

В-третьих, особое внимание при реализации программ публичной дипломатии следует уделять цифровым технологиям. Благодаря своей сетевой природе «новые медиа» позволяют дипломатам организовать полноценный диалоговый формат коммуникации и избежать использования таких приемов и техник, которые могут восприниматься местным населением как дезинформация или пропаганда. Правительство КНР, в частности, могло бы оказывать поддержку китайским цифровым продуктам (Wechat, TikTok), устраняя для них административные барьеры при доступе к рынкам стран ЦА и помогая талантливым пользователям данных приложений в создании информационных материалов, выставляющих Китай, его общество и культуру в положительном или по крайней мере нейтральном свете.

В целом можно заключить, что на фоне углубления экономического и политического сотрудничества между Китаем и странами ЦА центральноазиатский вектор китайской публичной дипломатии будет приобретать всё большую значимость, несмотря на эндогенные и экзогенные факторы, препятствующие эффективному взаимодействию с зарубежной общественностью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахриев Б.Х. «Мягкая сила» и публичная дипломатия: возможности для независимого Таджикистана // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 436. С. 97–105. DOI: 10.17223/15617793/436/11.

2. Ван Б. Чжунго вайцзяобумэнь дэ туйтэ гунгунвайцзяо яньцзю [Исследование по использованию инструментов публичной Твиттер-дипломатии в дипломатической службе Китая]: Дисс. ... магистра полит. наук. Пекин: Китайский университет иностранных дел, 2021. (На кит. яз.)

3. Ван Ц. Особенности публичной дипломатии китайской народной республики (исторический аспект) // Россия в глобальном мире. 2021. № 21 (44). С. 67–80. DOI: 10.48612/rg/RGW.21.17.

4. Гулиачжати Т. «Дунту» Кунбуходун дэ гоцзиньсу цзи юйфанцзоши [Международные факторы террористической деятельности «Восточного Туркестана» и меры противодействия им] // Алабо шицзе яньцзю. 2014. № 4. С. 55–67. (На кит. яз.)

5. Гунгунвайцзяо яньцзю [Исследование по публичной дипломатии] / Под ред. Д. Лю. Пекин: Издательство литературы по общественным наукам, 2018. (На кит. яз.)

6. Кривохиж С.В. «Мягкая сила» и публичная дипломатия в теории и внешнеполитической практике Китая // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2012. № 3. С. 103–112.

7. Лай Л. Медиаобраз первой леди как элемент «мягкой силы» в публичной дипломатии Китая // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2017. Т. 14. № 3. С. 455–465. DOI: 10.21638/11701/spbu09.2017.312.

8. Лукин А. Публичная дипломатия // Международная жизнь. 2013. № 3. Available at: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/831> (accessed: 20.10.2022).

9. Мавлонова А.С. Роль уйгурской диаспоры за рубежом в борьбе за независимость Синьцзяна // Вестник РУДН. Международные отношения. 2015. № 1. С. 169–176.

10. Мураталиева З.Т. «Soft power» России в Центральной Азии: ключевые аспекты и пробелы в реализации // Дискурс-Пи. 2017. № 3–4 (28–29). С. 121–128.

11. Наумов А.О. «Мягкая сила» и публичная дипломатия Германии: прошлое и настоящее // Genesis: исторические исследования. 2021. № 11. С. 133–145. DOI: 10.25136/2409-868X.2021.11.33457.

12. Рустамова Л.Р., Бахриев Б.Х. Особенности публичной дипломатии Европейского союза в Центральной Азии // Полития: анализ, хроника, прогноз. 2020. № 3 (98). С. 165–180. DOI: 10.30570/2078-5089-2020-98-3-165-180.

13. Тан С. Чжунго гунгунвайцзяо дэ фачжань цзици тисигоуцзянь [Развитие и системное строительство китайской публичной дипломатии] // Сяньдай гоцзигуаньси. 2006. № 2. С. 42–46. (На кит. яз.)

14. Узбеков Д., Курманов З. Уйгуры как актор политического процесса в Кыргызской Республике // Центральная Азия и Кавказ. 2014. Т. 17. № 2. С. 148–157.

15. Хан Ф. Гунгунвайцзяо гайлунь [Введение в публичную дипломатию]. Пекин: Издательство Пекинского университета, 2012. (На кит. яз.)

16. Хань Ч. Чукоу мэйго: мэйго синьвэньчу юй мэиго гонггонгваицзiao [Экспортирование Америки: ЮСИА и американская публичная дипломатия]. Тяньцзинь: Народное издательство, 2000. (На кит. яз.)

17. Цзи С. Ханьюй гоцзи туйгуан чжаньлюэ яньцзю [Исследование по глобальной стратегии распространения китайского языка] // Аньхуэй вэньсюэ. 2016. № 7. С. 155–156. (На кит. яз.)

18. Цзяо Ж. Чжунго синьцзян чжулю мэйти чжунъячуаньбошоуч-жунской цю яньцзю [Исследование опросов аудиторий главных СМИ Синьцзяна в Центральной Азии] // Синьцзян шифан дасюэ сюэбао. 2014. № 5. С. 110–116. (На кит. яз.)

19. Чжан Х. Идайилу бэйцзинся чжунго дуй хасакэсытань дэ гунгунгвайцзяо [Общественная дипломатия Китая с Казахстаном в контексте «Одного пояса, одного пути»] // Гунгунгвайцзяо цзикань. 2019. № 2. С. 80. (На кит. яз.)

20. Чжан Ян, Чжан Яо. Миньсиньсянтун дэ мэйтилуцинъ юй цзяньгоу — дуйфэйчжоусиньгунгунгвайцзяо дэ сыкао [Медиапути и установление контактов между людьми — размышления о новой публичной дипломатии в Африке] // Дуйвайхжуаньбо. 2016. № 4. С. 7–9. (На кит. яз.)

21. Чжао К. Гунгунгвайцзяо дэ лилунъ юй шицзянь [Теория и практика публичной дипломатии]. Шанхай: Шанхайское лексикографическое издательство, 2007. (На кит. яз.)

22. Чжао Х. Чжунгуо дэ чжунъяввайцзяо: лилунъ юй шицзянь [Дипломатия Китая в Центральной Азии: теория и практика] // Гоцзи вэньтияньцзю. 2007. № 4. С. 30–52. (На кит. яз.)

23. Чжун Л., Ван Ц. Чжунго гунгунгвайцзяо дэ яньцзинь: нэйжунъ юй синши [Эволюция публичной дипломатии Китая: содержание и форма] // Вайцзяопинлунъ. 2006. № 3. С. 64–69. (На кит. яз.)

24. Custer S., Schon J., Horigoshi A. et al. Corridors of power: How Beijing uses economic, social, and network ties to exert influence along the Silk road. Williamsburg, VA: AidData at William & Mary, 2021. Available at: https://docs.aiddata.org/ad4/pdfs/Corridors_of_Power.pdf (accessed: 20.10.2022).

25. Custer S., Sethi T., Solis J. et al. Silk road diplomacy: Deconstructing Beijing's toolkit to influence South and Central Asia. Williamsburg, VA: AidData at William & Mary, 2019. Available at: https://docs.aiddata.org/ad4/pdfs/Silk_Road_Diplomacy_Report.pdf (accessed: 20.10.2022).

26. Exnerová V. China's 'Silk road' public diplomacy in Central Asia: Rethinking the 'network' approach to the study of public diplomacy and its instrumentalism // Transnational sites of China's cultural diplomacy: Central Asia, Southeast Asia, Middle East and Europe compared / Ed. by J. Ptáčková, O. Klimeš, G. Rawnsley. Singapore: Palgrave Macmillan, 2021. P. 65–87.

27. Fominykh A. Russia's public diplomacy in Central Asia and the Caucasus: The role of the universities // The Hague Journal of Diplomacy. 2017. Vol. 12. No. 1. P. 56–85. DOI: 10.1163/1871191X-12341350.

28. Klimeš O. Xinjiang in China's public diplomacy in Central Asia: Case study of Almaty // Transnational sites of China's cultural diplomacy: Central Asia, Southeast Asia, Middle East and Europe compared / Ed. by J. Ptáčková, O. Klimeš, G. Rawnsley. Singapore, Palgrave Macmillan, 2021. P. 35–63.

29. Kobierecka A. Post-COVID China: 'Vaccine diplomacy' and the new developments of Chinese foreign policy // *Place Branding and Public Diplomacy*. 2022. P. 1–14. Available at: <https://link.springer.com/content/pdf/10.1057/s41254-022-00266-2.pdf?pdf=button> (accessed: 20.10.2022). DOI: 10.1057/s41254-022-00266-2.

30. Kobierecka A., Kobierecki M.M. Coronavirus diplomacy: Chinese medical assistance and its diplomatic implications // *International Politics*. 2021. Vol. 58. No. 1. P. 937–954. DOI: 10.1057/s41311-020-00273-1.

31. Laruelle M., Peyrouse S. *The Chinese question in Central Asia: Domestic order, social change and the Chinese factor*. New York: Columbia University Press, 2012.

32. Lilei S., Zhao Q. A model for the Belt and Road Initiative: China's cultural diplomacy toward Central and Eastern European countries // *The Belt and Road Initiative in the global arena: Chinese and European perspectives* / Ed. by C. Yu, S. Lilei, H. Lihe. Singapore: Palgrave Macmillan, 2018. P. 55–68.

33. Litvak N.V., Pomozova N.B. Chinese diplomatic discourse for Europe: A change of style // *Russia in Global Affairs*. 2021. Vol. 19. No. 1 (73). P. 50–69. DOI: 10.31278/1810-6374-2021-19-1-50-69.

34. Melissen J. *The new public diplomacy: Between theory and practice // The new public diplomacy. Studies in diplomacy and international relations* / Ed. by J. Melissen. London: Palgrave Macmillan, 2005. P. 3–27.

35. Nicholas J.S. *Chinese migration to Central Asia: Contrasting experiences between Kazakhstan and Kyrgyzstan*: Master's Thesis. University of Washington, 2013. Available at: https://digital.lib.washington.edu/researchworks/bitstream/handle/1773/23547/STEINER_washington_0250O_11745.pdf?sequence=1 (accessed: 20.10.2022).

36. Whyke T.W., Chen Z.T., Lopez-Mugica J. An analysis of cultural dissemination and national image construction in Chinese influencer Li Ziqi's vlogs and its impact on international viewer perceptions on YouTube // *The Journal of Chinese Sociology*. 2022. Vol. 9. No. 14. P. 1–19. DOI: 10.1186/s40711-022-00173-2.

REFERENCES

1. Bakhriev B.Kh. 2018. 'Myagkaya sila' i publichnaya diplomatiya: vozmozhnosti dlya nezavisimogo Tadzhikistana [Soft power and public diplomacy: Opportunities for independent Tajikistan]. *Tomsk State University Journal*, no. 436, pp. 97–105. DOI: 10.17223/15617793/436/11. (In Russ.)

2. Van B. 2021. *Chzhungo vaitszyaobumen' de tuite gungunvaitszyao yan'tszyu* [On the use of public Twitter-diplomacy tools in China's diplomatic service]. M.A. Thesis. Beijing. (In Chinese.)

3. Van Ts. 2021. Osobennosti publichnoi diplomatii Kitaiskoi Narodnoi Respubliki (istoricheskii aspekt) [Peculiarities of public diplomacy of the People's Republic of China (historical aspect)]. *Russia in the Global World*, no. 21 (44), pp. 67–80. DOI: 10.48612/rg/RGW.21.17. (In Russ.)

4. Guliachzhati T. 2014. 'Duntu' Kunbukhodun de gotsziin'su tszi yuifantsoshi [International aspects of the terrorist activities by 'East Turkestan' and measures in combating them]. *Alabo shitsze yan'tszyu*, no. 4, p. 55–67. (In Chinese.)

5. Lyu D. (ed.). 2018. *Gungunvaitszyao yan'tszyu* [On public diplomacy]. Beijing. (In Chinese.)

6. Krivokhizh S.V. 2012. 'Myagkaya sila' i publichnaya diplomatiya v teorii i vneshnepoliticheskoi praktike Kitaya ['Soft power' and public diplomacy in theory and foreign policy practice of China]. *Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies*, no. 3, pp. 103–112. (In Russ.)

7. Lai L. 2017. Mediaobraz pervoi ledi kak element 'myagkoi sily' v publichnoi diplomatii Kitaya [Media image of the first lady as an element of 'soft power' in the Chinese public diplomacy]. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, vol. 14, no. 3, pp. 455–465. DOI: 10.21638/11701/spbu09.2017.312. (In Russ.)

8. Lukin A. 2013. Publichnaya diplomatiya [Public diplomacy]. *The International Affairs*, no. 3. Available at: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/831> (accessed: 15.12.2022). (In Russ.)

9. Mavlonova A.S. 2015. Rol' uigurskoi diaspori za rubezhom v bor'be za nezavisimost' Sin'tszyana [The role of the Uighur diaspora in the struggle for independence of Xinjiang]. *Vestnik RUDN. International Relations*, no. 1, pp. 169–176. (In Russ.)

10. Muratalieva Z.T. 2017. 'Soft power' Rossii v Tsentral'noi Azii: klyuchevye aspekty i probely v realizatsii [Russian 'soft power' in Central Asia: Key aspects and omissions in implementation]. *Discourse-P*, no. 3–4 (28–29), pp. 121–128. (In Russ.)

11. Naumov A.O. 2021. 'Myagkaya sila' i publichnaya diplomatiya Germanii: proshloe i nastoyashchee ['Soft power' and public diplomacy in Germany: Past and present]. *Genesis: Historical Research*, no. 11, pp. 133–145. DOI: 10.25136/2409-868X.2021.11.33457. (In Russ.)

12. Rustamova L.R., Bakhriev B.Kh. 2020. Osobennosti publichnoi diplomatii Evropeiskogo soyuza v Tsentral'noi Azii [Distinguishing features of EU public diplomacy in Central Asia]. *Politiya: analiz, khronika, prognoz*, no. 3 (98), pp. 165–180. DOI: 10.30570/2078-5089-2020-98-3-165-180. (In Russ.)

13. Tan S. 2006. Chzhungo gungunvaitszyao de fachzhan' tszitsi tisigoutszyan' [System development of the Chinese public diplomacy]. *Syan'dai gotsziguan'si*, no. 2, pp. 42–46. (In Chinese.)

14. Uzbekov D., Kurmanov Z. 2014. Ugury kak aktor politicheskogo protsessa v Kyrgyzskoi Respublike [Uighurs as political actors in the Kyrgyz Republic]. *Central Asia and the Caucasus*, vol. 17, no. 2, pp. 148–157. (In Russ.)

15. Khan F. 2012. *Gungunvaitszyao gailun'* [Public diplomacy: An introduction]. Beijing. (In Chinese.)

16. Khan' Ch. 2000. *Chukou meigo: meigo sin'ven'chu yui meigo gong-gongvaitsziao* [The export of the USA: USIA and the US public diplomacy]. Tianjin. (In Chinese.)

17. Tszu S. 2016. Khan'yui gotszi tuiguan chzhan'lyue yan'tszyu [On the global strategy of dissemination of the Chinese language]. *An'khuei ven'syue*, no. 7, pp. 155–156. (In Chinese.)

18. Tszzyao Zh. 2014. Chzhungo sin'tszyan chzhulyu meiti chzhun 'yachuan' boshouchzhunsyui tsyu yan'tszyu [Audience study of the main Xinjiang media in Central Asia]. *Sin'tszyan shifan dasyue syuebao*, no. 5, pp. 110–116. (In Chinese.)

19. Chzhan Kh. 2019. Idailu beitszinsya chzhungo dui khasakesytan' de gungungvaitszyao [China's public diplomacy in Kazakhstan in the context of the Belt and Road Initiative]. *Gungungvaitszyao tszikan'*, no. 2, p. 80. (In Chinese.)

20. Chzhan Yan, Chzhan Yao. 2016. Min'sin'syantun de meitilutszin' yui tszyan'gou — duifeichzhousin'gungunvaitszyao de sykao [Media-strategies and people-to-people contacts: On new public diplomacy in Africa]. *Duivaixzhuan'bo*, no. 4, pp. 7–9. (In Chinese.)

21. Chzhao K. 2007. *Gungunvaitszyao de lilun' yui shitszyan'* [Theory and practice of public diplomacy]. Shanghai. (In Chinese.)

22. Chzhao Kh. 2007. Chzhunguo de chzhun'yavaitszyao: lilun' yui shitszyan' [China's diplomacy in Central Asia: Theory and practice]. *Gotszi ven'tiyan'tszyu*, no. 4, pp. 30–52. (In Chinese.)

23. Chzhun L., Van Ts. 2006. Chzhungo gungunvaitszyao de yan'tszin': neizhun' yui sinshi [Evolution of China's public diplomacy: Form and content]. *Vaitszyaopinlun'*, no. 3, pp. 64–69. (In Chinese.)

24. Custer S., Schon J., Horigoshi A. et al. 2021. *Corridors of power: How Beijing uses economic, social, and network ties to exert influence along the Silk road*. Williamsburg, VA, AidData at William & Mary. Available at: https://docs.aiddata.org/ad4/pdfs/Corridors_of_Power.pdf (accessed: 15.12.2022).

25. Custer S., Sethi T., Solis J. et al. 2019. *Silk road diplomacy: Deconstructing Beijing's toolkit to influence South and Central Asia*. Williamsburg, VA, AidData at William & Mary. Available at: https://docs.aiddata.org/ad4/pdfs/Silk_Road_Diplomacy_Report.pdf (accessed: 15.12.2022).

26. Exnerová V. 2021. China's 'Silk road' public diplomacy in Central Asia: Rethinking the 'network' approach to the study of public diplomacy and its instrumentalism. In: Ptáčková J., Klimeš O., Rawnsley G. (eds.). *Transnational sites of China's cultural diplomacy: Central Asia, Southeast Asia, Middle East and Europe compared*. Singapore, Palgrave Macmillan, pp. 65–87.

27. Fominykh A. 2017. Russia's public diplomacy in Central Asia and the Caucasus: The role of the universities. *The Hague Journal of Diplomacy*, vol. 12, no. 1, pp. 56–85. DOI: 10.1163/1871191X-12341350.

28. Klimeš O. 2021. Xinjiang in China's public diplomacy in Central Asia: Case study of Almaty. In: Ptáčková J., Klimeš O., Rawnsley G. (eds.). *Transnational sites of China's cultural diplomacy: Central Asia, Southeast Asia, Middle East and Europe compared*. Singapore, Palgrave Macmillan, pp. 35–63.

29. Kobierecka A. 2022. Post-COVID China: 'Vaccine diplomacy' and the new developments of Chinese foreign policy. *Place Branding and Public Diplomacy*, pp. 1–14. Available at: <https://link.springer.com/content/pdf/10.1057/s41254-022-00266-2.pdf?pdf=button> (accessed: 15.12.2022). DOI: 10.1057/s41254-022-00266-2.

30. Kobierecka A., Kobierecki M.M. 2021. Coronavirus diplomacy: Chinese medical assistance and its diplomatic implications. *International Politics*, vol. 58, no. 1, pp. 937–954. DOI: 10.1057/s41311-020-00273-1.

31. Laruelle M., Peyrouse S. 2012. *The Chinese question in Central Asia: Domestic order, social change and the Chinese factor*. New York, Columbia University Press.

32. Lilei S., Zhao Q. 2018. A model for the Belt and Road Initiative: China's cultural diplomacy toward Central and Eastern European countries. In: Yu C., Lilei S., Lihe S. (eds.). *The Belt and Road Initiative in the global arena: Chinese and European perspectives*. Singapore, Palgrave Macmillan, pp. 55–68.

33. Litvak N.V., Pomožova N.B. 2021. Chinese diplomatic discourse for Europe: A change of style. *Russia in Global Affairs*, vol. 19, no. 1 (73), pp. 50–69. DOI: 10.31278/1810-6374-2021-19-1-50–69.

34. Melissen J. 2005. The new public diplomacy: Between theory and practice. In: Melissen J. (ed.). *The new public diplomacy. Studies in diplomacy and international relations*. London, Palgrave Macmillan, pp. 3–27.

35. Nicholas J.S. 2013. *Chinese migration to Central Asia: Contrasting experiences between Kazakhstan and Kyrgyzstan*. Master's Thesis. University of Washington. Available at: https://digital.lib.washington.edu/researchworks/bitstream/handle/1773/23547/STEINER_washington_0250O_11745.pdf?sequence=1 (accessed: 15.12.2022).

36. Whyke T.W., Chen Z.T., Lopez-Mugica J. 2022. An analysis of cultural dissemination and national image construction in Chinese influencer Li Ziqi's vlogs and its impact on international viewer perceptions on YouTube. *The Journal of Chinese Sociology*, vol. 9, no. 14, pp. 1–19. DOI: 10.1186/s40711-022-00173-2.

Статья поступила в редакцию 05.10.2022;
одобрена после рецензирования 01.02.2023;
принята к публикации 07.03.2023
The paper was submitted 05.10.2022;
approved after reviewing 01.02.2023;
accepted for publication 07.03.2023

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. СЕРИЯ 25: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА» В 2022 г.

Статьи	№	С.
Мировой порядок в XXI веке		
Богданов А.Н. Факторы легитимности американской гегемонии: меняющаяся роль коалиций и партнерств	1	7–32
Международная безопасность		
Криволапов О.О. Дискуссии о роли систем ПРО театра военных действий в региональном сдерживании Северной Кореи и Ирана	1	33–63
Богданов К.В. Стратегическая стабильность: динамика и факторы трансформации	4	7–47
Калинин Р.Р. Корейский полуостров как очаг напряженности «холодной войны 2.0»	4	48–76
Иностранная помощь		
Бартевев В.И. Президентские инициативы как инструмент управления политикой США по оказанию международной помощи в XXI веке: от Джорджа Буша-младшего до Джозефа Байдена	1	64–113
Региональные проблемы мировой политики		
Пархоменко В.К. Соперничество США и КНР в Африке: вызовы и перспективы	1	114–150
Коломин В.О. Общая рыболовная политика ЕС сквозь призму концепции многоуровневого управления	1	151–174
Прохоренко И.В. Нарративы энергетического перехода в Европейском союзе	4	77–97
Благовещенский Р.И. Возможно ли повторение Брексита во Франции?	4	98–124
«Мягкая сила» в мировой политике		
Марчуков А.Н. Публичная дипломатия ЕС в США при администрации Д. Трампа: вызовы, ключевые проекты и результаты	4	125–144
Ван Юйфэй. Практика публичной дипломатии КНР в Центральной Азии: современное состояние, вызовы и перспективы развития	4	145–172
Энергетический переход и экономическая дипломатия		
От редакции	2	7–11
Боровский Ю.В. Столкновение энергетических интересов России и Запада: объяснительный потенциал реалистского и либерального теоретических подходов	2	12–39

Статьи	№	С.
Юдина О.Н. Энергетический диалог Россия–ЕС в 2000–2014 гг.: ключевые приоритеты, этапы, противоречия и результаты	2	40–75
Басов Ф.А. Внутренние и внешние детерминанты позиции ФРГ в отношении проекта «Северный поток-2»	2	76–108
Бирюкова Н.А. США и энергетический переход XXI века: меры по преодолению зависимости от КНР в сфере критических минералов	2	109–147
Филоник А.О., Батурина В.Н. Арабский мир на пороге энергоперехода: вызовы, амбиции, пределы роста	2	148–172
Исаев К.А. Экономическая дипломатия России в отношении Венесуэлы: от У. Чавеса до Н. Мадуро	2	173–208
Международно-политические аспекты образования СССР: взгляд через 100 лет		
От редакции	3	7–10
Романова Е.В. Советская Россия/СССР и трансформация системы международных отношений в первой половине 1920-х годов	3	11–51
Ватлин А.Ю. 1922 — лучший год Коминтерна. Советская Россия, немецкие коммунисты и Генуэзская конференция	3	52–87
Сергеев Е.Ю. Советская и британская дипломатия на международных конференциях накануне образования СССР	3	88–127
Магадеев И.Э. Советская Россия и баланс сил в Центрально-Восточной Европе в 1922 г.: взгляд французских дипломатов и военных	3	128–162
Романов В.В. Национально-территориальная трансформация России в 1917–1922 гг. в оценках представителей либерального политико-академического истеблишмента США	3	163–194
Гатагова Л.С. Республики Южного Кавказа на пути к «социалистической федерации» (1917–1922)	3	195–226
Михайлова Ю.Л. Мирные переговоры между Россией и Латвией в 1920 г.: предпосылки, ключевые противоречия, итоги	3	227–264
Научные обзоры и рецензии		
Родин Д.В. От изоляционизма к интервенционизму. <i>Рецензия на книгу О.В. Петросянца «Американо-германские отношения в 1938–1941 гг.: политика, дипломатия, приоритеты сторон»</i>	1	175–191
Научная жизнь		
Алешин К.А., Сугаков Г.К. Новые контуры партнерства России и Африки: экономическое, политическое, культурно-гуманитарное и молодежное измерения	1	192–200

COMPLETE LIST OF PAPERS PUBLISHED IN «LOMONOSOV WORLD POLITICS JOURNAL» IN 2022

Papers	№	P.
World Order in the XXI Century		
Bogdanov A.N. Legitimizing Factors of the American Hegemony: The Changing Role of Coalitions and Partnerships	1	7–32
International Security		
Krivolapov O.O. Debates on the Role of the U.S. Theater Missile Defense in the Regional Deterrence of North Korea and Iran	1	33–63
Bogdanov K.V. Strategic Stability: Dynamics and Factors of Transformation	4	7–47
Kalinin R.R. The Korean Peninsula as a Hotbed of Cold War 2.0	4	48–76
Foreign Assistance		
Bartenev V.I. Presidential Initiatives as a Tool to Manage U.S. Foreign Assistance Policies in the XXI Century: From George W. Bush Jr. to Joseph R. Biden	1	64–113
Regional Issues of World Politics		
Parkhomenko V.K. The U.S.-China Rivalry in Africa: Challenges and Prospects	1	114–150
Kolomin V.O. Common Fisheries Policy of the EU through the Lens of Multi-Level Governance Framework	1	151–174
Prokhorenko I.L. Energy Transition Narratives in the European Union	4	77–97
Blagoveshchenskii R.I. Brexit: Could France Follow the Lead?	4	98–124
‘Soft Power’ in World Politics		
Marchukov A.N. The EU Public Diplomacy in the United States under the D. Trump Administration: Challenges, Key Projects and Outcomes	4	125–144
Wang Yufei. PRC’s Public Diplomacy Practice in Central Asia: Current Situation, Challenges and Prospects	4	145–172
Energy Transition and Economic Diplomacy		
Editorial Note	2	7–11
Borovsky Yu.V. Russia and the West: Clash of energy interests through the lens of realist and liberal approaches	2	12–39
Yudina O.N. Russia–EU energy dialogue in 2000–2014: Key priorities, stages, contradictions, and outcomes	2	40–75
Basov F.A. Germany’s stance on the Nord Stream 2 project: Internal and external determinants	2	76–108
Biryukova N.A. The USA and the energy transition of the 21st century: Measures to overcome dependence on China in critical minerals	2	109–147

Papers	№	P.
Filonik A.O., Baturina V.N. The Arab world on the verge of the energy transition: Challenges, ambitions, and limits to growth	2	148–172
Isaev K.A. Economic diplomacy of Russia towards Venezuela: From H. Chaves to N. Maduro	2	173–208
International Political Aspects of the Formation of the USSR: 100 Years After		
Editorial Note	3	7–10
Romanova E.V. Soviet Russia/the USSR and Transformation of the International Relations System in the First Half of the 1920s	3	11–51
Vatlin A.Yu. 1922 — the Best Year of the Comintern. Soviet Russia, German Communists and the Genoa Conference	3	52–87
Sergeev E.Yu. Soviet and British Diplomacy at International Conferences on the Eve of the Formation of the USSR	3	88–127
Magadeev I.E. French Diplomats and the Military on Soviet Russia and the Balance of Power in Central-Eastern Europe in 1922	3	128–162
Romanov V.V. The US Liberal Political and Academic Establishment on National-Territorial Transformation of Russia in 1917–1922	3	163–194
Gatagova L.S. The Republics of the Southern Caucasus on Their Way to the 'Socialist Federation' (1917–1922)	3	195–226
Mikhailova Yu.L. Peace Negotiations between Russia and Latvia in 1920: Premises, Key Issues, and Outcomes		227–264
Review Essays and Book Reviews		
Rodin D.V. From Isolationism to Interventionism. <i>Book Review of 'The U.S.-German Relations, 1938–1941: Politics, Diplomacy, Priorities' by O.V. Petrosyants</i>	1	175–191
Academic Events		
Aleshin K.A., Sugakov G.K. The New Contours of the Russia-Africa Partnership: The Economic, Political, Cultural-Humanitarian and Youth Dimensions	1	192–200